

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

З.Р. Хежева

**СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ
В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ**

Нальчик • 2015

УДК — 811.352.3'366

ББК — 81'2 Ады-5

Х — 35

Печатается по решению Ученого совета ФГБНУ
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Научный редактор

Б.Ч. Бижоев, доктор филологических наук

Рецензенты:

Р.Х. Дзуганова, доктор филологических наук

Х.Ч. Жилетежев, кандидат филологических наук

Хежева З.Р. Семантико-грамматическая характеристика кате-
Х — 35 гории наклонения в кабардино-черкесском языке. — Нальчик:
Издательский отдел КБИГИ, 2015. — 136 с.

Монография представляет собой комплексное исследование функционирования категории наклонения в адыгских языках с учетом таких универсальных лингвистических категорий, как модальность и предикативность.

В работе дается экскурс в историю изучения категории наклонения, уточняется состав категориальных форм в системе наклонения кабардино-черкесского языка, выявляются семантико-грамматические средства их передачи, освещаются явления темпоральности и модальности как основные формы выражения предикативности в адыгских языках.

Издание адресовано научным работникам гуманитарного направления, преподавателям, студентам и аспирантам филологических специальностей, а также всем читателям, интересующимся проблемами адыгской филологии.

ISBN 978-5-91766-108-7

© Хежева З.Р., 2015

© КБИГИ, 2015

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCH

Z.R. Hezheva

THE SEMANTIC
AND GRAMMATICAL CHARACTERISTIC
OF THE CATEGORY OF MOOD
IN KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE

Nalchik • 2015

UDK – 811.352.3'366

BBK – 81'2 Adi-5

H – 35

Printed according to the decision of the Scientific Council
of the Federal State Budgetary Science Establishment
the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Researches

Scientific editor

B.Ch. Bizhoev, Doctor of Philology

Reviewers:

R.H. Dzuganova, Doctor of Philology

H.Ch. Zhiletezhiev, Candidate of Philology

Hezheva Z.R. The semantic and grammatical characteristic of the
H – 35 category of mood in Kabardian-Circassian language. – Nalchik:
Publishing Department of KBIHR, 2015. – 136 p.

The monograph is a study of the linguistic category of mood as a means of expression of modality, the means of representation and morphological methods of expression in Adyghe languages.

The investigation has a material on the history of the study of the category of mood in the Kabardian-Circassian language, established relation ship forms the mood and the time covered grammatical phenomena of modality and temporality, as the main means of expression of predicative in Adyghe languages.

The publication is addressed to researchers in humanities, teachers, students and graduates of philological specialties, as well as to all readers interested in the problems of Adyghe philology.

ISBN 978-5-91766-108-7

© Hezheva Z.R., 2015

© KBIHR, 2015

ВВЕДЕНИЕ

При исследовании морфологии адыгских языков категория наклонения, как грамматическое средство реализации модальных функций, находится в центре внимания лингвистов, поскольку считается одной из самых сложных и противоречивых категорий адыгского глагола. Доказательством тому является то обстоятельство, что данная грамматическая категория до сих пор не получила однозначного решения в общем и адыгском языкознании.

В последнее время разные лингвистические школы сформировали целый спектр мнений о категории наклонения, о способах ее экспликации и ее репрезентативных функциях в парадигме других грамматических категорий. В свете недостаточной изученности и разработанности целого ряда проблем, связанных с процессами становления и развития категории наклонения в адыгских языках, а также с отсутствием четко аргументированных теоретических оснований для выделения данной категории в адыгском языкознании, вопросы, касающиеся категории наклонения, решаются учеными по-разному.

Очевидно, что выявление наклонений базируется на осмыслении категории модальности как целевой установки речи, что представляется малоубедительным, поскольку модальность, как известно, содержит в себе оценку говорящим соотносительности содержания предложения с действительностью. К слову, идентичные вопросительные и повествовательные предложения, обладая одной и той же целевой установкой речи, могут различаться по своей модальности в контексте речи.

В языкознании стало аксиомой понимание наклонения как грамматической категории глагольных слов. Именно так интерпретируют грамматическую природу наклонения специалисты по европейским и некоторым другим языкам. Действительно, во многих языках наклонение служит одной из формальных характеристик слов, обозначающих действие или состояние предмета как процесс. В этих языках наклонение чуждо словам других грамматических классов.

Решение вопроса о категории наклонения в кабардино-черкесском языке связано с еще большими трудностями. Это объясняется отсутствием четкого определения отдельных форм наклонения и времени, а также синкретическим характером самих форм наклонения.

На протяжении всей истории языкознания проблема дифференциации категории наклонения и времени была и остается одной из приоритетных задач в исследовании морфологии языка. Трудности в определении категории наклонения усугубляются также наличием в адыгских языках, с одной стороны, статических и динамических глаголов, а с другой – финитных и инфинитных образований. И хотя по заявленной теме существуют фундаментальные работы ведущих исследователей и достигнуты определенные успехи по этому вопросу, модально-временная система адыгских языков требует более детальной разработки. Теоретико-методологической базой данного исследования являются работы ведущих лингвистов в области иберийско-кавказского, европейского и русского языкознания, которые занимались проблемами модальности, категорией наклонения и предикативности: И.И. Мещанинова, В.В. Виноградова, Г.А. Золотовой, В.А. Бондарко, Ш.Б. Ногмова, Г.В. Рогава, З.И. Керашевой, Г. Турчанинова, М. Цагова, К.Т. Мамрешева, П.М. Багова, У.С. Зекоха, М.А. Кумахова, Л.П. Чкадуа и др. Значительный интерес представляли для нашей работы исследования, освещающие проблемы теории языка и функциональной грамматики, в том числе работы таких зарубежных теоретиков языка, как Ш. Балли и Л. Блумфильд.

Ряд исследователей как адыгейского, так и кабардино-черкесского языка, считает, что тесная взаимообусловленность темпоральных и модальных образований является следствием того, что в языке наблюдалась общность временных и модальных форм. Из этого следует, что временные и модальные образования являются парадигмами одной модально-временной системы.

При анализе морфологии адыгских языков, в частности, адыгейского языка, категорию наклонения и времени рассматривают в совокупности, и данным категориям дают общую характеристику (Г.В. Рогава, З.И. Керашева, Л.П. Чкадуа). Подобная картина наблюдается и в исследованиях по другим языкам. Например, известный тюрколог Н.А. Баскаков объединил понятия времени и наклонения в одном понятии «вид». Форму повелительного наклонения в ногайском языке *барайым* «пойду-ка я» он называет видом приказа или побуждения [Баскаков, 1969: 94]. В работе Н.А. Баскакова нет упоминания ни о времени, ни о наклонении, даны только формы и их разновидности в пределах категории вида.

На тесной связи категории времени и наклонения в кабардино-черкесском языке акцентирует внимание М.А. Кумахов, хотя в его трудах эти категории даются в самостоятельных разделах.

До настоящего времени в кабардино-черкесском языкознании нет работ, представляющих собой системное, целостное исследование категории наклонения, за исключением диссертационной работы Б.К. Утижева «Позволительно-повелительные формы повелительного наклонения» [1972], что, однако, не умаляет значения соответствующих разделов описательных грамматик и грамматических очерков по кабардино-черкесскому языку, где категория наклонения представлена в общих чертах. Это не касается грамматики адыгейского языка и диссертационной работы Ж.А. Шаова «Категория наклонения в адыгейском языке».

Целью данного исследования является создание целостной картины функционирования категории наклонения, анализ и описание в синхронном плане глагольной парадигматики в пределах каждой из 7 категорий наклонения в кабардино-черкесском языке с учетом таких универсальных лингвистических категорий, как модальность и предикативность.

В работе представлен экскурс в историю изучения категории наклонения в адыгских языках, освещены грамматические явления модальности и темпоральности как основные средства выражения предикативности в адыгских языках. Кроме того, установлено соотношение форм наклонения и времени в кабардино-черкесском языке и показана взаимосвязь категорий финитности и инфинитности с категориями времени и наклонения; уточнен состав категориальных форм в самой системе наклонения.

Методы, использованные в работе, опираются на традицию синхронного описания грамматики адыгских языков, а также на теоретическое осмысление категории модальности и наклонения в трудах исследователей, работающих в области русского и иберийско-кавказского языкознания.

Результаты исследования могут иметь выход в общую теорию грамматики и пополнить типологические характеристики категории наклонения в кабардино-черкесском языке и других языках мира. Результаты исследования также позволят сделать ряд выводов о когнитивной сущности и природе категории наклонения в адыгских языках.

Практическая ценность проведенного исследования заключается в возможности использовать его материал и основные положения при разработке нормативной грамматики кабардино-черкесского языка, спецкурсов по общему и кавказскому языкознанию, теоретических курсов по контрастивной лингвистике.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Эта часть речи настолько многогранна и многообразна по своему строению и составу, что полное описание морфологической системы адыгского глагола еще не осуществлено. Система глагола, унаследованная от праязыкового состояния, обладает исключительно сложной структурой и высокой степенью синтеза. Подобная сложность обусловлена и тем, что в сфере глагола выражается большое количество морфологических категорий.

В адыгском глаголе традиционно выделяются 14 категорий: времени, числа, лица, наклонения, каузатива, переходности/непереходности, динамичности/статичности, финитности/инфинитности, версии, возвратности, союзности, взаимности, возможности (потенциальности), произвольности.

Некоторые из перечисленных категорий образуют парадигматические системы, которые охватывают большое количество глагольных основ. К таковым относятся категории времени, лица и наклонения.

Для адыгских языков характерна весьма развитая многочисленная система наклонений. По мнению М.К. Кумахова, предпринявшего попытку реконструировать общеадыгскую систему наклонений, некоторые модусные формы восходят к общеадыгскому хронологическому уровню [Кумахов 1971: 241]. Вместе с тем, после распада общеадыгского единства модальные образования подверглись весьма существенным изменениям: образовались принципиально новые формы, осложнились старые формы наклонений.

В целях более глубокого понимания и осмысления сущности категории наклонения в адыгских языках важным представляется обращение к истории изучения данной категории, которое, как нам представляется, начинается с трудов Ш.Б. Ногмова.

1.1. Ш.Б. Ногмов о грамматической категории наклонения

Большой вклад в изучение кабардинского языка внес кабардинский просветитель Ш.Б. Ногмов (Ногма). «Изучение рукописей Ш.Б. Ногмова свидетельствует о том, что, хотя влияние русской грамматики на его труд было велико и на этот труд наложила известный след арабская школа подготовки ее автора, кабардинскому ученому удалось в ряде случаев провести интересные и тонкие наблюдения над родным языком. «Филологические труды» Ш.Б. Ногмова составляют его «Начальные правила кабардинской грамматики» в двух редакциях – 1840 и 1843», – пишет Г.Ф. Турчанинов в предисловии к «Филологическим трудам» [Ногмов, 1959].

В работе «Начальные правила кабардинской грамматики» (1840, 1843) категория глагола представлена более обширно, чем другие категории. Для обозначения глагола Ш.Б. Ногмов предлагает термин *икъыгъуэхэр* – букв. «основы времени». В связи с этим Г.Ф. Турчанинов отмечает: «С моей точки зрения, удачным по содержанию, хотя и специфичным, является предложенный Ш.Б. Ногмовым термин *икъыгъуэхэр* – основы времени, поскольку самой существенной особенностью этой части речи действительно является категория времени» [Ногмов, 1959: 48].

По Ш.Б. Ногмову, «глагол есть часть речи, выражающая действие или состояние предмета», например: *сойгер* (*соджэр*) или *сойге* (*соджэ*) «я читаю». В сфере глагола им выделяются следующие категории: наклонение, число, лицо, время и спряжение. Взяв за основу русскую грамматику и принятые в ней наклонения, Ш.Б. Ногмов вынужден был отнести ряд наклонений, которых нет в русском языке, в разряд времен кабардинского глагола. В грамматике 1843 года он выделяет в кабардинском языке всего лишь три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное, но далее при изложении точки зрения о спряжении кабардинского глагола появляются неопределенное и возжелательное наклонения. Г.Ф. Турчанинов установил, что

к числу наклонений, кроме неопределенного и возжелательного, Ш.Б. Ногмов в «Начальных правилах кабардинской грамматики» 1843 года относил еще и условную форму глагола. Итак, Ш.Б. Ногмов выделяет в кабардинском языке шесть наклонений: неопределенное, повелительное, изъявительное, условное, сослагательное и возжелательное.

В описании неопределенного наклонения Ш.Б. Ногмов не последователен. В большинстве случаев он выделяет неопределенное наклонение с окончанием *-нгоh* (*-нуэ*) или *-нго* (*-нуэ*), но нередко случаи, когда вместо окончания *-нгох* появляется *-н*: *лагунгох* (*л̆аг̆ъун*) – «видеть»; *шытхунго* (*щ̆ытх̆ъун*) – «хвалить»; *даапукур* (*д̆эIэпык̆ъур*) – «помощь, помогать». Форму с окончанием *-н* Ш.Б. Ногмов называет «именем действия» (масдар). Рассматривая обе формы относительно современного кабардино-черкесского языка, видно, что та форма, которую ученый именует неопределенным наклонением, с окончанием *-нгох* (*-нуэ*), ныне напоминает целевую форму инфинитива, а та форма, которая оканчивается на *-н*, сейчас употребляется в основном как инфинитив.

Автор отмечает, что повелительное наклонение употребляется в случае повеления, запрещения, требования, просьбы и т.д.: *бзаге умылаж* (*бзад̆ӂ умыл̆эӂъ*) – «не делай зла».

3-е лицо единственного и множественного числа в повелительном наклонении образуется через присоединение в начале глагола частицы *-рей* (*-рей*), обозначающей «пусть», «да будет».

Изъявительное наклонение, по Ш.Б. Ногмову, «употребляется, когда мы нечто прямо объявляем» [Ногмов, 1959: 76]: *заманме кейгасер* (*з̆эманым̆ к̆ьег̆ъас̆эр*) – «время учит». Далее он отмечает, что настоящее время изъявительного наклонения образуется от причастия настоящего времени прибавлением к началу личных местоимений, а иногда для множественного числа присоединяется слог *-хе* (*-хэ*) или *хер* (*-хэр*).

Единственное число:

1 л. *сыдоапукур* (*сыдоIэпык̆ъур*) – «я помогаю»;

Множественное число:

1 л. *дыдоапукухер* (*дыдоIэпык̆ъух̆эр*) – «мы помогаем»;

Прошедшее совершенное время изъявительного наклонения Ш.Б. Ногмов образует путем присоединения к повелительному

наклонению окончания *-аиш (-аиц)*: *сыдаапукуаиш (сыдэИэпыкъяуаиц)* – «я помог», а прошедшее несовершенное – путем присоединения к повелительному наклонению окончания *-оиш (-эиц)*:

Ед. число *сыдаапукоиш (сыдэИэпыкъяуаиц)* – «помогал»;

Мн. число *дыдаапукохэиш (дыдэИэпыкъяуахэиц)* – «мы помогали».

Как видно из приведенных примеров, особенностью изъявительного наклонения в прошедшем времени, по Ногмову, является окончание *-иц*.

«Условное наклонение употребляется, когда говорится с условием: *мир зихесхат(е)м (мыр зэхэсхатэмэ)* – «если бы я это слышал». В «Начальных правилах кабардинской грамматики» 1843 года (параграфы 93, 101) Ш.Б. Ногмов приводит примеры глаголов в условном наклонении с формантом *-тэмэ (-тэм)* и с формантом *-мэ (-м)* во всех временах, не давая никакого пояснения о грамматическом различии этих форм. В данном случае, приводя условное наклонение с формантом *-тэмэ* (так называемое условное нереальное) только однажды в прошедшем времени, он тем не менее старается как-то его определить, хотя и не совсем удачно, называя условным неопределенным временем. «Настоящее время условного наклонения образуется прибавлением к повелительному наклонению окончания *-ме (-мэ)* или *тем (-тэмэ)*: *сыдаапукуме (сыдэИэпыкъяумэ)* «если я помогу»; *сыдаапукутем (сыдэИэпыкъяутэмэ)* «если я помогаю» [Ногмов, 1959: 169].

В пояснении к образованию форм глагола настоящего времени условного наклонения и далее других (прошедшего и будущего) времен Ш.Б. Ногмов останавливается только на формальной стороне, не определяя смыслового различия между условным наклонением с формантом *-мэ* и с формантом *-тэм* или *-тэмэ*. Различие это, как известно, сводится к тому, что условное наклонение на *-мэ* характеризует реальное условие (если пойду, то...), а условное наклонение на *-тэм* или *-тэмэ* – нереальное (если бы я пошел, то...). Формант *-тэм* или *-тэмэ*, широко представленный у Ш.Б. Ногмова, является обычной диалектальной формой, ныне характеризующей преимущественно речь жителей исторической Малой Кабарды. В данном случае следует согласиться с мнением Г.Ф. Турчанинова, что, скорее, нормой литературного произношения является *-тэмэ*.

«Сослагательное наклонение употребляется, – пишет он, – когда о чем-то не подлинно с уговором говорится: *мир зихес-*

хате иЫ (*мыр зыхэсхатэмэ*) – «если я бы слышал». Образуется из повелительного наклонения, прибавляя окончание *-т сыдаапук[у]т* (*сыдэІэпыкъурт*) – «что я помогаю», *дыдаапук[у]т* (*дыдэІэпыкъурт*) – «что мы помогаем» [Ногмов, 1959: 82].

Возжелательное (желательное) (формант *-цэрэ*) и сослагательное (формант *-нт*) у Ш.Б. Ногмова дано в формах настоящего, прошедшего 1-го и давнопрошедшего времен, сослагательное во 2-м прошедшем времени, представляющем так называемое сослагательное 2-е, образованное от формы будущего 1-го времени.

В «Начальных правилах кабардинской грамматики» 1840 года возжелательное и сослагательное наклонения не различаются, хотя и сказано, что «для возжелательного наклонения употребляется в атыхейском языке междометие *айгиддһ* (*айгыдэ*) – «дай бог» и составляется оное из повелительного наклонения с прибавлением окончания *-шерһ* (*-цэрэ*): *айгидһ згекерахошерһ* (*айгыдэ згэкІэрэхъуацэрэ*) – «дай бог, чтобы я (сейчас) вертел». Более подробного определения этому наклонению Ш.Б. Ногмов не дает [Ногмов, 1959: 95].

Возжелательное, или желательное наклонение в кабардинском языке имеют грамматические форманты *-цэрэ* и *цэрэнт*. Последний у Ш.Б. Ногмова не указан. В настоящем и прошедшем времени желательное наклонение имеет значение будущего, а в будущем времени не употребляется.

Будущее время желательного (возжелательного) наклонения у Ш.Б. Ногмова представлено описательной формой: инфинитив в сочетании со спрягаемой формой вспомогательного глагола *щытын* «стоять» в желательном наклонении прошедшего времени. Данная форма имеет значение не будущего, а прошедшего времени.

1.2. Изучение категории наклонения в середине XX века **(Г. Турчанинов, М. Цагов, Н.Ф. Яковлев, Д.А. Аишхамаф,** **Г.В. Рогава, З.И. Керашева)**

Важное значение в изучении кабардино-черкесского глагола и определении его категорий имеет работа Г.Ф. Турчанинова и М. Цагова «Грамматика кабардинского языка» (1940). Данная

работа представляет опыт описания грамматической системы кабардино-черкесского языка в части, касающейся фонетики, словообразования и морфологии. В специальной научной литературе, посвященной кабардино-черкесскому языку до издания упомянутой работы не было трудов, раскрывающих в полном объеме вопросы грамматической структуры кабардино-черкесского языка, не считая «Краткой грамматики кабардино-черкесского языка» Н.Ф. Яковлева [Яковлев, 1938]. К сожалению, в упомянутой работе научное толкование нашли не все грамматические явления в сфере кабардино-черкесского глагола.

Безусловно, на работу Г.Ф. Турчанинова и М. Цагова «Грамматика кабардинского языка» в той или иной мере имели влияние идеи предшественников, но, на наш взгляд, она выгодно отличается в качественном отношении и более соответствует возросшим научным требованиям. В данной работе глагол представлен весьма обширно: рассматриваются морфологические категории спряжения, проводится классификация глаголов по временам, наклонениям, залогам и видам, а также получают характеристику так называемые особые формы глагола.

Авторы выделяют в кабардино-черкесском языке следующие наклонения:

- 1) Изъявительное; 2) Повелительное; 3) Вопросительное;
- 4) Позволительное; 5) Наклонение вероятности; 6) Желательное;
- 7) Условное; 8) Сослагательное.

Все перечисленные наклонения имеют как положительную, так и отрицательную формы. Изъявительное наклонение у авторов «Грамматики кабардинского языка» отличается простотой: оно «обозначает совершаемое или несовершаемое реальное действие, а в отрицательной форме образуется присоединением к глаголу суффикса *-къым*». Повелительное наклонение выражает решительное приказание и имеет только формы 2-го лица единственного и множественного числа и образуется от основы глагола». Авторы представили развернутый анализ глаголов повелительного наклонения, при этом учитывались особенности категории числа, переходности-непереходности, субъективности и объективности глагола. По их мнению, повелительная форма глаголов с присоединением суффикса *-т* приобретает оттенок просьбы: *еджэт* «читай-ка». Помимо желательного наклонения, выражающего желание,

выделяется также и повелительное наклонение, которое выражает разрешение и позволение с оттенком желания. Морфологическим признаком повелительного наклонения является постфикс *-рей*, а особенностью данного наклонения Г. Турчанинов и М. Цагов считают наличие во всех глаголах в 3-м лице единственного числа местоименного префикса в форме *-йы*, а во множественном числе *-я*: *йырейкIуэ* «пусть едет», *ярейкIуэ* «пусть едут». Морфологическим признаком желательного наклонения является суффикс *-щэрэ/щэрэт*, присоединяемый к концу глагола: *сыкIуащэрэт* «хоть бы я поехал».

При рассмотрении вопросительного наклонения авторы выделяют три его разновидности с различными оттенками грамматического значения, которые выражаются особыми суффиксами. Признаками **вопросительного I** являются акцентуированные *-а*, *-у*, *-рэ*, соответственно, в прошедшем, будущем и настоящем временах; *укIуа* «ты ходил», *укIуэну* «ты пойдешь», *укIуэрэ* «идешь»; **вопросительное II** (с оттенком сомнения) образуется посредством суффикса *-къэ*, присоединяемого к основе глагола после временного признака, или же без суффикса *-къэ*, посредством формы на *-уэ* с частицей *-пIэрэ*: *дылэжьэнуэ пIэрэ?* «будем ли мы сегодня работать?», *дытхэну пIэрэ?* «будем ли мы сегодня писать?». **Вопросительное III** (с оттенком удивления) наделяется морфологическим признаком *-уи*, присоединяемым после временного признака: *кIуэнуи?* «неужели поедет?», *еджэнуи?* «неужели прочитает?».

Наклонение вероятности, по мысли авторов, выражает действие возможное, в осуществлении которого говорящий сомневается, и морфологическим признаком которого является показатель *-гъэн*. Данное наклонение употребляется в прошедшем времени с наращенным вспомогательным формантом *-щ* или с послелогом *-кIэ* и самостоятельным вспомогательным глаголом *хъун* «становиться». В будущем времени со значением вероятности употребляется также форма с суффиксом *-н* (без *-гъэ*): *ар кIуэнкIэ хъунищ* «возможно, он пойдет», *ар гъуэлъынкIэ хъунищ* «возможно, он ляжет».

Г. Турчанинов и М. Цагов выделяют две формы условного наклонения: 1) условное наклонение, имеющее морфологическим признаком суффикс *-мэ* (условное реальное): *кIуамэ* «если бы он пошел», *тхамэ* «если бы он написал»; 2) условное наклонение,

имеющее морфологическим признаком суффикс *-тэмэ* (условное нереальное): *сыкIуатэмэ* «если бы я пошел».

Система наклонения, предложенная авторами «Грамматики кабардинского языка», отличается логичностью структуры и четкой последовательностью изложения материала.

Весьма значительны заслуги советских языковедов Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа в области изучения категории наклонения в адыгских языках. В 1941 году в издательстве «Академия наук» выходит большой научный труд «Грамматика адыгейского литературного языка», авторами которого являются названные ученые. Работа является первым исследованием адыгейского языка в целом и представляет большой интерес с научной точки зрения. Учеными проведен подробный анализ специфических для адыгейского языка фонетических, морфологических и синтаксических явлений с привлечением нового фактического материала. Научные изыскания авторов во многом послужили отправной точкой для последующих исследований и разработок по проблемам глагола и его категорий.

Авторы данного фундаментального труда трактуют глагол как часть речи, которая служит для выражения сказуемого: «глагол представляет собой такое сказуемое, в котором, как в отдельном слове, выражена специальными частицами эта ее синтаксическая роль и отличается от других частей речи особой, свойственной только ему системой словоизменения – спряжением» [Яковлев, Ашхамаф, 1941: 306]. В их понимании спряжение – это изменение по залогам, наклонениям, временам и лицам.

Любопытно, что определение понятия наклонения авторы увязывают с классификацией типов предложения по употребляемым в них формам сказуемого с изменением его по трем основным временам. По их мнению, специальные формы сказуемого (глагола), которые соответствуют выделяемым ими в разделе «Синтаксис» типам предложений, являются наклонениями. Таким образом, в зависимости от типов предложения: утвердительно-го, отрицательного, вопросительного, вопросительно-подтвердительно-го, подтвердительно-го – авторы различают в формах глагола, которые служат для выражения сказуемого в каждом из этих типов предложения, такое же количество наклонений. Исходя из этого, глагольная форма наклонения выражает собой

тот же оттенок значения, что и тип предложения в целом, т.е. значение предикативности.

Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф выделяют в адыгейском языке следующие наклонения: 1) Повелительное; 2) Утвердительное (соответствует русскому изъявительному); 3) Отрицательное (соответствует русскому изъявительному с отрицанием); 4) Вопросительное; 5) Вопросительно-подтвердительное по значению; 6) Вопросительно-отрицательное по форме; 7) Подтвердительное; 8) Желательное [Яковлев, Ашхамаф, 1941: 343].

По мнению авторов «Грамматики адыгейского литературного языка», все наклонения, кроме повелительного, вопросительно-подтвердительного и желательного, имеют каждое по полному числу времен, а оставшиеся 4 наклонения: утвердительное, отрицательное, вопросительное и подтвердительное – имеют по 9 временных форм.

Помимо значительного количества основных времен, Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф выделяют еще «четыре времени с нереальным значением» – четыре условных времени, которые последовательно обозначают:

1) недавнее прошедшее с оттенком нереальности (первое условное);

2) давнопрошедшее с оттенком долженствования или возможности (второе условное);

3) нереальное действие в прошлом, по-видимому, с оттенком желательности или нежелательности (третье условное);

4) давнопрошедшее действие с оттенком также желательности или нежелательности (четвертое условное) [Яковлев, Ашхамаф 1941: 343].

Перечисленные формы авторы считают подлинными временными формами, которые входят в систему образования времен адыгейского глагола, а не наклонений. К такому выводу авторы приходят, принимая во внимание то, что условные времена, как и остальные, образуют формы большинства адыгейских наклонений. По утверждению Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа, все эти временные формы по смыслу соответствуют «русскому сослагательному наклонению в главном предложении» [Яковлев, Ашхамаф, 1941: 341]. Не все ученые согласны с высказанным авторами грамматики мнением. Так, У.С. Зекох считает, что семантические и грамматические особенности форм, именуемых

Н.Ф. Яковлевым и Д.А. Ашхамафом «условными временами», даже сходство с русским сослагательным наклонением, свидетельствуют как раз о том, что авторы сами колеблются в вопросе, куда их отнести – к наклонениям или иным формам глагола. По мнению У.С. Зекоха, решение данного вопроса зависит не от способов образования этих единиц (форм глагола), как считают Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф, а от других показателей семасиологического и грамматического характера. Вряд ли можно найти основание сомневаться в принадлежности «оттенков» долженствования, возможности, желательности и т.п. к модальности. Что касается форм выражения указанных «оттенков» модальности, то было бы, по-видимому, неправомерно подводить их под категорию времени, как это делают авторы... [Зекох, 1991: 342].

Как показывает анализ, у авторов «Грамматики адыгейского литературного языка» выявление указанных наклонений базируется на осмыслении категории модальности как выражения целевой установки речи, что, бесспорно, представляется малоубедительным, поскольку модальность содержит в себе оценку говорящим соотносительности содержания предложения с действительностью. По мнению некоторых ученых, одни и те же, например, вопросительные и повествовательные предложения, характеризуясь одной и той же целевой установкой речи, могут различаться по своей модальности в контексте речи [Панфилов, 1971: 177]. Нужно отметить, что Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф особое внимание уделяют переводу адыгейских глаголов в различных наклонениях на русский язык. По их мнению, повелительное и утвердительное наклонения полностью соответствуют русским повелительному и изъявительному, что не лишено определенных оснований. В интерпретации авторов, оно характеризуется специальным суффиксом *-н*, настоящее время в данном наклонении образуется от причастия настоящего времени и имеет сложный суффикс *-рэн*. Отрицательную форму повелительного наклонения, образуемую от него с помощью префикса *-мы*, авторы грамматики не относят к отрицательному наклонению, а считают отрицательную форму повелительного наклонения особой формой повелительного же наклонения [Яковлев, Ашхамаф, 1941: 344]. Отрицательное наклонение авторы отождествляют с русским изъявительным наклонением с отрицанием «не». Однако не верно то, что авторы выделяют так называемое «отрица-

тельное наклонение», т.к. эта форма, в сущности, представляет собой форму изъявительного наклонения.

Выявление желательного наклонения как косвенного и отношение его к системе категории наклонения исследователи считают весьма условным: «к перечисленным нами наклонениям можно добавить еще одно, которое образуется тоже не совсем правильно, – не совсем по типу других наклонений» [Там же]. Речь идет о желательном наклонении, которое выражает невыполнимое желание и передается по-русски изъявительным наклонением с добавлением частиц «б, бы» и восклицательной интонацией. Как считают авторы грамматики, неправильность, или, точнее, – отличие в образовании данной формы от других наклонений заключается в том, что желательное наклонение имеет только две временные формы. По их предположению, эти две временные формы данного наклонения представляют собой только остаток некогда существовавшей полной системы времен.

Как видим, в работе указанных авторов много дискуссионных моментов, и автор данного исследования не может согласиться с отдельными положениями по проблематике категории наклонения и времени. Тем не менее исследование Н.Ф. Яковлевым и Д.А. Ашхамафом особенностей адыгейского глагола и его категорий, а также характеристика предложений по формальным и интонационным признакам являются, по сути, новаторскими в области изучения и грамматического описания морфологии адыгейского языка. Многие положения, выдвинутые учеными, до сих пор сохранили свою актуальность и претерпели лишь незначительные изменения. «Грамматика адыгейского литературного языка» Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа послужила той теоретической и практической базой, на основе которой развивалось адыгское, а в некоторых моментах – и общее языкознание.

Дальнейшее изучение категории наклонения связано с именами Г.В. Рогава и З.И. Керашевой. Трудно переоценить их заслуги в разработке вопросов морфологии адыгейского языка, в частности, в области изучения глагола и категории наклонения. Результатом их многолетних исследований явился большой научный труд «Грамматика адыгейского языка» [1966].

Редактор «Граматики адыгейского языка» А. Чикобава так оценил ее: «Настоящий труд представляет наиболее полный систематический анализ грамматического строя адыгейско-

го языка – анализ, построенный не на рассмотрении переводных форм, а анализ реалий живой многообразной адыгейской речи. Значение этого исследования для иберийско-кавказского языкознания трудно переоценить». В данной работе авторами предпринята серьезная попытка вскрыть сущность основных грамматических категорий в связи с исследованием проблемы частей речи, ими предложена принципиально новая трактовка многих явлений адыгейского языка. Для нас особый интерес представляет морфология адыгейского глагола, которая, по мнению авторов, «исключительно сложна (в то время как морфология имени проста)» [Рогава, Керашева, 1966: 95]. Подобная сложность обусловлена тем, что она (морфология) располагает множеством грамматических категорий в сфере глагола. По мнению Г.В. Рогава, именно наличие особенностей грамматических категорий отличает глагол от других частей речи.

Вместе с тем нередки случаи, когда в «Грамматике адыгейского языка» получают идентичное толкование собственно грамматические категории и деривационные образования, что не одно и то же. Также справедливо критическое замечание У.С. Зекоха, который считает, что в упомянутом труде Г.В. Рогава и З.И. Керашевой иногда «на одном уровне оказываются как грамматические категории, которые специальными морфемами выражаются только в глаголе и, следовательно, являются исключительно вербальными, так и грамматические категории, которые в предикативной позиции одинаково обслуживают все части речи» [Зекох, 1991: 23].

Особое внимание в «Грамматике...» Г.В. Рогава и З.И. Керашевой уделяется категории наклонения, которая тесно переплетается с другой категорией – категорией времени. Согласно теории авторов, из одной и той же основы могут быть образованы не только времена, но и наклонения: сослагательное, желательное, условное и т.д. Отметим, что временная система в интерпретации авторов весьма сложна, причем, категорию времени различают причастия и деепричастия, наклонения не имеющих.

В адыгейском глаголе Г.В. Рогава и З.И. Керашева различают следующие наклонения (модальные образования): 1) Изъявительное; 2) Условное; 3) Сослагательное; 4) Желательное; 5) Повелительное; 6) Предположительное; 7) Целевое (супин); 8) Долженствования; 9) Возможное; 10) Возможно-противительное.

Кроме основных форм наклонения глагола, авторы отмечают возможность образования и других форм наклонения. В частности, они указывают на отрицательные, подтвердительные, вопросительные и усилительные формы, на которые в свое время обращали внимание Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф [Яковлев, Ашхамаф, 1966: 171].

Все глаголы адыгейского языка рассматриваются в двух сериях: по образованию времен и наклонений. К первой серии авторы относят все временные и модальные формы, кроме настоящего, изъявительного, условного, сослагательного, желательного, целевого (супина) наклонений и наклонения долженствования; ко второй серии – группу глаголов настоящего времени изъявительного, повелительного и условного наклонений. В зависимости от исходной основы, формы времени и наклонения, глаголы первой серии делятся на следующие 4 группы:

- 1) группа А с исходной основой – аорист без специального суффикса;
- 2) группа Б с исходной основой – аорист + суффикс *-ʔʔə*;
- 3) группа В с исходной основой – аорист + суффикс *-ʃm*;
- 4) группа Г с исходной основой – аорист + суффикс *-n*.

Ко второй серии времен и наклонений относится только одна группа – группа глаголов настоящего времени.

Названия как времен, так и наклонений, носят весьма условный характер, поскольку и времена, и наклонения выполняют несколько функций. Особая сложность предложенной Г.В. Рогава и З.И. Керашевой системы обусловлена тем, что значение, выражаемое отдельной временной формой, зависит, в первую очередь, от группы времен, от последующего глагола, от статичности и динамичности, от финитности и инфинитности глагола. Кроме того, как уже было указано выше, в систему образования временных и модальных форм включены особые формы глагола – причастия и деепричастия. Тем самым авторы противоречат сами себе, т.к. отмечают, что «в причастиях и деепричастиях наклонения не различаются» [Рогава, Керашева, 1966: 170]. Также весьма дискуссионным в трактовке исследуемого нами вопроса является то, что авторы считают возможным образование отрицательного наклонения, поскольку в сфере всех времен и наклонений выделяют как положительные, так и отрицательные фор-

мы. В «Грамматике...» Г.В. Рогава и З.И. Керашева предлагают развернутые таблицы спряжения статических и динамических адыгейских глаголов по временам и наклонениям.

Нетрудно заметить, что предложенная Г.В. Рогава и З.И. Керашевой система глагольной парадигмы является результатом оригинального и своеобразного подхода к изучению категории наклонения и времени в адыгейском языке. В то же время деление на серии, группы и подгруппы, непомерное, а иногда и неоправданное увеличение количества вербальных категорий привело, на наш взгляд, к размытости границ исследуемых категорий и неоднозначности определения наклонения как целостной морфологической категории.

В то же время мы ничуть не умаляем заслуги Г.В. Рогава и З.И. Керашевой, научные положения и выводы которых послужили основой для последующих научных изысканий и дальнейшего изучения сложнейшего адыгейского глагола и его многочисленных категорий.

1.3. Изучение категории наклонения в адыгских языках в современном языкознании

Дальнейшее исследование теории грамматических категорий в адыгских языках (адыгейском, кабардино-черкесском) связано с именем известного лингвиста М.А. Кумахова. Он внес значительный вклад в разработку проблем частей речи, словообразования и общей морфологии. М.А. Кумахов уделил большое внимание глаголу и его категориям. По его мнению, глагол в адыгских языках – наиболее сложная часть речи, и он характеризуется чрезвычайно высокой степенью синтеза. Как было указано выше, подобная сложность обусловлена наличием большого количества грамматических категорий глагола.

Предложенная М.А. Кумаховым трактовка категории наклонения, как и времени в адыгских языках, отличается от всех предыдущих, равно как и последующих исследований большей стройностью и научной обоснованностью, логичностью и последовательностью теоретических выводов и заключений.

В работе М.А. Кумахова утверждается, что для адыгских языков характерна развитая, многочисленная система наклонений.

На основании проведенного исследования автор сформировал основные положения о системе наклонений адыгского глагола, которая включает следующие наклонения: 1) Изъявительное (индикатив); 2) Условное; 3) Сослагательное (конъюнктив); 4) Предположительное; 5) Желательное (оптатив); 6) Повелительное (императив); 7) Наклонение удивления.

По мнению ученого, материал современных адыгских языков дает возможность реконструировать общеадыгскую систему, в которую входят все перечисленные наклонения, за исключением сослагательного наклонения. Образование последнего, как считает М.А. Кумахов, нужно рассматривать как результат индивидуального развития исследуемых языков. Он пишет: «Конъюнктив рассматривается в тесном переплетении с категорией времени, поскольку форманты данного наклонения генетически тождественны формантам временных форм» [Кумахов, 1971: 231].

В кабардино-черкесском языке конъюнктив образуется с помощью форманта *-т* от основы будущего I и II. Например: *стхынт*, *стхынут* «я написал бы». Здесь интерес вызывает тот факт, что этот же формант применяется для образования имперфекта (*клуэт* «иди»), перфекта II (*клуат* «он тогда пошел»), плюсквамперфекта II (*клуэзгат* «он тогда пошел было»). Другими словами, сочетаясь с разными производящими основами, суффикс *-т* образует формы разных наклонений. В некоторых диалектах выделяется еще больше форм, выражающих сослагательное наклонение. По справедливому замечанию М.А. Кумахова, это объясняется тем, что среди исследователей нет единого мнения по вопросу о морфологических средствах выражения конъюнктива. Тем не менее, в концепции М.А. Кумахова доминирует положение о том что, в адыгейском языке, как и в кабардино-черкесском, конъюнктив базируется на основе будущего времени. Индикатив характеризуется тем, что обладает наибольшей полнотой системы форм словоизменения, и это касается, прежде всего, образования времен с обилием форм в изъявительном наклонении.

Формы индикатива, по мнению М.А. Кумахова, сочетаются с суффиксальными морфемами типа *-н*, *-х*, *-уэ* (адыг.) и *-щ* (каб.-черк.). Однако эти суффиксы являются специфичными не только для индикатива, вследствие чего индикатив объединяется с другими наклонениями. Отличительной особенностью кабар-

дино-черкесского индикатива М.А. Кумахов считает суффикс утвердительности *-щ*, но и указанный суффикс оказывается общим у индикатива и предположительного наклонения. Временные формы последнего характеризуются большим разнообразием в адыгейском языке. В этом отношении предположительное наклонение уступает только индикативу. В некоторых случаях форма предположительного наклонения может быть осложнена суффиксом *-кІэ*, вносящим оттенок возможности или вероятности в сочетании с глаголом *хъун* «быть»: *итхагъэнкІи хъунищ* «он, возможно, написал», хотя в этом же значении *-кІэ* (*-кІи*) может сочетаться непосредственно с основой будущего времени индикатива, причем конструкция форма на *кІэ* (*-кІи*) + глагол *хъун* «быть» – в адыгейском языке продуктивна [Кумахов, 1971: 233]. Подобное обилие и разнообразие форм предположительного наклонения М.А. Кумахов относит к сфере адыгейских новообразований.

Рассматривая желательное наклонение, М.А. Кумахов приходит к выводу, что среди специалистов нет единодушия по вопросу о том, какие формы должны быть отнесены к желательному наклонению (оптатив). Исследователь объясняет это функциональным разнообразием некоторых форм, совмещающих значения разных косвенных наклонений, и поэтому считает целесообразным разграничение нескольких типов форм оптатива. Автор выделяет три типа форм глагола в желательном наклонении. Отнесение суффиксов *-йэт* (адыг.) и *-рэт* (каб.) к оптативу I не вызывает никаких возражений, поскольку выражение значения желания очевидно. По поводу оптатива II, образованного с помощью *-рэ* (адыг.) и *-ре* (каб.) и выражающего значение желания и соизволения, в ученом мире существуют некоторые разногласия. В зависимости от контекста, указанные суффиксы, т.е. формы оптатива II, имеют оттенки значения желания или повеления. М.А. Кумахов считает, что именно поэтому специалисты нередко относят разбираемую форму к повелительному наклонению, что не лишено известных оснований. Тем не менее, оптатив II отграничивается от собственно повелительного наклонения не только в грамматическом плане, но и в функциональном. Условно также объединение оптатива I с оптативом II под общим названием «Желательное наклонение», хотя оптатив II ближе к оптативу I, нежели к императиву. Повелительным наклонением

М.А. Кумахов считает категориальную форму наклонения, выражающую просьбу, приказание, побуждение и характеризующуюся отсутствием временной дифференциации и ущербностью парадигмы личного спряжения, хотя форма императива может быть одноличной, двухличной и множественной: *жэ* «беги», *схуэжэ* «беги ради меня», *схуэдэжэ* «беги с ним ради меня».

Следует согласиться с М.А. Кумаховым в вопросе о том, что императив является одним из древних наклонений не только в адыгских языках, но и в языках всей группы абхазо-адыгских языков, т.к. в образовании форм императива в языках абхазо-адыгской семьи много общего. В этой связи М.А. Кумахов обращает внимание не только на отсутствие временной дифференциации, характерное для всех языков данной группы, но и на тождество самой модели императива, и на некоторые общие тенденции развития этой грамматической категории.

Особое внимание М.А. Кумахов уделил анализу условного наклонения, которое образуется посредством общеадыгского суффикса *-мэ*. Как суффикс данного наклонения рассматривается также *-тэмэ*, хотя, как считает ученый, *-тэмэ* представляет собой сочетание суффикса времени *-т(э)* и суффикса наклонения *-мэ*. Отнесение форм типа *к'ъак'луи* «приходи и...» (каб.-черк.), *уэрэк'луи* «приходи и...» (адыг.) к условному наклонению без учета их окружения автор считает по меньшей мере необоснованным. Отнесение форм типа *ирек'луи* «если он пойдет» к условному наклонению также нецелесообразно, поскольку они восходят к союзному оптативу: *ирек'луи иреплъ* «пусть он пойдет и посмотрит». По выражению М.А. Кумахова, «как и условно-императивные формы, условно-желательные формы типа *ирек'луи*, *иретхи* в разных окружениях употребляются в разных конструкциях, хотя вторичность функций условного наклонения очевидна» [Кумахов, 1971: 229].

Вызывает интерес анализ наклонения удивления, которое образуется с помощью суффикса *-и(й)*: *мак'луэри* «он, оказывается, идет». Глаголы в наклонении удивления, по М.А. Кумахову, способны изменяться по лицам и временам, но данное наклонение образуется не от всех временных форм. Что касается особенностей образования форм словоизменения, наклонение удивления ближе всего стоит к индикативу. Несмотря на то, что модальное значение у суффикса *-и* является производным, вторичным,

М.А. Кумахов полагает, что наклонение удивления восходит к общеадыгскому единству.

Большой вклад в изучение категории наклонения в адыгских языках внес Ж.А. Шаов. Помимо диссертационной работы он опубликовал ряд научных статей, посвященных категории наклонения, в которых дан ответ на многие вопросы дискуссионного характера. В них автор предпринял попытку установить критерии выделения форм наклонений в адыгейском языке, на основе морфолого-синтаксического принципа определить количество наклонений. Ж.А. Шаовым корректно решен вопрос о структурных типах (синтетических и аналитических формах) наклонения и установлено соотношение форм наклонения и времени, определен характер взаимосвязи между отдельными формами наклонения.

По мнению Ж.А. Шаова, наклонение, выражающее модальное значение, является одной из самых сложных категорий глагола, она (категория наклонения), выявляемая морфологически и частично – синтаксическими средствами, является не только грамматической. Ж.А. Шаов отмечает: «Реально наклонение проявляется в языке в том, что, будучи глагольной категорией, оно образуется своими специальными морфологическими аффиксами. Вместе с тем приходится учитывать и семантику, ибо эта категория выражает модальность, все оттенки которой не всегда находят свой специальный грамматический оформитель» [Шаов, 1967: 162].

Ж.А. Шаов последовательно доказывает, что наклонение как грамматическая категория присуще только глаголу; тем не менее, он не отрицает, что категория наклонения выражает устанавливаемое говорящим отношение действия к реальности. Он также считает, что при характеристике наклонения нужно иметь в виду морфологическую и синтаксическую сторону словосочетаний с глаголом [Шаов, 1965: 93].

Особое внимание ученый уделил связи наклонения и времени. По его мнению, в адыгейском языке отдельные формы наклонения органически переплетаются с формами времени, и именно поэтому некоторые исследователи связывают изучение формы времени и наклонения с выяснением структуры спряжения глагола и проводят классификацию форм времени и наклонения, опираясь на основу глагола. В данном случае Ж.А. Шаов

имеет в виду классификацию, отраженную в «Грамматике адыгейского языка» Г.В. Рогава и З.И. Керашевой.

В адыгейском языке Ж.А. Шаов выделяет 7 наклонений: 1) Изъявительное; 2) Условное; 3) Сослагательное; 4) Желательное; 5) Повелительное; 6) Вопросительное; 7) Наклонение вероятности.

Большое внимание Ж.А. Шаов уделяет вопросительному наклонению, наличие которого ставилось под сомнение в грамматиках адыгейского языка. Более того, автор выделяет 4 подвида внутри данного наклонения и относит его к наиболее сложным формам наклонения. Он объясняет это, во-первых, спецификой содержания данного наклонения – наличием в нем вопросительного значения, обычно сопровождаемого вопросительной интонацией; во-вторых, богатством формообразования и широким диапазоном его применения в языке. В специальной литературе высказывается мнение о том, что «вопросительное наклонение не столько собственно модальное образование, сколько средство выражения цели высказывания» [Зекох, 1991: 109].

Ж.А. Шаов придерживается мнения о том, что в адыгейском языке существует желательное наклонение, т.к. данная грамматическая категория вполне отчетливо выделяется как в плане морфологическом, так и в плане семантическом. В пределах желательного наклонения автор выделяет формы желательно-позволительного подвида, выражающего желание, разрешение, позволение и т.д. В этой связи интересен ход рассуждений некоторых ученых, которые считают, что структурная форма глагола прошедшего времени в условном наклонении совпадает с формой желательного наклонения (У.С. Зекох, Н.З. Гаджиева), хотя сходное образование форм условного и форм желательного наклонений с аффиксами *-гъэ*, *-гъагъэ* и *-мэ* еще не говорит об их идентичности с семантической и грамматической точек зрения. Скорее всего, такое явление говорит о синкретическом характере указанных форм условного и желательного наклонений в адыгейском языке.

Особое внимание в работах Ж.А. Шаова уделяется также и формам, образованным при помощи аффикса *-рэ*, поскольку по этому вопросу еще не достигнуто единства взглядов. По мнению ученого, характерной особенностью формы с аффиксом *-рэ* является ее двойственность: с одной стороны, она выражает желание, связанное с побуждением говорящего к действию и со-

проводимое побудительной интонацией, с другой – выражает желание-позволение говорящего. Именно поэтому в адыгейском языке Ж.А. Шаов выделяет соответственно: побудительно-желательный подвид повелительного наклонения и желательно-повзволительный подвид желательного наклонения.

Касаясь вопроса о наклонении вероятности в адыгейском языке, Ж.А. Шаов отмечает, что данное наклонение не было предметом специального исследования и даже не освещалось в описательных грамматиках адыгейского языка. Тем не менее он считает, что данная грамматическая категория вполне отчетливо выделяется как с морфологической, так и с семантической точек зрения. По теории Ж.А. Шаова, наклонение вероятности выражает значение вероятности, неопределенности, сомнения и т.д., и его морфологическим признаком является аффикс *-щтын*, который слагается из суффиксов будущего времени *-щт* и *-н*. Автор возводит наклонение вероятности к формам изъявительного наклонения и доказывает это наличием аналитических форм в парадигме данной грамматической категории. Он пишет: «Наклонение вероятности как самостоятельная грамматическая категория оформилось сравнительно недавно, образовавшись на базе форм изъявительного наклонения» [Шаов, 1966: 15]. Об этом свидетельствует тот факт, что, во-первых, это наклонение морфологически выражается при помощи суффиксов будущего времени, во-вторых, каждый из этих суффиксов, отдельно взятый, и в наше время нередко выражает значение сомнения, предположительности и т.д. [Там же].

Особое внимание следует обратить на точку зрения на наклонение в адыгейском языке другого лингвиста – У.С. Зекоха. По его мнению, наклонение принадлежит к числу важнейших формально-грамматических категорий языка; он считает, что она (категория наклонения) служит средством выражения модальности. По мнению У.С. Зекоха, из всех языковых способов передачи модальности наклонение имеет наиболее обобщенный и абстрактный характер, оно относится к словоизменительным категориям грамматики.

На основе анализа материала, накопленного исследовательской практикой, ученый ставит вопрос в иной плоскости и предлагает новую теорию, согласно которой категория наклонения – формальное средство именной части речи, образующее грамма-

тически мыслимое предикативное состояние слов этого класса в их синтаксической позиции главного члена предложения.

Адыгейское наклонение квалифицируется У.С. Зекох как синтаксическая категория, поскольку «оно не различает в составе сказуемого категории имени и глагола. Имя, выступая в сказуемом, изменяется по наклонениям теми же морфологическими приемами, что и глагол» [Зекох, 2002: 139]. Кроме того, по мнению ученого, любое слово в предикативной позиции одинаково облекается в модусную форму независимо от его лексического содержания и таким образом становится морфологически выраженным передатчиком модальности высказывания.

Приводимые У.С. Зекох факты свидетельствуют о том, что в адыгейском языке изменение слов по наклонениям обозначается в форме сказуемого, а не глагола, при этом наклонение выступает категорией синтаксической. По его мнению, только посредством наклонения адыгейское слово превращается в сказуемое. Однако, будучи специфической формой предикативности, наклонение не влияет на отношения сказуемого и других членов предложения [Зекох, 1966:160].

Нужно отметить, что ученый непоследователен в вопросе определения количества наклонений в адыгейском языке. В статье «К вопросу о категории наклонения в адыгейском языке» (1966) он выделяет 6 наклонений: изъявительное, повелительное, дозволительное, запретительное, сослагательное и желательное. В более поздней его монографической работе «Адыгейская грамматика» (2002) автор выделяет всего 3 наклонения: изъявительное, сослагательное и желательное. По мнению У.С. Зекоха, наклонением может стать не всякое выражение модальности, хотя бы и морфологическое.

Выделение вопросительного, отрицательного и подтвердительного наклонений У.С. Зекох считает весьма условным, так как они составляют в адыгейском языке содержание отмодусных образований. Автор пишет: «Эти элементы выявляются не изменением слова по наклонениям, а специально приуроченными к ним грамматическими формами, образуемыми от уже имеющих наклонений» [Зекох, 1966:161].

У.С. Зекох считает, что отрицательные формы, полученные от основы глагола для обозначения соответствующей модальной окраски действия, заключенного в этой основе, не могут рассма-

триваться как формы наклонения. Например: *тхагъэп* «он не писал» образовано от индикатива *тхагъэ* «он писал» присоединением к нему отрицательной частицы *-п* и является специальной формой выражения отрицания, примешивающейся к содержанию индикатива. По мнению ученого, таким же образом нужно подходить и к образованию подтвердительных и вопросительных образований.

Критически относится У.С. Зекох и к концепции Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа о темпоральных образованиях. Напомним, что выводимые названными учеными в списке темпоральных образований грамматические формы, образуемые посредством аффиксов *-щтгъэ* (*-щтгъагъэ*) *сытхэщтгъэ* «я писал бы», *сытхэщтгъагъэ* «я писал бы», носят названия «условных времен». Указанные авторы считают эти единицы «подлинными временными формами, а не наклонениями» [Яковлев, Ашхамаф, 1941: 341]. По мнению же У.С. Зекоха, все условные формы в действительности имеют не временное, а модальное содержание, т.е. выражают действие, которое могло бы осуществиться при определенных условиях. У.С. Зекох не обходит стороной и образования типа *тхэ* «пиши», *уэрэтхэ* «пусть он пишет», хотя такие явления в рамках теории наклонения не получили в адыгейской лингвистической литературе адекватного отражения. Большинство специалистов видит в структурном и семантическом разнообразии таких форм повелительное наклонение (Яковлев, Ашхамаф, Керашева). В данной теории У.С. Зекох видит две ошибки. Первая заключается в том, что в грамматических формах *уэрэтхэ* «пусть он пишет» нет описательности, т.к. модальный оттенок передается синтетическим оформлением слова. Вторая ошибка состоит в том, что нет научно обоснованных причин считать формы *тхэ* «пиши» и *уэрэтхэ* «пусть он пишет» разновидностями одной парадигматической формы наклонения. Они резко отличаются друг от друга по своему модальному содержанию и морфологическим свойствам, в частности, по словоизменительным возможностям [Зекох, 1966: 165]. Словообразования типа *тхэ* «пиши» автор безоговорочно относит к повелительному наклонению, поскольку они передают побудительную модальность, а грамматические формы типа *уэрэтхэ* «пусть он пишет» выражают разрешение или позволение кому-либо сделать что-либо. Во втором случае выявляется совершенно другая модаль-

ность и, исходя из его семантики, У.С. Зекох дает название такому явлению «дозволительное наклонение». Хотя ученый не отрицает, что дозволительное наклонение при произнесении с побудительной интонацией передает побудительный оттенок высказывания, однако эти наклонения (дозволительное и побудительное), по его мнению, разнятся между собой не только в семантическом плане, но и своим интонационным оформлением.

У.С. Зекох выделяет также и запретительное наклонение (прохибитив), которое обозначает запрещение или намерение говорящего предостеречь кого-либо от чего-либо опасного, могущего причинить вред. Данное наклонение, как и наклонения дозвольности и повелительности, может произноситься в процессе речи с интонацией повеления, хотя это делается по большей части в стилистических целях.

Как видим, У.С. Зекох сделал попытку, и далеко небезуспешную, отойти от традиционного взгляда на теорию наклонения в адыгейском языке, и тем самым завоевал прочную позицию автора оригинальной концепции.

В последние годы усилился интерес к проблематике наклонения и модальности. Об этом свидетельствует рост числа работ молодых авторов, в которых делаются попытки сказать новое слово в области теории адыгского глагола – сложнейшей части речи в адыгских языках, в том числе и теории наклонения.

Ярким примером в этом плане является диссертационная работа Н.К. Губжоковой «Морфологические и семантико-синтаксические способы выражения модальности в адыгских языках» [2006]. Ею представлена система форм наклонений и дана убедительная грамматическая и семантико-функциональная характеристика рассматриваемого языкового явления. При исследовании модальности и категорий наклонения автор исходит, в первую очередь, из семантики форм, которые обычно выражают в языке особые оттенки значения в передаче отношения говорящего к высказываемому. Вопрос о характере и типах наклонений в адыгских языках Н.К. Губжокова рассматривает во взаимосвязи трех сторон – морфологии, синтаксиса и семантики при доминирующей роли семантики. По ее мнению, явление наклонения относится к языковым универсалиям, и поэтому она относит его к грамматическим (общезыковым) уровням, независимо от наличия особых форм. Автором предпринята попытка

квалифицировать наклонение как самостоятельную категорию, отдельную от категории времени. По убеждению Н.К. Губжоковой, это имеет принципиальное значение, поскольку эти категории имеют в языке совершенно разные функции: наклонение не является постоянным, необходимым компонентом речи, а появляется только при необходимости выражения говорящим своего отношения к высказыванию – посредством особой модальности. Поэтому категория наклонения и категория времени не могут быть соотносимы по своим категориальным грамматическим значениям [Губжокова, 2006: 16–17]. Кроме того, вопреки утверждению многих исследователей (В.В. Виноградов, А.Б. Шапино и др.), Н.К. Губжокова не считает модальность присущей только предложению. В защиту своего мнения она пишет: «Модальность – одна из синтаксических (речевых, контекстуальных) форм языка. Она появляется в речи (в контексте) по намерению говорящего для выражения особого отношения к высказыванию; помимо этого, имеются предложения, в которых нет модальных оттенков для выражения говорящим своего отношения к своему же высказыванию, а имеет место простая констатация действительности без каких-либо экспрессивных оттенков» [Там же: 17]. Как считает автор, уподобление модальности целому предложению само по себе устраняет понятие модальности, что необоснованно с научной точки зрения.

Н.К. Губжокова дает характеристику девяти наклонениям, которые она выделяет, иллюстрируя их примерами, взятыми в контексте на адыгейском и кабардино-черкесском языках: 1) Изъявительное; 2) Повелительное; 3) Условное; 4) Вопросительное; 5) Желательное; 6) Сослагательное; 7) Предположительное; 8) Усилительное; 9) Предупредительное.

Изъявительное указывает на соответствие между содержанием высказывания и действительностью и, по мнению Н.К. Губжоковой, этим противопоставляется другим категориальным формам наклонения, выражающим модальное отношение содержания высказываемого к действительности. В то же время автор подчеркивает, что изъявительное наклонение не обладает модальностью, т.к. не имеет формальных показателей для ее выражения. Тем не менее изъявительное наклонение включается ею в классификационную схему адыгского наклонения в качестве исходной, нулевой номинативной единицы.

Неотъемлемой частью системы наклонения Н.К. Губжокова считает условное наклонение. Она наделяет данное наклонение модальным значением вопреки мнению некоторых ученых, которые считают, что в словоформах, выраженных формами данного вида наклонения, отсутствует законченность мысли. В данном случае автор своеобразным способом противоречит себе, говоря, что даже простой намек может носить в себе модальный оттенок.

Усилительное наклонение, выделяемое Н.К. Губжоковой, скорее, является аналогом наклонения удивления. Данное наклонение выражает усилительные, удивительные, уступительные и другие модальные отношения и имеет усилительно-удивительную интонацию. Автором выделяется также и предупредительное наклонение с оговоркой, что «это не запретительное наклонение». Таким образом, рассуждая о модальности и категории наклонения, Н.К. Губжокова делает вывод, что модальность в адыгских языках должна рассматриваться в синтаксисе как грамматическое (общезыковое) явление, аккумулирующее семантику и синтаксис и имеющее общесемантическое содержание.

ГЛАВА 2

МОДАЛЬНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШАЯ КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛА

Термин «модальность» (от лат. *modus* – размер, способ, образ) в лингвистике является многозначным: им называются разные явления, объединенные тем, что все они тем или иным способом выражают отношение говорящего к сообщаемому или отношение сообщаемого к действительности.

Изучение категории модальности, как и изучение любой другой категории, имеет свою историю. Она уходит в глубокую древность, т.к. первые рассуждения о модальности встречаются еще у Аристотеля. Введенное им понятие модуса впоследствии нашло отражение в концепции модистов в XIII–XIV вв. Термин «модус» связывался либо со способом существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления или же со способом понимания суждения об объекте, явлении или событии.

Однако основоположником концепции модальности в лингвистике стал западноевропейский лингвист Ш. Балли [Балли, 1955]. По Ш. Балли, модальность – это «душа предложения, как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта [Балли, 1955: 44]. Следовательно, нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности. В любом высказывании, по мнению Ш. Балли, можно выделить основное содержание (диктум) и модальную часть (модус), в которой выражается интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума. Таким образом, модальность в трактовке Ш. Балли выступает «как синтак-

сическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы – подкласс глаголов, обозначающих суждение говорящего о предмете речи, которые отличаются от других глаголов тем, что они могут присоединять дополнительное придаточное предложение [Балли, 1955: 44–45].

Значительных успехов в изучении категории модальности достиг В.В. Виноградов, который развил учение Ш. Балли и рассмотрел модальность применительно к предложению. Он обозначил модальность как одну из основных языковых категорий, в основе которой лежит понятие «отношение». По мнению В.В. Виноградова, «категория модальности предложения принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий, в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем» [Виноградов, 1975: 57]. Категория модальности в языке может выражаться с помощью различных языковых средств. Автор развивает и обосновывает идею модальности в рамках системы частей речи и морфологических категорий частей речи. Им предложено деление слов на «основные структурно-семантические типы (или категории)» в зависимости от различия вещественных (лексических) значений, инвентаря морфологических форм и выполняемым словами синтаксическим функциям в связной речи и структуре предложения.

В настоящее время данное В.В. Виноградовым определение модальности как синтаксической категории, выражающей отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности, является традиционным, но в то же время удовлетворяющим далеко не всех лингвистов своей широтой. Тем не менее концепция В.В. Виноградова легла в основу ряда более поздних трактовок модальности, предложенных отечественными и некоторыми зарубежными исследователями языка.

О сущности категории модальности написано большое количество научной литературы как в общем плане, так и применительно к разным типам языков. Сложность в изучении данной категории сводится, прежде всего, к тому, что истолкование природы модальности, несмотря на необъятную литературу, ей посвященную, остается весьма трудной. При анализе материала становится очевидным, что разные исследователи и лингвистические школы по-разному осмысливают природу модальности в зависимости от их теоретических позиций, в зависимости от

понимания не только модальности, но и самой сущности языка и его функций. По справедливому мнению Э.Н. Девришбековой «особая сложность понимания сущности модальности, по-видимому, связана с тем, что это понятие используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по содержанию и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры» [Девришбекова, 2003].

Безусловно, категория модальности неотделима от категории наклонения. Особая трудность изучения категории модальности обусловлена еще и тем, что, несмотря на присутствие категории наклонения во всех европейских, а также в абхазско-адыгских языках (в основных разновидностях – индикативе и конъюнктиве), модальность способна передаваться не только категорией наклонения, но и другими средствами – категорией времени, вспомогательными глаголами, особой интонацией и т.д.

Здесь нужно отметить, что по поводу существования и функционирования категории модальности как реального семантического единства не раз высказывались сомнения. Однако с уверенностью можно сказать, что модальность весьма устойчиво сохраняется как общепризнанный предмет дискуссий для лингвистов.

За последние десятилетия круг выделяемых исследователями модальных значений значительно расширился. В «Русской грамматике» (1980) отмечается многозначность термина «модальность». Важным вкладом названной грамматики в теорию языка является признание модальности как глобальной языковой категории, проявляющейся на разных уровнях системы языка.

В 80-х годах XX в. модальность была описана как синтаксическая категория, свойственная предложению, в связи с чем возникают предпосылки к установлению ее всеобъемлющего характера. Многоплановость и неоднозначность данной категории позволяют подходить к проблеме модальности с различных точек зрения. Так, при исследовании ряда разноаспектных отношений, связываемых с понятием модальности, четко проявляется реальность существования некоторого комплекса языковых значений, между которыми имеются определенные связи. По концепции ряда лингвистов, в характеристике модальности главным является указание на доминирующий признак, который дает возможность представить, какое именно отношение к действительности рассматривается как основное и специфици-

ческое для рассматриваемого явления. Следует согласиться с существующей теорией доминанты модальности как того или иного отношения к признакам реальности / ирреальности.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой [1966] модальность определяется как понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания к действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами, такими, как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т.д. [Ахманова, 1966: 237]. Модальность также можно определить как совокупность грамматических значений, которые последовательно указывают на отношение содержания речи к действительности и выражают отношение говорящего к его осуществлению. Модальность предложения указывает, являются ли те или иные связи предметов и явлений, о которых идет речь, действительными или только возможными, вероятными или необходимыми, желает ли говорящий их осуществления, побуждает ли другого человека совершить для этого какое-либо действие.

Согласно Г.А. Золотовой, «модальность предложения – это субъективно-объективное отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения его реальности, соответствия или несоответствия действительности. Содержание предложения может соответствовать реальной действительности или не соответствовать, чем и определяется противопоставление двух основных значений – модальности реальной (прямой) и модальности нереальной (ирреальной, косвенной, предположительной)» [Золотова, 1973: 142].

Многие авторы понимают модальность как категорию, в которую входят несколько разнообразных модальных значений [Виноградов, 1975; Головин, 1969]. Подобные лингвистические теории объединяют круг явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим характеристикам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры. Однако такие теории, несмотря на различия в терминологии, позволяют определить наиболее общие границы системы модальности, а также изучать межкатегориальные связи внутри нее. Лингвистическая проблема заключается в том, что не найдено системы, основанной на едином дифференциальном признаке

модальности. Количество составляющих этой системы, то есть перечень типов модальных значений, варьируется в разных теориях.

Различия в осмыслении модальности сказываются, в частности, в том, что объем этого понятия и охват им языковых явлений не совпадают в концепциях разных авторов и в разных языках. Анализ ряда исследований позволил нам составить перечень тех языковых явлений, которые обычно причисляют к модальности. Бесспорным является тот факт, что общим семантическим признаком «модальных объектов» является «точка зрения говорящего» (В.В. Виноградов).

При определении основных признаков модальности мы, ориентировались на сами языковые явления, придерживаясь традиционных терминов и определений:

1. Оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности / нереальности, выражаемая при помощи форм наклонений и времени;

2. Оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого, которая может выражаться модальными и вводными словами, а также в пределах сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными, где главное предложение содержит модальную оценку того, что выражено в придаточном;

3. Выражаемая модальными глаголами и другими модальными словами оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности.

Бесспорно, что с категорией модальности тесно связаны все наклонения глагола. Формы наклонения в речи выражают самые различные значения, т.е. имеют разную модальность. Устанавливая отношение действия к действительности, говорящий выражает всю сложную гамму оттенков, характеризующих это отношение. Эти оттенки могут быть выражены во всем многообразии и дифференциации не только в пределах семантики самого глагола, но и грамматическими формантами (словоизменительными аффиксами).

2.1. Выражение модальности в категориях наклонения

Безусловно, основная роль в выражении модальных значений принадлежит глаголу. С древнейших времен ученые интересовались глаголом и глагольными категориями. Многие из них рассматривали глагол как слово, обозначающее время, отдельные части которого не имеют своего конкретного значения. Интересное, на наш взгляд, определение дано глаголу Аристотелем: «Человек» или «белое» не обозначают времени, а «идет» или «пошел» имеют добавочное значение: одно – настоящего времени, другое – прошедшего. Здесь «глагол обозначает собой нынешнее время, а падежи – время до и после нынешнего» [История лингвистических учений (Древний мир) 1980: 171]. Другие ученые истолковывали глагол как беспadeжную часть речи, но изменяющуюся по временам, числам, лицам, имеющую формы наклонения и обозначающую либо действие, либо состояние, либо страдание. Некоторые ученые определяли глагол только лишь по его семантическим функциям. Например, глагол по Диогену Вавилонскому, есть часть речи, обозначающая несоставной предикат [Там же: 219, 252].

М.В. Ломоносов считал, что «изображения словесных вещей называют имена, например: небо, очи; изображение деяний – глагол, например: видят, веет» [Супрун, 1971: 10].

В «Начальных правилах кабардинской грамматики» Ш.Б. Ногмов пишет: «Глагол есть часть речи, выражающая действие или состояние предмета». По его мнению, «главные принадлежности каждого глагола – время, вид, наклонение» [1958 (1843): 73]. Характерной особенностью глагола, как видно из грамматики Ш.Б. Ногмова, является выражение им действия или состояния предмета и наличие категории времени, вида и наклонения.

До настоящего времени мнения ученых в отношении принципов выделения адыгского глагола расходятся. По этому поводу Н.Т. Гишев пишет: «Причиной тому служит тот факт, что любое адыгское слово, в принципе, может изменяться по лицам, временам, наклонениям в рамках предложения, выполняя роль сказуемого. Традиционно же категориями глагола принято считать лицо, время и наклонение. Но по этим же признакам могут изменяться и имена» [Гишев, 1989: 61]. Критерием для выделе-

ния адыгского глагола И.И. Мещанинов считал наличие категории переходности и непереходности, выражение этой категории специальными показателями; основным признаком глагола он считал не указанные показатели лица, времени и наклонения, а особые формативы, различающие действие, переходящее на объект, и безобъектное действие.

И.И. Мещанинов считает, что «изменения по лицам, время, наклонение, залог и вид выступают основными грамматическими категориями глагола, свойственными среди других частей речи только ему» [Мещанинов, 1948: 190].

История выделения грамматических категорий в адыгских языках связана с большими трудностями. Лучшей иллюстрацией этого может служить история выделения глагольных категорий в кабардино-черкесском языке. Достаточно обратить внимание хотя бы на количество глагольных категорий у различных авторов грамматик кабардино-черкесского языка: у Ш.Б. Ногма (1843) – 5 категорий, у Л.Т. Лопатинского (1981) – 6 категорий, у Г.Ф. Турчанинова и Н. Цагова (1940) – 7, у Н.Ф. Яковлева (1948) – 6, а у коллектива авторов «Грамматики кабардино-черкесского литературного языка» (1957) количество глагольных категорий доходит до 15.

Совершенно справедливо по этому поводу К.Т. Мамрешев пишет: «В последней грамматике (в Грамматике 1957 года – З.Х.) отмечается крайняя непоследовательность в этом вопросе: одни и те же явления в разных разделах даются то как грамматические категории, то как определенные формы в пределах известной грамматической категории» [Мамрешев, 1963:71].

По нашему мнению, только при наличии основных свойств глагола: категориях вида, наклонения, времени и лица – можно говорить о грамматической категории глагола. Склонение принято считать грамматическим признаком имени существительного, а изменение слова по лицам, наклонениям и временам – глагольными. Имена же существительные, выступая в роли сказуемого, не переходят из разряда имени в разряд глагольности, а остаются именами.

Учитывая односложный характер адыгского языка, А.Х. Налоев признает нейтральность адыгского (кабардино-черкесского) морфологически неоформленного слова (корня) и потенциальную принадлежность оформленного слова к какой-то

конкретной части речи, в частности, склоняемого – к существительным, а спрягаемого – к глаголам. По его мнению, в кабардино-черкесском языке действует важнейший закон, касающийся разбираемого вопроса. Этот закон заключается в следующем: имя существительное, оформленное падежным показателем, не может приобрести еще морфологические категории его антитезы – глагола: категории лица, времени и наклонения так же, как финитный (личный) глагол, оформленный показателями лица, времени и наклонения, не может склоняться. Например, оформленный падежным суффиксом именительного падежа -р «иҕІалэр» (парень) нельзя спрягать, как это возможно с формой «иҕІалэ» (молодой).

Инфинитные же глаголы (причастия и др. формы глагола) могут склоняться, будучи оформленными показателями и лица, и времени, и наклонения. Это зависит от способности инфинитных глаголов выступать в предложении в роли подлежащего, различных дополнений и сказуемого [Налоев, 1983: 36].

Кабардино-черкесский язык, как и адыгейский, характеризуется сложной системой глагола. Кабардинский глагол имеет морфологические категории лица, числа, времени, наклонения, побудительности, союзности, версии, взаимности, современности, потенциальности, произвольности, переходности, статичности и динамичности, финитности и инфинитности.

Одновременно глагол может менять без изменения своего значения категории лица, числа, времени, наклонения, финитности и ограниченно – вида.

2.2. Предикативность и модальность

Развитие учения о наклонении в лингвистике было тесно связано с учением о модальности суждения. Грамматические формы наклонений рассматривались как прямое отражение в языке логической категории модальности.

По теории В.В. Виноградова, уже само определение категории наклонения включает указание на ее синтаксическое предназначение, на возможность и способность манифестировать субъектно-объектные отношения. «Категория наклонения, – отмечает он, – отражает точку зрения говорящего на характер свя-

зи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи. Таким образом, категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, то есть обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемая говорящим лицом» [Виноградов, 1986: 472].

Он также отмечает, что сущность категории наклонения в значительно большей степени, чем в термине «наклонение», отражается в латинском и греческом понятиях: в древнегреческой грамматике был предложен другой термин – *dithesis psychike* (или *diathesis*) – «психическое или душевное расположение». Здесь намек на то, что данная категория выражает отношение говорящего к действию, которое представляется либо действительным, либо предполагаемым, либо желаемым, либо требуемым. В латинской грамматике это значение яснее было определено термином *modus* (или *modus agenda*) – образ действия [Виноградов, 1986: 472].

Иногда термин «модальность» выступает как синоним термина «наклонение», однако, это опровергается тем, что модальность является семантической категорией (относящейся не только к глаголу и могущей не иметь в языке обязательного выражения), а наклонение – грамматической категорией глагола (которая может и потерять связь с модальностью, как, например, конъюнктив в латинском и французском языках, диктуемый в ряде случаев только синтаксическими правилами).

Говоря словами А.Б. Шапиро, модальность не только сопровождает предложение, более того, она является обязательным признаком, характеризующим любое предложение [Шапиро, 1958: 23].

В грамматиках современного русского языка категория наклонения трактуется как противопоставление трех грамматических значений (изъявительного, повелительного и сослагательного) и их форм, выражающих модальное отношение действия к реальной действительности. Как правило, такое отношение называют объективной модальностью, т.е. характеристикой действия с точки зрения его реальности и ирреальности, фактической реальности и мыслимой реальности. Сам говорящий

выбирает формы наклонения для обозначения действия как факта действительности (изъявительное наклонение), как факта, мыслимого в обратной связи с действительностью и имеющего характер предположения или желательной целесообразности (сослагательное наклонение), как факта мыслимой реальности, направленного на реализацию действительности (повелительное наклонение) [СРЯ, 2001: 516].

В специальной литературе существует мнение, согласно которому наклонение, подобно времени, часто выражается посредством словоизменения глагола или путем присоединения к нему модифицирующих «вспомогательных» глаголов [Лайонз, 1978: 324]. По мнению Д. Лайонза, лучше всего определять эту категорию через отношение к классу «немаркированных» предложений, которые выражают простую констатацию фактов, без уточнения отношения говорящего к содержанию высказывания. Простые повествовательные предложения этого типа, строго говоря, лишены модальности («не маркированы» по категории наклонения). Однако, как считает ученый, существует набор из одного и более грамматических средств, «маркирующих» предложения в соответствии с оценкой говорящим фактического статуса того, о чем говорится (в плане эмфатической уверенности, неуверенности или сомнений и т.д.). В этом случае определенное наклонение обычно приписывается и к «немаркированным» предложениям; это «немаркированное» предложение называют традиционным термином изъявительное наклонение (соответственно повествовательное предложение) [Лайонз, 1978: 325].

В русском языке категория наклонения лишь в своей основе соотносительна с соответствующей логической категорией. Формы наклонений, различаясь между собой, в то же время сближаются и перекрещиваются в своих грамматических функциях. Если же принять во внимание, что средства выражения отношения высказывания к действительности (модальности) далеко не ограничиваются наклонением, несостоятельность такого отождествления очевидна.

Не все исследователи соглашались с психологической концепцией наклонения А.А. Шахматова. Исходя из того, что есть наклонения, которые «вообще не находят для себя морфологического обнаружения, а некоторые, обнаруживаясь в одних частях речи, не имеют внешнего обнаружения в других», А.А. Шахма-

тов выделял в русском языке от 6 до 8 наклонений. Такая классификация наклонений исходит из определенного понимания грамматической категории, которую А.А. Шахматов отождествлял, как известно, с грамматическим значением. [Шахматов, 1941: 482]. Однако следует подчеркнуть и то положительное, что внес А.А. Шахматов в изучение наклонения. Он одним из первых дал углубленный анализ модальных значений и средств их дифференциации в русском языке. Именно А.А. Шахматов указал на отличие эмоциональности от модальности: «привходящий элемент чувства не вносит нового значения в установленную говорящим связь» [Там же, 1941: 482].

Большие заслуги в изучении наклонения принадлежит А.А. Потебне. На основе сравнительно-исторического анализа форм наклонения в славянских и других индоевропейских языках А.А. Потебня сделал ряд бесспорных научных выводов. Он показал, что утрата специальных форм повелительного наклонения была возмещена формами желательного наклонения, которые стали выступать в функции повелительного. Образование же сослагательного наклонения в русском языке было связано с распадом старых форм прошедшего времени. Аорист от вспомогательного глагола *быти* получил значение сослагательного наклонения.

В «Русской грамматике» (1980) морфологическая категория наклонения глагола трактуется как система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отношение действия к действительности и имеющих значения реальности (изъявительное наклонение), побуждения (повелительное наклонение) или предположительности, возможности (сослагательное наклонение). Морфологическая категория наклонения организуется противопоставлением следующих рядов форм: 1) форм изъявительного наклонения, в состав которого входят формы настоящего, прошедшего и будущего времени у глаголов несовершенного вида и формы прошедшего и будущего времени у глаголов совершенного вида; 2) форм повелительного наклонения и 3) форм сослагательного наклонения.

Каждое из морфологических наклонений обладает своим категориальным значением. Значение изъявительного наклонения – представление действия как реального, такого, которое действительно происходит, происходило или будет происхо-

дять; значение повелительного наклонения – представления действия требуемого, такого, к которому говорящий кого-либо побуждает; значение сослагательного наклонения – представление действия как возможного, предполагаемого. В грамматике наклонения глагола по значениям реальности, побуждения и предположительности образуют два основных противопоставления. Это, во-первых, противопоставление изъявительного (так называемого «прямого») наклонения наклонениям повелительному и сослагательному («косвенным»); во-вторых, это противопоставление выражающего побуждение повелительного наклонения наклонениям изъявительному и сослагательному, которые в основных своих значениях волеизъявление не выражают [Русская грамматика, 1980: 613].

Категория наклонения, выражающая модальное значение, является одной из самых сложных категорий глагола. Доказательством этого служит прежде всего то обстоятельство, что данная грамматическая категория до сих пор не получила однозначного решения в общем языкознании. Исследователи, которые занимались проблемой классификации форм наклонения, не повторяли друг друга, а каждый предлагал свою теорию, во многом, если не во всем, отличную от других.

Во многих языках, в том числе и европейских, наклонение служит одной из формальных характеристик слов, обозначающих действие или состояние предмета как процесс. В этих языках изменение по наклонениям чуждо словам других грамматических классов.

Достаточно критично писал по этому поводу У.С. Зекох: «В адыгском языкознании утвердился обычай считать наклонение грамматической категорией глагола. Такая трактовка проблемы настолько сильно укрепились в сознании авторов переводных грамматических очерков, что они расценивают всякий иной подход как неумение адекватно осмыслить грамматические реалии адыгейского языка, понять особенности его словоизменительной механики» [Зекох, 1991: 137]. Но решение вопроса о категории наклонения в адыгских языках связано с большими трудностями. Это объясняется отсутствием четкой дифференциации отдельных форм наклонения и времени, а также синкретическим характером самих форм наклонения и недостаточной разработанностью рассматриваемой проблемы. Наиболее зна-

читательным достижением адыгского языкознания по этому вопросу является кандидатская диссертация Ж.А. Шаова, где дан синхронный анализ адыгейских наклонений на богатом фактическом материале [Шаов, 1966].

Ученые не раз обращали внимание на синкретический характер многих словоизменительных морфем в адыгских языках в кругу разных частей речи, и, как нам кажется, такое положение делает весьма трудным изучение категории наклонения. Здесь нужно согласиться с утверждением П.М. Багова о том, что именно поэтому невозможно найти в специальной литературе два одинаковых мнения о природе наклонения в адыгских языках.

По сравнению с адыгскими языками форм наклонений в индоевропейских, в частности в русском, значительно меньше. Но главное отличие заключается в том, что в русском языке все формы наклонений, за некоторым исключением, являются предикативными, и одним из определяющих признаков предикативности служит наличие модальности. «Основное ядро глагольных форм, всегда причислявшихся к глаголу, составляют формы наклонений. Эти формы употребляются исключительно в роли сказуемого, что является важнейшим синтаксическим признаком глагола; вследствие этого они и получили название предикативных», – пишет А.Н. Гвоздев относительно категории наклонения в русском языке. [Гвоздев, 1958: 247–275].

П.М. Багов отмечает, что в адыгских языках практически все формы наклонений могут употребляться только в придаточных предложениях или инфинитных конструкциях. Например, *Щалэр къэкӀуамэ тхылъыр естынут* «Если бы парень пришел, я дал бы ему книгу». Здесь форма *къэкӀуамэ* выражает значение условности, и ее место только в аналогичном синтаксическом окружении, в котором она выполняет не предикативную, а модальную функцию. Иначе говоря, одни формы наклонений совмещают функцию модальности и предикативности, другие же лишь придают высказыванию модальное значение, определяют отношение действия к действительности, устанавливают сказуемостные отношения между определенными единицами, т.е. глагольная (модальная) форма включается в конструкцию имя + глагол или имя + имя + глагол, согласуется с ними в лице, числе, определяет падеж именных компонентов. [Багов, 1983: 7]. «В инфинитных конструкциях сказуемое превращается в особую от-

глагольную форму, которая называется придаточной формой сказуемого» [Яковлев, 1848: 43].

Итак, категория модальности является одним из основных средств осуществления отнесенности содержания предложения к действительности. С морфологической точки зрения модальность – это категория наклонения глагола, или, при смене ракурса, наклонение – это морфологическое выражение модальности.

Г.А. Золотова выделяет три типа отношений внутри категории модальности, различных по своему семантико-синтаксическому характеру:

- 1) отношение содержания высказывания (предикативного признака) к действительности с точки зрения говорящего (объективная модальность);
- 2) отношение говорящего к содержанию высказывания (субъективная модальность);
- 3) отношение между субъектом – носителем признака – и предикативным признаком [Золотова, 1973: 142].

Э.Н. Алиева выделяет два вида модальности с дальнейшим их делением на подвиды:

- 1) (субъективная модальность) I подвид – отношение между субъектом действия и действием; II подвид – отношение говорящего к содержанию высказывания;
- 2) (объективная модальность) III подвид – отношение содержания высказывания к действительности (в плане реальности – нереальности) [Алиева, 2010: 12].

Объективная модальность предложения служит выразителем отношения содержания высказывания к действительности, а субъективная модальность выражает отношение говорящего к высказыванию.

Таким образом, средствами выражения предикации являются:

- 1) модальность,
- 2) темпоральность,
- 3) интонация.

Если темпоральность и модальность выражены грамматически, то предикация передается категориями времени и наклонения. Категории лица и числа в основном участвуют в образовании сказуемых отношений. Их роль в образовании предикации сводится к тому, что высказывание, в котором выражено отношение к реальной действительности (как и во всяком высказывании), благодаря им представлено как единое грамматическое и смысловое целое. Таким образом, основными средствами предикации считаются темпоральность и модальность. Для превращения любого высказывания в целостное предложение необходимо соблюдение, по крайней мере, этих двух условий.

Обязательным условием образования предикации является не всякая темпоральность, а темпоральность, указывающая на абсолютный временной план. Высказывание, временной план которого относителен, не может иметь признака предикативности. Высказывание же, временной план которого абсолютен, независимо от того, есть ли в нем глагол-сказуемое или нет, обладает признаком предикативности.

Рассматривая все глагольные образования модально-временной системы с точки зрения выражения предикативности, Л.П. Чкадуа противопоставляет их по признаку «выражение предикативности характерно» и «выражение предикативности не характерно». К глагольным образованиям, для которых выражение предикативности характерно, Л.П. Чкадуа относит:

- финитные глаголы (изъявительного, сослагательного, допускательного наклонений);
- формы повелительного, желательного, условного наклонений, а также вопросительные.

К глагольным образованиям, для которых выражение предикативности не характерно:

- инфинитные формы с семантикой изъявительной, сослагательной, условно-целевой [Чкадуа, 253].

Как видим, объективная предикативная модальность выражается категорией наклонения. Тем не менее далеко не все формы наклонения имеют одну и ту же степень модальности.

Некоторые наклонения обладают ярко выраженной эмотивно-экспрессивной окрашенностью и более наглядно демонстрируют отношение говорящего к содержанию глагольного действия. К примеру, желательное наклонение, на наш взгляд, в большей степени, чем остальные, обладает модальностью, т.к. выражение желания очевидно и сопровождается усиленной интонацией: *Нобэ уэшх кьешхащэрэт* «Хотя бы сегодня дождь пошел».

Вопреки существующей теории о том, что вопросительное наклонение не признается как форма наклонения, так как вопрос не может выражать модальность, мы признаем за вопросом модальное значение, так как предложение вообще неотделимо от модальности.

Невозможно отрицать наличие субъективного момента, присущего модальности. В данном случае, представляется заслуживающим внимания точка зрения П.А. Леканта, который рассматривает модальность как «единую синтаксическую категорию, содержательно формируемую тремя аспектами:

1) модальным значением реальности / ирреальности как инвариантным модальным значением, обязательным для любого предложения вообще; универсальными грамматическими показателями этого значения выступают формы глагольного наклонения и интонация;

2) модальным значением достоверности / вероятности, которое выражается вводно-модальными конструкциями;

3) модальностью предиката, т.е. противопоставлением форм сказуемого (или главного члена односоставных предложений) по частным модальным значениям (возможности, желательности, долженствования, целесообразности и т.д.)» [Лекант, 1976: 94].

На наш взгляд, нецелесообразно интерпретировать объективную модальность таким образом, при которой содержание высказывания отстранено, отвлечено от автора данного высказывания, лишено связи с говорящим. Значение реальности / ирреальности устанавливается именно с точки зрения говорящего. В определении сущности субъективной модальности наблюдается иная крайность: субъективная модальность понимается как «отношение говорящего к сообщаемому». При таком решении вопроса и таком подходе к субъективной модальности практиче-

ски игнорируется отношение высказывания к действительности. Однако в предложениях со значениями достоверности и предположительности говорящий оценивает не только свое отношение к содержанию высказывания, но и отношение содержания высказывания к действительности.

2.3. Модальная семантика в категориях финитности и инфинитности

В языкознании общепризнанным является положение о том, что предикативность осуществляется в языковых категориях наклонения, времени и лица.

В адыгских языках обязательным элементом предикативности является также категория финитности. Находясь в тесной взаимосвязи с грамматическими категориями времени и модальности, финитность и инфинитность входят в понятие предикативности.

Финитная форма глагола выражает определенное, основное, независимое от другого глагола действие. Инфинитные глаголы сами не имеют возможности организовать предложение. Они, лишенные «верховой» синтаксической власти, как бы в виде зависимых, подчиненных единиц, сопровождают, дополняют, раскрывают грамматические и семантические потенции иерархической вершины предложения – предиката, выраженного финитным глаголом. [Керашева, 1984: 3]. Финитная форма служит основным средством выражения законченности предложения: *Апчарэрэ Иринэрэ лыжьым и закъуэ подвалым къыщ* *Ианэри къекъэжащ*; «Апчара и Ирина оставили старика одного в подвале и пошли обратно» (КІ.А., 221).

Инфинитная форма глагола выражает действие неопределенное, добавочное, зависимое по отношению к основному действию, выраженному финитной формой глагола: *А очеркыр зытхар къытэщ* *Іэхуатэмэ, фІы щІыхынтэкъым* (КІ.А., 262). «Если бы (ему) попался тот, кто написал этот очерк, (тому бы) не поздоровилось». Предложения, включающие инфинитные формы, как правило, являются придаточными.

Категория финитности и инфинитности получила более детальное освещение в работах таких исследователей адыгейского

языка, как Г.В. Рогава, З.И. Керашева, Н.Г. Гишев. Особенно значительны заслуги Г.В. Рогава, автора соответствующих разделов академических грамматик кабардино-черкесского языка [1957, 1970, 2006], в разработке финитных и инфинитных глагольных форм. Он отмечает, что в кабардино-черкесском языке, несмотря на многообразие и богатство финитных и инфинитных форм и способов их образования, наблюдается сравнительно слабая степень развития данных форм.

*Способы образования финитных и инфинитных форм глагола
в кабардино-черкесском языке*

№	Форманты, используемые при образовании финитных форм глагола (положительная форма)	Примеры
1	-р	<i>макIуэр, матхэр,</i> «идет», «пишет»
2	-иц (копула-суффикс)	<i>ицытиц, тIысаиц</i> «стоит», «сел»
3	-т (показатель прошедшего времени)	<i>тхэрт, ар тхат,</i> «писал», «написал тогда»
4	-къэ (подтвердительно-вопросительная частица)	<i>сытхэркъэ?</i> «я пишу?»
	Форманты, используемые при образовании инфинитных форм глагола (положительная форма)	
1	Формы условного наклонения с суф. -мэ/-м, -кIэ	<i>тхэмэ, еплэмэ</i> «если напишет», «если посмотрит»
2	Уступительные формы с суф. -ми	<i>тхэми, седжэми</i> «даже если пишет», «даже, если прочитаю»
3	Формы с -ху/хукIэ выражают одновременность данного действия с действием, выраженным финитной формой глагола	<i>еджэху, еплыхукIэ</i> «пока читает», «пока смотрит»
4	Масдар (неопред. форма глагола)	<i>кIуэн, тхэн</i> «ходить», «писать»
5	Масдарная форма глагола, образованная при помощи суф. -у (значение цели)	<i>жесIэну, сеплхыну</i> «чтобы сказать», «чтобы посмотреть»

6	Формы повелительного наклонения	<i>кIуэ, тхэ,</i> «иди», «пиши»
7	Вопросительные формы глаголов	<i>укIуэрэ, утхэрэ,</i> «ты идешь», «ты пишешь»
8	Деепричастные формы	<i>еджауэ, тхауэ,</i> «прочитав», «написав»
9	Причастные формы (выражают временные, причастные, целевые, определительные и другие отношения между самими причастиями (инфинитные формы глагола) и финитными глаголами)	<i>щIыжиIэр</i> «для того говорит...»

Н.Г. Гишев опровергает существующее мнение о том, что в разряд финитных и инфинитных форм глагола включаются слова, не выражающие действия, т.е. слова, к которым невозможно ставить вопросы: *Что делать? Что делает?* и т.д. «К таким формам относят неглагольные образования, т.е. такие, которые не обладают процессуальным содержанием и, как следствие, подобные слова не могут выражать действие или состояние этого процесса» [Гишев, 1989: 108]. Именно поэтому из состава финитных и инфинитных форм исключаются те образования, которые не могут выражать процесс.

Таким образом, «финитные и инфинитные формы глагола охватывают лишь слова, которые выступают в предложении в роли сказуемого и выражают действие или состояние в процессе, а формы, не выражающие действия или состояния как процесс, относятся к именам или же к отглагольным именам» [Там же].

Фактически общим для всех исследований по морфологии адыгских языков является положение о том, что понятие финитности и инфинитности определяется позицией аффикса отрицания. Согласно данной теории, префикс отрицания –*м* употребляется преимущественно с инфинитными формами, а суффикс отрицания –*къым* – с финитными формами. «Предложение, имеющее логически законченный, заверченный смысл, содержит в себе финитную форму глагола, а инфинитная форма в основном предполагает присутствие другой финитной формы для выражения законченности предложения» [Кумахов, Вамлинг, 1998: 37].

В предложениях финитного строя в функции сказуемого выступает один финитный глагол, который служит основным

организатором предложения и выразителем модальной и темпоральной семантики предложения: *Софят и закъуэу пэшым къызэрыщIэнэу плэм къыхэкIащ* (Щ.І., 167) «Как только Софят осталась одна в комнате, она встала с постели».

Следует согласиться с мнением З.И. Керашевой, что в предложениях инфинитно-финитного строя все функции по организации предложения возлагаются на сочетание двух, часто неравнозначных глаголов, где каждый из них выполняет определенные синтаксические функции. А логическое завершение предложению может обеспечить только финитный глагол, который находится в финальной позиции предложения, чего нельзя сказать об инфинитном предложении: *Залинэ бжэм йокIуалIэри мэдаIуэ* (Щ.І., 129). «Залина подходит к двери и прислушивается».

В тех случаях, когда в предложении наличествует один финитный глагол, он за редким исключением предопределяет лицо и модальность предложения, тогда как предикативность предложений с инфинитно-финитными глаголами не может быть непосредственно возведена к морфологическим категориям инфинитно-финитных глаголов:

Адыг.: *Ытхыгъэу къыкIэкIы* «Оказывается, он написал» *Итхауэ къыщIокI* [Керашева, 1984: 118].

Неуверенность говорящего, возможность или вероятность действия как разновидности субъективной модальности могут быть выражены различными способами. Наиболее наглядно и систематично неуверенность говорящего в осуществлении действия выражается, как правило, при помощи постановки финитного глагола в предположительном наклонении: *АIэ, мы-хъэнэнищэ. ХъэкIэкхъуэкIэ гуэр псы ефэ къыщIэкIынищ* (Щ.І., 120). «Нет, пустяки. Наверное, какой-то зверь пьет воду».

Как правило, времена финитного и инфинитного глаголов взаимозависимы, они согласуются друг с другом. В большинстве случаев I серия финитных глаголов сочетается с финитными глаголами прошедшего времени, а II серия – с финитными глаголами настоящего времени:

Адыг.: *кIо хъугъэ* «(он) стал ходить»

Каб.-черк. *кIуэ хъуащ* «(он) стал ходить»;

Адыг.: *макIо нэт* «(он) идет»

Каб.-черк. *макIуэ нэт* «(он) идет».

Словосочетание, содержащее в своем составе инфинитную форму, обычно называют инфинитной конструкцией. В отличие от финитных глаголов, инфинитный глагол, как правило, не обладает признаком предикативности.

В адыгейском языке некоторые инфинитные формы, глаголы повелительного, желательного наклонений среди инфинитных глаголов составляют исключение, т.к. они в соответствующем интонационном оформлении могут конструировать предложение. Данные глаголы характеризуются определенной грамматической семантикой, выделяющей ее из различных групп инфинитных глаголов.

З.И. Керашева считает, что глаголы повелительного и желательного наклонений составляют отдельную группу инфинитных глаголов, которая на коммуникативном уровне интонационно может быть оформлена как предложение. В конструктивном и коммуникационном планах предложения, организуемые глаголами повелительного наклонения, проявляют ряд особенностей, требующих специального изучения [Керашева, 1966: 192].

Как известно, финитные и инфинитные глаголы по-разному соотносят содержание предложения с действительностью. В отличие от финитных глаголов, инфинитные глаголы не в состоянии непосредственно соотнести содержание предложения с действительностью.

В родственном абхазском языке инфинитные образования, в отличие от других глагольных форм абхазского языка, обладают относительным временным планом и «относительной» модальностью. Эти признаки не позволяют непосредственно соотнести ту часть предложения, в которой они реализуются, с действительностью. Отнесенность подобных образований к действительности происходит опосредованно, через глагольные образования или какие-либо другие языковые единицы, которые в состоянии придать предложению временную и объективную модальность [Чкадуа, 1977: 155].

Обычно организующим центром инфинитной конструкции является инфинитный глагол изъявительного наклонения, а также глаголы условного наклонения, причастия и деепричастия.

Изъявительное наклонение – один из частных случаев проявления объективной модальности, представляющей явление логико-грамматического уровня, модальности, выражающей

оценку степени достоверности содержания предложения или характер отражаемых в нем объективных связей с точки зрения говорящего [Панфилов, 1971: 200]. Момент речи говорящего является отправной точкой, определяющей временной план глагола и всего предложения.

В кабардино-черкесском языке к финитным образованиям, обладающими наиболее ярко выраженными признаками полной предикативности, относятся формы повелительного, условного и частично – желательного наклонения и все вопросительные образования. Семантика повелительной формы предполагает действие, совершающееся после момента речи. Ориентация на момент речи всегда непосредственная. Абсолютный временной план и объективная модальность придают предложению повелительной формы повелительную интонацию: *Жэ, уи пхъу-антэр къащтэ. Хъарзынэу псори дэплъхъэжаш* (К.А., 195). «Беги, возьми свой чемодан. Хорошо, что все туда положил».

По поводу желательных форм необходимо заметить, что не все подобные формы обладают признаком выражения полной предикативности. Как уже отмечалось, предикативность присуща формам, образованным от чистой основы (основы, лишенной временного показателя) и основы настоящего времени, другими словами – формам, представляющим подавляющее большинство.

Семантика подобных образований, в основном, выражает чистое желание, хотя и с различными оттенками, и предполагает такое действие, которое должно совершиться после момента речи: *Къелъэн дэнэ къэна, лъэныкъуэ емыщIащэрэт, и щхъэ уна-зэу КъэнтIасэ и пащхъэ имукIуриящэрэт* (Ш.И., 151). «Не то чтобы прыгнуть, хоть бы она не упала перед Кантасой, покачнувшись от головокружения».

Особый интерес представляет вопросительное наклонение, которое в состоянии навязать всему предложению свою модальную характеристику, временной план и интонацию. Особенно ярко это проявляется в абхазском языке, где вопросительные образования различают наклонения. Ввиду того, что в вопросительных высказываниях характер отношения выражен не полностью, говорящий старается дополнить его путем вопроса. Вопрос, адресованный собеседнику, преимущественно относится к области связи между предметами и явлениями действительно-

сти, которая устанавливается говорящим. В абхазском языке это ясно можно проследить, сравнивая следующие предложения:

urt ejnjna ma? «они встретились?»

urt ejnjizma? «они встретились бы?»

urt ejnjazar? «может, они встретились?».

Все приведенные примеры выражают стремление говорящего выяснить: в первом предложении – факт встречи в действительности совершился или нет; во втором предложении – могли ли они встретиться при определенном условии; в третьем предложении – высказывается предположение в вопросительной форме. Как можно проследить, перечисленные значения передаются специальными формами, что позволяет внутри них выделить образования с изъявительной, сослагательной и условной семантикой. Для передачи вопросительного значения в большинстве случаев используются вопросительные форманты, реже – интонация [Чкадуа, 1970: 241]. Как мы уже отмечали, данное явление особенно ярко представлено в абхазском языке.

Безусловно, точка зрения говорящего определяется временем финитного глагола: происходит ли действие в настоящем времени, в прошедшем или будущем. В зависимости от времени и финитного глагола действие в настоящем времени может происходить в контексте настоящего, прошедшего и будущего времен: *Щэрданыр, уэс зытель мывэм дэкIуейри, зыри жимыIэу лыжьхэм къахэплъащ* (КI.A., 291); «Шарданов, взойдя на заснеженный камень, молча осмотрел стариков» (настоящее с точки зрения говорящего); *ГъукIэмрэ ЛутIрэ яукIа нэужь, Бот и кIыщым Тембот кIуэн ибгынат* (КI.A., 295). «После того, как убили кузнеца и Лута, Тембот перестал ходить в кузницу Бота».

В адыгских языках в положительной форме, т.е. в изъявительном наклонении, наиболее употребительным является выражение действия настоящего времени с точки зрения прошедшего:

Адыг.: *Долетчерий загъорэ таным щыIэ зыхъурэм физзарядкэ шIынымкIэ Шумафэ къыгоуцоу щытыгъ*. «Когда Долетчерий был на стане, он становился рядом с Шумафом на физзарядку».

Обычно сложным сказуемым с финитным глаголом «*щытыгъ*» выражается действие в форме глагола изъявительного наклонения. Как правило, изменение модальности финитного глагола

ведет к изменению модальности всего сложного сказуемого. Например, финитный глагол «*щыт*» может находиться в предположительном, сослагательном, повелительном и желательном наклонениях:

Адыг.: *Унагъо пстэуми зыгорэ къарымышъухъэу щытэщытын...*
«Вероятно, в каждой семье что-то происходит».

Каб.-черк.: *Фыуэ ялъагъуу щытагъэни* «Вероятно, они его любили» и т.д.

Безусловно, место той или иной глагольной формы в системе категории времени и категории наклонения можно определить только после того, как будет выяснен способ ее образования, исследованы все ее вариантные значения, будет выведено инвариантное значение и установлено ее отношение к остальным членам системы.

В языкознании существует такая тенденция, что критерием для выявления противопоставлений между глагольными образованиями на модальном уровне становится наличие или отсутствие сигнализации ирреальности. Например, А.В. Исаченко в работе «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким» строит оппозицию прямого и косвенного наклонений на противопоставлении: сигнализация негативного признака (косвенное наклонение) и отсутствие сигнализации негативного признака (прямое наклонение) [Исаченко, 1960: 472–473]. Нам представляется, что этот критерий более реально отражает языковую действительность.

Так, противопоставлением всех глагольных образований с точки зрения проявления их инвариантного значения (ирреальность – отсутствие ирреальности) выделяем формы индикатива и косвенных наклонений. Как правило, формы индикатива в основном обладают реальным значением. В них имеется прямое указание на соответствие между содержанием высказывания и действительностью с точки зрения говорящего лица. Действие или состояние, выраженное формой индикатива, мыслится говорящим как действительно происходящее, происходившее или происходящее в будущем. Однако индикатив, обладая отрицательной семантикой – сигнализация ирреальности не выражена – может в определенных контекстных ситуациях и усло-

виях выразить ирреальное действие. Формы косвенных наклонений не обладают реальным значением, они ирреальны. В них нет прямого указания на соответствие между содержанием высказывания и действительностью. Форма наклонений – это формальное средство, выражающее отношение говорящего к реальности высказывания в плане соответствия его действительности. Характер отношения говорящего к реальности высказывания различный. Он может быть представлен в виде утверждения или отрицания факта действительности – изъявительное наклонение; в виде условия, намерения, побуждения, желания и т.д. – косвенные наклонения. В адыгских языках все эти значения передаются или органически, посредством специальных форм глагола, или описательно, посредством составного глагольного сказуемого. Это парадигмы одной общей категории – категории наклонения.

Однако для полного описания системы наклонения в адыгских (в адыгейском, кабардино-черкесском) языках одной формально-семантической характеристики недостаточно. На наш взгляд, необходимо ввести координату, относящуюся и к логико-грамматическому уровню языка.

Если учесть, что грамматическая категория наклонения является конкретным случаем проявления понятийной категории модальности (И.И. Мещанинов, В.В. Виноградов), а также положение о том, что модальность тесно связана с категорией предикативности, то, разумеется, и наклонение немислимо без признака предикативности. Однако в некоторых языках, например, в абхазском, имеются формы, которые, являясь сказуемыми, в то же время лишены предикации. Такие формы могут не входить в систему наклонения. Подобные образования как бы являются промежуточными формами, не вошедшими ни в парадигмы глагольного времени, ни в парадигмы наклонения. В адыгских языках к ним относятся инфинитные формы с относительно-местоименным префиксом или обстоятельственным элементом, а в абхазском языке – условно-целевые и призрачные формы.

Тем не менее перечисленные глаголы также являются одним из морфологических средств выражения отношения говорящего к реальности высказывания в плане соответствия его действительности. Они могут выражать различный характер отнесенности содержания высказывания к действительности, допустим,

такие, как утверждение или отрицание факта действительности, предположение, желание и т.д.: *Тыркур республикэ зэрыхъуамкІэ унафэ къещтэ* (КІ.А., 129). «Турция принимает решение о том, что она приобретает статус республики»; *Мэчэм щыкІуам Шамил Іэщэ къыздищтакъым* (КІ.А., 128). «Когда Шамиль собрался в Мекку, он не взял оружия»; *Антантэм йопсалъэ, зэгуроІуэхэри мамырыгъэ тхылъым Іэ традзэ* (КІ.А., 129). «Проведя переговоры с Антантой, они подписали акт о примирении». Понятно, что каждое из этих значений связано с определенной грамматической формой и является ее инвариантом.

Особый интерес представляет анализ абхазского материала, который показывает, что подобные образования с модальных позиций являются более чем относительными, хотя, казалось бы, все названные инфинитные образования имеют полное основание быть в системе категории наклонения. На наш взгляд, это обусловлено тем, что такие формы бывают «охвачены» модальным значением тех высказываний, в составе которых они функционируют и которые, в свою очередь, имеют определенную модальную характеристику.

Веским аргументом для противопоставления инфинитных образований с изъявительной, условной, сослагательной семантикой формам наклонений является и то, что они обладают категорией относительного времени.

Как уже отмечалось, исходной точкой для определения временного значения глагольных форм системы наклонения считаются грамматический момент речи и внеязыковой момент речи. В адыгских языках всем формам наклонений присущ абсолютный временной план. Для этих форм характерно непосредственное выражение отношения времени действия к моменту речи, а инфинитные образования в качестве точки отсчета времени имеют момент действия или состояния, выраженного другим глаголом. Таким образом, для них непосредственное выражение отношения времени действия к моменту речи не характерно. Инфинитные образования являются обладателями относительного временного плана. Исходя из того факта, что в семантике подобных образований имеется прямое указание на ориентацию, направленную на момент другого действия, все они в высказывании носят несамостоятельный характер. Присутствие этой ориентации требует обязательного наличия другого действия или состоя-

ния, на которое опирается названная ориентация. Безусловно, это другое действие (или состояние) для инфинитной формы является лишь точкой отсчета времени, и не более того.

Опираясь на тот факт, что в определении временной перспективы инфинитных форм действие или состояние, на которое они проецируются, является опорным, в специальной литературе его условно называют основным, и оно выражается финитным глаголом.

Инфинитные образования, не обладая непосредственной ориентацией на момент речи, образуют два оппозиционных ряда. Первому ряду свойственна двойная временная перспектива, другому – одна. У инфинитных образований, которым присуще указание на двойственность временной характеристики, одна ориентация проецируется на момент речи, вторая – на время действия или состояние другого глагола. Инфинитные образования с одной временной ориентацией соотносятся лишь со временем действия другого глагола.

К инфинитным образованиям, для которых характерна двойная временная перспектива, относятся глаголы с изъявительной семантикой; к инфинитным образованиям, для которых характерна одна временная перспектива, – глаголы с условной, сослагательной, и лишь некоторые образования – с изъявительной семантикой. Инфинитные образования с изъявительной семантикой отличаются от всех остальных еще и тем, что в них представлена целая система временных форм изъявительного наклонения.

У инфинитных образований с двойной временной ориентацией основной является ориентация, которая опирается на время действия другого глагола. Из этого вытекает, что эти образования не в состоянии определить временной план всего высказывания. Временной план всего высказывания определяет основное действие (или состояние), обладающее абсолютным временным значением. Основное действие требует постановки проецирующегося на него действия в соответствующем времени. Разумеется, временные планы их должны совпасть. Другими словами, инфинитные образования с двойной временной ориентацией соотносятся с моментом речи опосредованно: время их определяется с точки зрения времени другого действия, и уже это другое действие или состояние определяется с

точки зрения момента речи: *СыздэкIуам ар щыслъэгъуащ* «Когда я пришел, я видел его там».

Инфинитные образования с одной временной ориентацией указывают, как правило, на хронологическую последовательность действий (или состояний) по отношению ко времени действия другого глагола: они могут предшествовать ему, сосуществовать с ним или следовать за ним:

И анэр илъагъуну кIуащ «Он пошел, чтобы повидать мать».

И анэр илъагъуну макIуэ «Он идет, чтобы повидать мать».

Для инфинитных образований с изъявительной, сослагательной или условной семантикой выражение приведенных временных отношений является непосредственной их функцией.

Безусловно, все описанные явления проявляются на синтаксическом уровне языка. В систему категории наклонения включаются формы, которые, с одной стороны, являются формальными средствами выражения отношения говорящего к содержанию высказывания в плане соответствия его действительности, с другой – выступают как конститутивный элемент предложения.

2.4. Особенности выражения категории времени в адыгских языках

Как уже отмечено, система времен и модальных образований абхазско-адыгской языковой общности отличается особой сложностью. Такое положение обусловлено широким диапазоном временных и модальных форм и их неразрывной взаимосвязью и взаимозависимостью.

Категории времени и наклонения в адыгских языках тесно связаны. Условием существования одной категории часто является наличие другой. Тем не менее эта связь не носит характера взаимообусловленности, двусторонности. Категория времени не зависит от категории наклонения, но некоторые формы наклонения образуются и функционируют исключительно в сфере определенных временных форм глагола. Например, условное наклонение образуется от основ аориста, прошедшего и будущего времен, желательное – только от основы прошедшего

времени и т.д. Как считает П.М. Багов, «одна категория основывается на другой, в частности, наклонение – на времени, и это очень важно, есть еще причины, определяющие необходимость их взаимного рассмотрения» [Багов, 1983: 5].

О родственном характере категории наклонения и времени писал еще А.М. Пешковский: «Обе категории, не обозначая отношений слов друг к другу, обозначают отношения самого говорящего к тем отношениям, которые он устанавливает между словами» [Пешковский 1956: 88]. Существует также мнение, что формы изъявительного наклонения и времени представляют единую категорию времени-наклонения [Поспелов, 1955: 206].

Не подвергается сомнению тот факт, что обилие временных форм усугубляется наличием, с одной стороны, статических и динамических глаголов, а с другой – финитных и инфинитных образований.

Некоторые исследователи как адыгейского, так и кабардино-черкесского языка считают, что тесная взаимообусловленность темпоральных и модусных образований является следствием их «близкородственного» происхождения, так как в праязыке наблюдалась некоторая общность временных и модальных форм. Из этого вытекает, что временные и модальные образования являются парадигмами одной модально-временной системы.

При анализе морфологии абхазско-адыгских языков, в частности, адыгейского языка, категорию наклонения и времени рассматривают в совокупности и дают общую характеристику данных категорий [Г.В. Рогава и З.И. Керашева, Л.П. Чкадуа]. В кабардино-черкесском языкознании на подобной взаимосвязи акцентирует внимание М.А. Кумахов, хотя в его трудах категории наклонения и категория времени даются в самостоятельных разделах.

Большой вклад в исследование и разработку модально-временной системы в абхазско-абазинских диалектах сделала известный кавказовед Л.П. Чкадуа. Благодаря ее монографическому исследованию «Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах», вопрос образования различных временных форм и форм наклонений в указанных диалектах получил должное освещение [Чкадуа, 1970].

Из работ, в которых рассматриваются вопросы времен и наклонений, следует назвать фундаментальное исследование

П.К. Услара «Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык» [Услар, 1887]; полнота охвата форм модально-временной системы абхазского языка выгодно отличает эту работу от многих последующих трудов других авторов. В написанном своеобразным языком и снабженном богатым фактическим материалом труде особенное внимание привлекает тот факт, что формы времен и наклонений в работе П.К. Услара рассматриваются не в отрыве друг от друга, а как парадигмы одной модально-временной системы. П.К. Усларом впервые были замечены особенности, которые проявляются у статических и динамических глаголов при выражении времени и наклонения. В его работе приведены временные парадигмы инфинитивов с изъявительной семантикой, отрицательные варианты всех представленных в работе форм времен и наклонений, а также вопросительные образования.

Проблеме времен и наклонений в языках абхазо-адыгской семьи отводится большое место в работах К.В. Ломтатидзе [1967]. Вопрос о способах образования инфинитивов с изъявительной, сослагательной, условно-целевой семантикой, а также всех форм времен и наклонений получил в работах К.В. Ломтатидзе исчерпывающий ответ.

Исследование категорий времени и наклонения в разных разделах грамматики (морфологии и синтаксиса) предполагает автономное существование и функционирование категории наклонения, не соотношенной со временем, тогда как эти категории (время и наклонение) – два неразрывно связанных между собой грамматических явления. Много раз отмечалось, что в адыгских языках некоторые формы наклонения органически переплетаются с формами времени. Поэтому не случаен факт, что изучение форм времени и наклонения связывают с выяснением структуры спряжения глагола и проводят классификацию форм времени и наклонения, делая упор на основу глагола [Рогова, Керашева, 1966: 170].

Нужно отметить, что в последнее время наблюдается тенденция разграничения модально-временной системы. В уже упомянутой диссертационной работе Н.К. Губжоковой «Морфологические и семантико-синтаксические способы выражения модальности в адыгских языках» делается попытка квалифицировать наклонение как самостоятельную категорию, независимую

от категории времени. Такой подход автор аргументирует тем, что эти категории имеют совершенно различные функции, и «наклонение не является постоянным, необходимым компонентом речи (или текста), а появляется только при необходимости выражения говорящим своего отношения к высказыванию – посредством особой модальности» [Губжокова, 2006: 17]. Отмечается также, что «посредством наклонения другие члены предложения не согласуются, как это происходит с категориями времени или числа, и поэтому категория наклонения и категория времени не могут быть соотнесены по своим категориальным грамматическим значениям» [Там же].

На наш взгляд, модальность и время являются важнейшими универсальными категориями языка и их нужно рассматривать во взаимодействии, что соответствует тенденциям современной науки о языке – стремлению к целостному рассмотрению языковой картины мира в сознании человека.

Неоспоримо, что вне категории времени предложение не существует и не может существовать. Основным определителем темпорального значения служат временные морфологические формы глагола. Однако в каждом языке существуют и другие возможности выразить временное значение. Неправоммерно уравнивать синтаксическое и морфологическое время.

В адыгских языках благодаря сочетаниям определенных морфологических временных форм финитных и инфинитных глаголов значительно расширяется диапазон выражения синтаксического времени:

- Адыг.: *къэкIуагъэу къычIэкIы*
 «оказывается (он) пришел»;
 къэкIуагъэу къычIэкIыгъ
 «оказалось, что (он) пришел»;
- Каб.-черк.: *къэкIуащ къызырщIэкIымкIэ*
 «оказывается (он) пришел»;
 къэкIуащ къызырщIэкIамкIэ
 «оказалось, что (он) пришел».

Понятно, что значение временной формы определяется в зависимости от ее отношения к точке отсчета времени. Настоящее, прошедшее, будущее времена обозначают соответственно одно-

временность, предшествование и следование по отношению к точке отсчета. Точка отсчета не всегда совпадает с реальным моментом речи. По мнению Г.А. Золотовой, «за точку отсчета принимается избираемый говорящим воображаемый момент восприятия событий и воспроизведения их в речи по отношению к самим событиям» [Золотова, 1973: 175]. В каждом определенном языке существует конкретная система временных форм.

В абхазско-абазинских диалектах в качестве точки отсчета времени для форм модально-временной системы выступают момент речи и момент действия. Они становятся принадлежностью системы языка только в том случае, когда временные противопоставления находят отражение в самой системе языка. В подобных случаях внеязыковые моменты становятся грамматическими. Формы, у которых точкой отсчета является грамматический момент речи или момент другого действия (или состояния), обладают категорией времени; формы же, у которых точкой отсчета является внеязыковой момент речи или момент другого действия (или состояния), категорией времени не обладают.

В родственном абхазском языке категорию времени имеют формы изъявительного, условного, желательного, допускательного наклонений; формы инфинитивов с изъявительной, прозрачной семантикой, формы деепричастий; вопросительные формы. Категорию времени в абхазском языке не имеют формы повелительного, сослагательного наклонений, формы инфинитива с сослагательной, условной семантикой.

Вопреки всем попыткам квалифицировать наклонение как самостоятельную категорию, не соотнося ее с категорией времени, мы предполагаем, что наклонение и время тесно связаны, более того, в некоторых случаях отдельные формы наклонения образуются и функционируют исключительно в сфере определенных временных форм глагола. Для установки степени соотнесенности и взаимодействия модусных и темпоральных образований нам представляется необходимым уточнить весь состав категориальных форм внутри системы самой категории времени и наклонения.

В адыгских языках временные формы анализируются и в специальных исследованиях, и в описательных грамматиках. Однако, по справедливому замечанию М.А. Кумахова, многие вопросы синхронного описания категории времени остаются еще недостаточно разработанными. У специалистов нет единого

мнения даже по вопросу о количестве как временных форм, так и форм наклонения в адыгских языках [Кумахов, 1971: 210].

Вопросы взаимоотношений и взаимозависимости категории времени и категории наклонения вызывают острую дискуссию у исследователей кабардино-черкесского языка. Посвятивший категории времени диссертационную работу А.Х. Налоев пишет: «Категория грамматического времени существует как для говорящего, так и для слушающего, для всех людей, пользующихся данным языком, которые при помощи языка выражают свои мысли, общаются друг с другом, повествуют о событиях, происходивших в прошлом, совершающихся в настоящем, о возможных или необходимых в будущем, употребляя грамматические формы времени данного языка. Эти грамматические времена существуют независимо от конкретного говорящего для всех говорящих и слушающих. Кроме того, категория времени используется для оживления картины, для того, чтобы держать слушающего в кругу событий; повествователь может переносно употребить временные формы, например, настоящее время для прошедших событий» [Налоев, 1957: 253]. Ему же принадлежит теория, согласно которой различаются две группы времен.

Предложенная А.Х. Налоевым концепция отличается большой стройностью и лаконичностью, что неоднократно отмечалось исследователями морфологии адыгских языков. К первой группе он относит те времена, которые выражают отношение времени действия глагола к моменту речи. Морфологического показателя, который бы характеризовал данную группу времен, нет. Вторая группа, по его мнению, охватывает времена, показывающие отношение времени действия глагола к определенному моменту в прошлом. Морфологическим показателем второй группы времен в целом служит суффикс *-т*.

Подобная классификация при всех своих преимуществах имеет и слабые места. По справедливому замечанию М.А. Кумахова, «группировка форм времен по указанному принципу предполагает однозначность форматива *-т* во всех формах времен, что необходимо для образования в индикативе временной оппозиции по дифференциальному признаку – форма на *-т*: форма без *-т*» [Кумахов, 1971: 211]. При анализе языкового ма-

териала мы видим, что форматив *-т* неоднозначен в сочетании с основами разных времен. Ср.:

Зыгуэрэм письмо къызэрыхуэкIуэу, старшинэр къеджэрт, Ерули унафэ хуицIырт икIэцIыпIэкIэ письмор зейм IэцIигъэхэну (КI.A., 1984: 190).

«Как только к кому-то приходило письмо, старшина вызывал Еруля (тогда) и сразу же приказывал ему доставить его адресату».

ЖэцIэ абыхэм яцыц гуэр къэушмэ, къэтэджырт, пэишхэкум мафIэ ирицIэрти гъуэлъыжырт (КI.A., 190).

«Если из них кто-то просыпался ночью, вставал (тогда), зажигал в печи огонь и ложился».

Но: *ХузэфIэкIамэ, къалэм кIуэнут.*

«Если бы он мог, он бы поехал в город».

Из приведенных примеров мы видим, что не все формы времени с формативом *-т* имеют значение изъявительного наклонения. Например, парадигматический ряд *кIуэрт, кIуат, кIуэгъат*, безусловно, представляет формы изъявительного наклонения, а формы *кIуэнт, кIуэнут* – сослагательного наклонения.

Несколько отличную классификацию грамматических форм категории времени мы встречаем в работе М. Кумахова и К. Вамлинг, где в новом ракурсе представлена маркировка окончаний временных форм. Авторы различают 10 времен: презенс, футурум I, футурум II, перфект I, перфект II, плюсквамперфект I, плюсквамперфект II, аорист I, аорист II, имперфект. Напомним, что в более ранней концепции М. Кумахова 9 времен.

В данной классификации практически все формы времен определены в зависимости от принадлежности к определенному наклонению, динамичности и статичности, финитности и инфинитности глагола, его лица, состава основы и т.д.

В адыгских языках для удобства анализа сложной структуры спряжения глагола проводится группировка форм времени и форм наклонения по способу образования основ глагола. Из одной и той же основы могут быть образованы не только времена, но и наклонения. В отличие от кабардино-черкесского языка, где количество модальных образований меньше, в адыгейском языке исследователи выделяют десять модальных форм (наклонений): 1) Изъявительное; 2) Предположительное; 3) Условное; 4) Целевое (супин); 5) Сослагательное; 6) Долженствования;

7) Желательное; 8) Возможное; 9) Повелительное; 10) Возможно-противительное.

Название времен и наклонений являются условными, так как времена и наклонения выполняют несколько функций. Значение, выражаемое отдельной временной формой, зависит от группы времен, от последующего глагола, от статичности и динамичности глагола. Например:

Адыг. *Кло-ти рилощтыгъэ* «(он) шел и говорил», но
Клуагъэ-ти, ритыгъ «так как (он) пошел, то дал ему» [Рогава, Керашева, 1966: 173].

Как уже отмечалось выше, в адыгейском языке существует сложная система, по которой все глаголы (как финитные, так и инфинитные) по образованию времен и наклонений делятся на две серии.

К первой серии относятся времена и наклонения, образованные от чистой основы глагола (серия аориста): *кло!* «иди».

Ко второй серии – времена и наклонения, образованные от основы с префиксом *уэ-* (серия настоящего времени): *уэ-кло* «ты идешь».

Такая интерпретация категории наклонения и категории времени усложнила, на наш взгляд, и без того недифференцированную модально-временную систему адыгейского языка. Как уже отмечалось, сложность обусловлена обилием как модальных образований, так и временной системы.

В отличие от адыгейского языка, в кабардино-черкесской грамматике подобного деления на серии, группы и подгруппы не существует.

Как отмечено выше, универсальным критерием для выявления противопоставлений между глагольными образованиями на темпоральном уровне является момент речи. Все глагольные образования опосредованно отражают реальное время, и такое отражение реального времени происходит через соотнесение с моментом речи. К таким средствам, посредством которых действие или состояние соотносится с моментом речи, нужно отнести: грамматическую структуру предложения, лексическое значение глагола, морфологические средства выражения грамматических значений глагола, контекст, ситуацию и т.д. Из пере-

численных средств приоритетным, на наш взгляд, является грамматическая, а конкретнее – морфологическая система, которая непосредственно и составляет ядро темпоральности. Формы, у которых средство выражения отношения времени действия или состояния к моменту речи грамматическое, образуют систему глагольного времени. И, соответственно, для форм, образующих систему глагольного времени, точкой его отсчета служит грамматический момент речи или момент другого действия.

Отдельные глагольные образования, которые передают временные отношения не грамматическими средствами, а какими-нибудь другими способами, выходят на внеязыковой момент речи. Подобные глагольные формы, как правило, в систему глагольного времени не входят. Данную трактовку подробно обосновывает А.В. Бондарко, который считает, что «внеязыковой момент речи – это элемент объективного времени. В каждом конкретном высказывании он выступает как момент речи говорящего или того, чью речь он передает. Языковым отражением понятия о моменте речи является грамматический момент речи. Он заключен в самой системе именных форм глагола как признак, лежащий в основе противопоставления членов этой системы. Внеязыковой момент речи – постоянно движущийся момент речи, он является действительным или воспроизводимым элементом объективного времени, языковой же момент речи – это отражение понятия о внеязыковом моменте речи, зафиксированное в системе морфологических форм глагола» [Бондарко, 1965: 44]. Основная масса глагольных форм, ориентируясь на грамматический момент речи или на момент действия другого глагола, образуют так называемую трехчленную оппозицию:

- 1) Предшествование; 2) Следование; 3) Одновременность.

Таким образом, определенная часть глагольных форм опирается на грамматический момент речи, другая часть – на момент действия другого глагола. Существует и такая категория глагольных образований, которая ориентируется и на грамматический момент речи, и на момент действия другого глагола. В соответствии с указанными фактами в кавказоведении вся система глагольного времени оказалась разделена на несколько подсистем:

1) подсистема, основанная на отношении одновременно-сти, предшествования и следования грамматическому моменту речи. К данной подсистеме отнесены временные формы изъявительного наклонения;

2) подсистема, ориентированная на отношения предшествования и одновременности моменту другого действия. Она характерна для деепричастных форм;

3) подсистема, основанная на отношении одновременности, предшествования и следования как грамматическому моменту речи, так и моменту действия другого глагола. Данная подсистема объединяет формы условного, сослагательного наклонений и некоторые инфинитные формы с изъявительной семантикой.

Как ранее неоднократно отмечалось, подобная тесная взаимосвязь категории наклонения и категории времени обуславливает необходимость их совместного исследования.

В языкознании не раз предпринимались попытки упорядочить модально-временную систему. В основу классификации брались показатели финитности. Наиболее полноценные работы по исследованию систематизации по показателям финитности видим в трудах немецких лингвистов (Ф. Борк, Г. Шмидт), а также в работах таких российских ученых как Ломтатидзе К.В., Чкадуа Л.П., Керашева З.И.

В кабардино-черкесском языке классификация всех форм модально-временной системы производится тоже по принципу морфологической оформленности значения финитности, или по формальным признакам. При этом мы исходим из того, что инфинитных образований в адыгских (шире – в абхазско-адыгских) языках гораздо больше, чем финитных. Кроме того, в основе всех финитных образований лежат инфинитные образования. Классификация по временным основам позволяет подвергнуть систематизации все модально-временные формы.

Согласно широко распространенному мнению, образования практически всех форм модально-временной системы относятся к разным историческим пластам. Самой древней и приоритетной оппозицией основ глагола считается оппозиция чистой основы. Согласно существующему в современном языкознании мнению, чистая основа представлена в формах повелительного наклонения, частично – аориста. Основанием для подобного предположения считается, во-первых, то обстоятельство, что чи-

стая основа является базой для всех остальных форм модально-временной системы, во-вторых, особенности форм повелительного наклонения наиболее полно и ярко отражают специфику древнего спряжения глагола в адыгских языках.

В данном случае напрашивается вывод, что и в адыгейском, и в кабардино-черкесском языках в историческом плане единственным глагольным образованием была чистая основа глагола.

В исследованиях по морфологии иберийско-кавказских, в частности, адыгских языков, выдвигалась гипотеза о вторичности системы времени. Существует предположение, согласно которому категория времени исходит из категории аспекта. Так, например, А.Н. Генко считает, что «категория времени, в настоящее время почти выработавшаяся в абазинском языке, оказывается при ближайшем рассмотрении производной от категории вида, иначе говоря, по своему происхождению формы времени являются прежними формами различных, существовавших в абазинском и абхазском языках, по существу, безотносительных ко времени видовых значений» [Генко, 1955: 144].

Существует также точка зрения, согласно которой категория времени причисляется к категориям позднего образования. Согласно данной позиции, исходным для основных временных форм является соответствующие формы деепричастий, которые сохранили более древнюю структуру глагола [Ломтатидзе, 1967]. Л.П. Чкадуа разделяет такое мнение и полагает, что «выразителями характера действия являлись именно образования, представлявшие чистую основу, которые, по-видимому, передавали замкнутое, целостное действие» [Чкадуа, 1970: 281].

В кабардино-черкесском языке подробную характеристику сложного сказуемого, выраженного чистой основой в сочетании с финитным глаголом, дал Б.М. Карданов [1957: 88–95]. Чистую основу (инфинитный глагол) автор называет «исходной формой глагола», а финитные глаголы, сопровождающие их – «связками».

Как уже отмечено ранее, инфинитный глагол (чистая основа) самостоятельно не выступает в предложении в качестве сказуемого, тогда как он может входить в состав двухчленного сказуемого, которое состоит из инфинитного и финитного глаголов. Чистое инфинитное образование не может иметь показателей наклонения, времени и аффиксов утвердительности. Исходя из этого, можно говорить об идентичности подобного образования и аориста.

Достаточно убедительными нам представляются доводы Б.Ч. Бижоева: он считает необходимым разделить глаголы чистой основы на I и II группы. Первая группа восходит к аористу. Исходную основу, от которой образуются личные формы глаголов первой группы, Б.Ч. Бижоев соотносит с недифференцированной основой: *кІуэ* «ход» и «идти», *зэхэдз* «разбрасывание» и «разбрасывать». Другими словами, одна и та же основа может выступать и в качестве имени и в качестве глагольной основы:

шым кІуэ иІэкъым «лошадь не имеет хода»

кІуэ зэпытт «он постоянно ходил» [Бижоев, 2005: 229].

Приведем ряд финитных глаголов, сочетающихся с чистой основой глагола. Нужно отметить, что количество глаголов, представляющих вторую часть составного глагольного сказуемого, выраженного сочетанием финитных глаголов, образует небольшой ряд, т.к. только определенные глаголы могут сочетаться с чистой основой:

хъуаиц «стал»

щыІаиц «имелся»

хуежьаиц «приступил к ч-л.»

тетц «стоит на (букв.)»

Как видно, большая часть этих глаголов, сочетающихся с чистой основой, преимущественно являются статическими глаголами, хотя нельзя не отметить и присутствия динамических глаголов: *къыфІоуцІ* «кажется (ему)», *хъуаиц* «стал», *хуежьаиц* «приступил (к)», *щІидзаиц* «(он) начал» и т.д.

Глаголы I группы – непереходные, одновалентные, а глаголы II группы, как правило – переходные и двухвалентные. Структурно инфинитивный глагол в составе глагольной синтагмы воспринимается как ближайший объект к финитному глаголу [Бижоев, 2005: 233].

В составе глагольной синтагмы финитные глаголы I группы теряют свое лексическое значение, и, в основном, выполняют роль модальных частиц. В таком составе они уже не изменяются по лицам, и двухличные непереходные глаголы переходят в разряд одновалентных глаголов, которые также могут выступать в качестве модальной частицы.

ГЛАВА 3

СИСТЕМА НАКЛОНЕНИЙ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

В кабардино-черкесском языкознании до сих пор нет работ, в которых был бы осуществлен комплексный подход при исследовании модально-временной системы. Известно, что эта система теснейшим образом связана с предикативностью, т.к. практически любому предложению, независимо от его строения и состава, присуща предикативность, соотносённость с действительностью, которая и служит средством формирования и сообщения мысли. Таким образом, на наш взгляд, при рассмотрении модально-временной системы следует учитывать это важнейшее обстоятельство.

3.1. Изъявительное наклонение

Глаголы изъявительного наклонения в кабардино-черкесском языке выражают реальность действия во всех временных формах. Кроме основной модальности, присущей формам изъявительного наклонения вне контекста, кабардино-черкесские глаголы в изъявительном наклонении могут иметь разнообразные модальные оттенки, которые характеризуют действие с точки зрения его отношения к действительности. Значение изъявительного наклонения – представление действия как реального, такого, которое действительно происходит, происходило или будет происходить.

В абхазско-адыгских языках изъявительное наклонение (индикатив) отличается от остальных наклонений наибольшей

полнотой системы форм словоизменения. Особую сложность в исследовании изъявительного наклонения в кабардино-черкесском языке представляет тот факт, что индикатив имеет в своем составе суффиксальные морфемы, которые оформляют глаголы в других наклонениях.

Глагол в изъявительном наклонении показывает утверждение или отрицание действия (состояния), как уже было сказано, во всех временных формах. Основной функцией изъявительного наклонения является отражение реальных связей, существующих в действительности независимо от воли и желания говорящего лица. Но, воспроизводя эти реальные связи, субъект вовсе не остается посторонним наблюдателем, а выражает свое отношение к высказываемой мысли. Особенностью кабардино-черкесского индикатива считается обычно суффикс утвердительности *-щ* в конце глагола: *Азэмэт и гъащцІэм и кІуэцІкІэ а пщыхъэщхъэм* *днєвник тхын щІудзашц*. «Азамат впервые в своей жизни этим вечером начал писать дневник» (Къ.М., 48). В отличие от кабардино-черкесского языка, во многих языках формы изъявительного наклонения не обладают своими специальными морфологическими показателями. Так, для бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка характерно отсутствие суффикса утвердительности *-щ* в изъявительном наклонении. В результате формы словоизменения динамических и статических глаголов полностью совпадают, в то время как в кабардино-черкесском языке динамические и статические глаголы в некоторых формах (перфект II, плюсквамперфект II) отличаются именно по этому признаку – наличию или отсутствию суффикса утвердительности *-щ*.

Отсутствие в бесленеевском диалекте специального морфологического показателя изъявительного наклонения сближает указанные формы с формами вопросительного наклонения в формах прошедшего времени, кроме имперфекта. Отличие проявляется только через интонацию: *гъа* «звал» (изъявительное наклонение), *гъа?* «звал?» (вопросительное наклонение); *гъат* «звал (тогда)» (изъявительное наклонение) – *гъат?* «звал (тогда)?» (вопросительное наклонение).

Таким образом, изъявительное наклонение в бесленеевском диалекте выражается отсутствием специального показателя изъявительной модальности. Оно совпадает с той формой глагола, которая является основой для образования остальных на-

клонений, кроме повелительного, т.е. с формой инфинитива. Эта форма глагола, которая характеризуется показателями лица, числа, времени, однако, нет показателей характера действия в его отношении к действительности. В этом смысле бесленеевский диалект кабардино-черкесского языка близок к адыгейскому языку, где также отсутствует специальный показатель изъявительного наклонения. В адыгейском языке формы изъявительного наклонения могут осложняться различного рода аффиксами, которые привносят оттенки утверждения, воздержания, чрезмерности и т.д. Такими аффиксами в адыгейском языке являются *-п*, *-х*, *-гу* и др. Например: *сыкъэкӀожы-п-агъ* «совсем приехал»; *есӀогъа-х* «уже сказал ему»; *къысажэ-гу* «пока подожди».

В кабардино-черкесском языке именно суффикс утвердительности *-щ* является особенностью изъявительного наклонения. Существование аффиксальных форм изъявительного наклонения в отдельных языках свидетельствует о том, что в разных языках модальное значение данной категории выражается различными способами. Поэтому было бы ошибочным противопоставлять аффиксальные и безаффиксальные формы данного наклонения и, давая предпочтение аффиксальным формам, отрицать безаффиксальные формы глаголов изъявительного наклонения. С нашей точки зрения, формы глагола, объединенные изъявительной модальностью, относятся к изъявительному наклонению, хотя и различаются морфологически.

Как известно, категория изъявительного наклонения в кабардино-черкесском языке относится к финитным образованиям глагола. Как для многих языков необходимым условием предикативности служит модальное значение, так и для адыгских языков значение финитности является не только необходимым, но и главным критерием предикативности. «Финитность – это функция, определяемая содержанием и охватывающая целый ряд глагольных форм, в том числе и некоторые формы наклонений», – пишет П.М. Багов [1983: 10]. Финитная форма глагола выражает действие основное, независимое от какого-либо другого действия: *Щхьэлтетыр Азэмэт ней-нейуэ къеплъащ*. (Къ.М., 158) «Мельник недоброжелательно посмотрел на Азамата».

Именно финитные глаголы в положительной форме имеют окончание *-щ*: *ар щытыщ* «он стоит», *абы ар ишащ* «он повел его», *цӀыхухэр тӀысащ* «люди сели»; *-т* – показатель прошедшего вре-

мени: *ар тхэр-т* «он написал» и т.д. Фinitные глаголы индикатива характеризуются реальной модальностью.

Отрицательную форму фinitные глаголы образуют при помощи суффикса *-къым* (состоящего из подтвердительно-вопросительной частицы *-къэ* и частицы отрицания *-м*: *ар тхэркъым* «он не пишет», *щаклуэм щыхъыр иуклакъым* «охотник не убил оленя» и т.д.

Изъявительное наклонение имеет все времена, характерные для кабардино-черкесского языка. Безусловно, значение, выражаемое отдельной временной формой, зависит от статичности и динамичности глагола. Как правило, статические глаголы образуют меньше времен, чем динамические, т.е. темпоральные возможности статических и динамических глаголов неравноценны. Справедливо утверждение З.И. Керашевой, что «ограниченная изменяемость статических глаголов по временам и отсутствие отдельных наклонений (например, повелительного) несколько сужают их модальный диапазон» [Керашева, 1995: 111]. Они (статические глаголы), изменяясь по наклонениям и временам, соотносят семантику предложения с действительностью. Статические глаголы не могут также образовывать формы аориста. Это правило действует во всех иберийско-кавказских языках.

Выражаясь словами У.С. Зекоха, «для адыгского языкового сознания динамическое состояние предмета – это подвижное состояние (процесс), а статическое состояние – это неподвижное состояние (не-процесс) [Зекох, 1978: 27]. Динамические глаголы выражают процесс действия, например: *сэ сотхэ(р)* «я пишу», *сэ ар сотх(ыр)* «я пишу то», *сожъэ(р)* «я жду (кого-то)», *сошэр* «я везу», *солъатэр* «я улетаю (куда-то)», *къэклуэн* «придти», *джэгун* «играть», *ефэн* «пить»; а статические глаголы выражают состояние, результат действия: *сэ сыщытыц* «я стою», *сыщыльыц* «я лежу», *теттыц* «стоит на...», *тельыц* «лежит на...».

Морфологически фinitные динамические и фinitные статические глаголы в изъявительном наклонении различаются по форме настоящего времени. Динамические глаголы в настоящем времени имеют *-о (-уэ)* в составе префикса: *сэ с-о-клуэр* «я иду», *сэ с-о-тхэр* «я пишу». Статические же глаголы характеризуются отсутствием *-о(-уэ)* и наличием суффикса *-ыц*: *сэ сыщытыц* «я стою»; *сэ ар сиІыц* «я имею это». В формах прошедших времен динамические глаголы не отличаются от статических глаголов. Фор-

мы названных времен образованы от причастий посредством присоединения к ним суффикса *-иц* или аффикса прошедшего времени *-т*. Например, форма прошедшего времени *кIуаиц* «он пошел» образована от причастия прошедшего времени *кIуа* «пошедший» и суффикса *-иц*. Форма *кIуат* «он пошел» образована от той же причастной формы *кIуа* «пошедший» и суффикса прошедшего времени *-т*, т.е. *кIуат* букв. «пошедшим был». Следовательно, формы прошедшего и будущего времен динамических глаголов с суффиксом *-иц* по образованию – статические глаголы.

В кабардино-черкесском языке финитные динамические глаголы изъявительного наклонения выступают в предложении в качестве простого сказуемого как в положительной, так и в отрицательной форме: *Элдари жыг иныр къыхилъэфауэ тIэкIуэ зигъэпсэхуу здэщытым, заныцIэу зричри, псым хэлъэдаиц* (КI.A., 7). «Эльдар, вытащив (из воды) большое дерево, отдыхал, затем резко бросился в воду»; *А ныцэдджыжъым къыщегъэжъауэ Хъэбибэ и бригадэр махуицкIэ нартыху дэчыжыным мыбэлэрыгъыу елэжъаиц* (Гъу.н., 19). «Начиная с этого утра бригада Хабибы непрерывно работала над уборкой кукурузы». *Дисэ сывт имыщIами, Саримэ хуэкIуэжакъым* (КI.A., 83). «Что бы ни делала Диса, Сарима не возвращалась».

Поскольку изменяемость статических глаголов по временам и наклонениям менее «гибка» по сравнению с динамическими, функциональные возможности статических глаголов несколько ограничены. Тем не менее основная объективная модальность выражается в равной степени и динамическими и статическими глаголами.

Форма настоящего времени динамических глаголов противопоставляется формам других времен строением основы личных парадигматических рядов: *сокIуэ* «я иду», *сыкIуаиц* «я ходил», *макIуэ* «он идет», *кIуаиц* «он ходил». В непереходных статических глаголах, в отличие от непереходных динамических глаголов, независимо от строения основы, субъект 3-го лица регулярно выражается нулевым аффиксом: *макIуэ* «он идет», *матхэ* «он пишет» (динамический).

Форма изъявительного наклонения в настоящем времени динамических глаголов характеризуется отсутствием форманта и образуется посредством присоединения к основе показателей

лица. Грамматическим значением этих форм является выражение действия, которое осуществляется в момент речи в виде развивающегося процесса: *Дэри дежъауэ гъуэгү дыздытетым, зы станц гүэр деж мафIэгүм **сыкьокI*** (КI.A., 227). «Доехав до какой-то станции, я выхожу из поезда». *Жыраслъэн хъыбарыр еухри къыпогуфIыкI, нэцхъыфIэ дыдэу Марьям **йоплъ*** (КI.A., 227). «Жираслан заканчивает рассказ, улыбается и радостно смотрит на Марьям». В таких предложениях с изъявительной семантикой финитный динамический глагол имеет значение непрерывного и неограниченного продолжения действия. Данная форма показывает утверждение или отрицание действия, совершающееся в момент речи.

В отличие от динамических глаголов, статическая форма глагола в изъявительном наклонении настоящего времени характеризуется наличием суффикса *-иц* и также описывает утверждение или отрицание состояния: *Къэрэлъашэ унэм къыцIыхъэжмэ – лыр гъэвац, пIастэр хъэзыриц, бжъыныху шыпси Iэнэ хъурейм **тетиц*** (КI.A., 35). «Каралаша заходит в дом – мясо сварено, паста готова, чесночный соус стоит на столе».

Характеристикой основы будущего I в изъявительном наклонении динамических глаголов является формант *-н*, а утвердительная форма отмечена суффиксом *-иц*: *сыкIуэниц* «я пойду»: [Кулисум] *Шэджагъуэ нэужьым **сынэкIуэниц*** (КI.A., 35). «Я приду после обеда». Форма 1 лица единственного и множественного чисел показывает наличное у субъекта намерения, которое совершается в момент речи, т.е. имеет оттенок мгновенности действия: [Алхъо] ***СыкIуэниц** иджы псы цIыIэм, зэ-тIэу **зыхэздзэниц*** (КI.A., 61). «Пойду теперь к воде, окунусь пару раз».

При этом формы изъявительного наклонения могут употребляться для выражения значений, которые свойственны повелительному наклонению. Очень важную роль при этом играют контекст и интонация, а также вся речевая ситуация. Например, употребление изъявительного наклонения в ситуации побуждения характерно для форм 2-го лица единственного и множественного чисел динамических глаголов будущего I: *укIуэниц* «ты пойдешь (сейчас)», *фыкIуэниц* «вы пойдете (сейчас)». В данном случае значение будущего времени не утрачивается, а сочетается со значением побуждения.

Форма будущего II времени выражается в изъявительном наклонении при помощи суффикса *-ну+иц* (утвердительная форма)

и выражает predetermined осуществление действия в динамических глаголах и осуществление состояния в статических глаголах в будущем: *сыкIуэнуиц* «я пойду», *сыщытынуиц* «я постою». Ср.: *Шейх-Али-Хан и ныбжьэгъухэр и гъусэу ди деж къэкIуэнуиц*. «Шейх-Али-Хан со своими друзьями придет к нам» (Ш.А., 128). [*Алхъо*] *Зауэ исор губгъуэм сити езгъэкIуэкIаиц, аргуэру губгъуэм ситынуиц* (КI.А., 66). «Всю войну провел в поле, теперь опять буду стоять в поле».

Форма будущего II может выражать и значение активности субъекта, воли его к осуществлению действия: *Ептми, йомытми, уи пхъур а щIалэм дэкIуэнуиц*. «Отдашь или не отдашь, твоя дочь все равно выйдет замуж за этого парня».

Так же, как и 2-е лицо единственного и множественного чисел будущего I, 2-е лицо будущего II характеризуется присутствием побудительной модальности. Конкретизация значения индикатива зависит от контекстных условий и интонационной характеристики предложения. Глагол в данном случае может быть динамическим: *Ухуей ухуэмейми удэкIынуиц* армэм. «Хочешь не хочешь – будешь служить в армии»; *ФызэкIужыну фыхуицIэмыхъамэ, иджы фепIэцIэкI, куэд дэмыкIыу фынехыжынуиц* (КI.А., 76). «Если не успели помириться, поспешите, немного погодя вернетесь обратно»; *Шы къуницхъэм фегъуу фыицIэсынуиц* иджы (КI.А., 32). «Будете сидеть, обгладывая кости лошади».

Перфект I в изъявительном наклонении выражает прошедшее длительное действие или состояние, заканчивающееся к моменту речи и образуется с помощью присоединения к основе суффикса -а: *КIарц жыгышхуэ жъауэм лыжьхэр ицIэуваиц, адреихэр мывэ сэрейм кIэрыуваиц е тетIысхъаиц* (КI.А., 34). «Старики стали под тень большой акации, другие встали возле каменного забора или сели на него».

Данный суффикс присоединяется к основам как динамических, так и статических глаголов и выражает, как уже отмечалось, прошедшее длительное действие или состояние, заканчивающееся к моменту речи: *Къызэрысыжу, сымаджэм хуэшхы- нум хуэдиз къыпигъэжри, лыр игъэваиц* [Кулиsum] (КI.А., 36). «Как только Кулиsum вернулась, она отрезала столько мяса, сколько смогла бы съесть больная, и сварила его»; [*Дисэ*] *Письмом пIалхэ итар дыгъуасэти ныжэбэ нэху щыху си набдзынэ эттезмыхъэу сы- щысаиц* (КI.А., 54). «В письме говорилось о событиях вчерашнего

дня, поэтому она всю ночь сидела, не сомкнув глаз». В предложениях с подобными формами выражается значение полноты, завершенности, законченности действия.

Дифференциация самих форм изъявительного наклонения, возможно, связана с тем, что положительная форма данного наклонения может не иметь утвердительного суффикса *-иц* во всех временах. Это касается, прежде всего, перфекта II, который образуется от перфекта I посредством суффикса *-т*, указывающего на то, что действие протекало в ограниченное время. Ср.: *сыкIуаиц* «я ходил», *сыкIуат* «я ходил (тогда)». В перфекте II суффикс *-т* привносит одинаковый оттенок значения как в динамических, так и в статических глаголах: *Гуаицэм и бостеижьым кыыхаицIыкIыжа бостей нэхъ дахэ дыдэу иIэр хъыджэбз цIыкIум зыицимIэгъат*, *къабзэбзэу зитхъэицIри и цхъэциым лентI хужь хицIат* (КI. А., 457). «Девочка надела свое самое красивое платье, которое было перешито из старого платья Гуаши, тщательно умылась и вплела в косу белый бант»; *Нанэ жэмыр IуэмкIэ ихужыныр и цхъэусыгъуэу ицIэкIат*, *сыту жыпIэмэ, абы дзэ Iуыжтэкъыми, цIыху цысу яхуэшхэртэкъым* (КI.А., 80). «Нана вышла под предлогом того, что нужно отогнать корову к хлеву, но причина была в том, что у нее уже не было зубов и она при людях не ела»; *Госпиталым кыицIэкIыжа нэужь, Астемыр здэкIуэнур имыицIэу къэнат* (КI.А., 118). «После того, как Астемир вышел из госпиталя, он не знал куда пойти».

Имперфект в изъявительном наклонении также образуется посредством суффикса *-т* (*p+t*): *сыкIуэ(p)t* «я шел». Динамические глаголы в имперфекте выражают совершающееся действие или многократное состояние предмета по отношению к определенному моменту в прошлом и образуются от форм настоящего времени при помощи суффикса *-т* (*p+t*): *Мэджыт пицIантIэм ицIалэ цIыкIухэр зэрызехэу цыджэгурт, къажыхъырт, зэбэнхэрт*. (КI.А., 94). «Во дворе мечети мальчики играли, бегали, боролись»; *И ихъур Рахым кыибгъэдинэрти езым цхъэусыгъуэ гуэр кыигъуэтауэ унэм ицIэкIырт [Дисэ]* (КI.А., 76). «Диса оставляла дочь наедине с Рахимом и под каким-то предлогом уходила из дома».

Формы динамических глаголов в имперфекте, в отличие от формы статических глаголов, характеризуются наличием факультативного суффикса *-р*. Динамический глагол в имперфекте *сыкIуэнт* имеет параллельную форму с суффиксом *-р*: *сэ сыкIуэнт* «я шел».

Лу тхылъым итыр гукIэ ищIэрти, тхылъым еплъыным и пIэкIэ Чачэ дежкIэ еплэкIыурэ къеджэрт (КI.A., 447). «Лу наизусть знал содержание книги, и вместо того, чтобы смотреть в книгу, смотрел в сторону Чачи и читал»; *Лу жиIэнур имыщIэу Саримэ дежкIэ плъэрт, аргуэру Елдар еплъыжырт* (КI.A., 77) «Лу, не зная, что сказать, смотрел то на Сариму, то на Эльдара».

У статических глаголов в имперфекте названный суффикс отсутствует: *сэ сыщытт* «я стоял»: *Жыраслээнхэ я куэбжэ лъэныкъуабэм къыкъуэплъу Тинэ щытт* (КI.A., 456). «Тина стояла возле покачнувшихся ворот Жираслана».

Значение побуждения может быть выражено формой имперфекта во 2-м лице множественного числа динамических глаголов: *фыкIуэт* «вы ходили», чего нельзя сказать о статических глаголах. В таких случаях (в ситуации побуждения) категориальные значения изъявительного наклонения и прошедшего времени не утрачиваются: действие представлено так, как будто оно уже произошло: *фылажьэт* «вы тогда уже работали», *фымIэт* «вы тогда уже копали».

В некоторых случаях, когда контекст указывает на реальность действия, формы прошедшего времени финитного изъявительного наклонения динамических глаголов могут быть употреблены в значении, близком к значению сослагательного наклонения: *мэзым дыкIуат* «мы ходили в лес» (изъявительное наклонение) – *къыджефIатэмэ дыкIуат* «если бы сказали, мы бы пошли (тогда)» (сослагательное наклонение).

Плюсквамперфект I в изъявительном наклонении как динамических, так и статических глаголов образуется с помощью *-гъа* и имеет в своем значении оттенок отдаленности действия или состояния от момента речи: *сыкIуэгъащ* «я ходил тогда (вообще)»: *А махуэм мафIэгу япэ дыдэу слъагъугъащ*. «В тот день я впервые увидел поезд»; *Ахэр исори Босфор пащтыхьыгъуэм хэтыгъащ, ТэмтIэракъ я щыхъэр къалэу, езыхэри щIытIрэ мывэ сэрейкIэ къэщIыхъауэ* (КI.A., 5). «Они все входили в Босфорское княжество, Пантикапей был столицей, окруженный рвами и каменным забором».

Плюсквамперфект II образуется от основы плюсквамперфекта I с помощью суффикса *-т*, и указывает на то, что действие или состояние, выраженное динамическими и статическими глаголами происходило в давнем прошлом: *сыкIуэгъат*: «я ходил (тог-

да)»: А гъэм зызгъэпсэхуну хым **сыкІуэгъат**. «В том году я поехал (тогда) отдыхать на море». Астемыр къыхуэкІуа урыс хъэщІэм и тІасхъэ гуэрхэми Долэт щыгъуазэнкІэ хъунут, сыту жынІэмэ фочэщІ ихъу Долэт Степан Ильич деж кІуауэ **щытыгъат** (КІ.А., 137). «Долэт мог знать некоторые секреты русского гостя Астемира, поскольку ходил (тогда) и относил ружье Степану Ильичу». Нужно отметить, что формы плюсквамперфекта I и плюсквамперфекта II чаще встречаются в фольклорных текстах, чем в обыденной речи кабардино-черкесов. В современном кабардино-черкесском языке данные формы характеризуются ограниченным употреблением. Для выражения значения плюсквамперфекта чаще всего используются аналитические конструкции: *сыкІуэгъащ – сыкІуауэ щытащ* «я ходил (тогда)».

Отметим, что в изъявительном наклонении выступает также аорист, который имеет положительную и отрицательную формы. Хотя аорист выражает значение прошедшего времени, своеобразная реальность протекания действия придает ему оттенок настоящего времени. Чаще всего аорист употребляется с утвердительным суффиксом *-щ* при отсутствии показателей прошедшего времени *-а*: Кулисум тІэкІу къэпІэщІауэ къэкІуати, унэр элъыІуихащ, псы къыхъащ, ихъэи икъутащ, жъэгум мафІэ ирищІыхъщ, псы игъэхуабэри, жьыщІын сыт щыІэт гъунэжуи, ижъыщІащ (КІ.А., 35). «Кулисум спешно пришла, прибралась в доме, наколола дров, затопила печь, согрела воды, и так как было много стирки, постирала»; Думэсари жамыш зэрыщІэкІуу, Лу къыщылъэтищ, псы тІэкІуи и нэкІум щІикІэщ, зихуанэри, бгъуэтмэ къащтэ, хадэмкІэ илъадэри бзэхащ (КІ.А., 484). «Как только Думасара вышла доить корову, Лу, вскочив, брызнув водой в лицо, оделся и, выбежав в огород, исчез»; ШханІэ къызэІуихищ [Нурхъэлий], иджы гугъу сызэрехъа псори сІуэтэжынищ жиІэри, и Іэщхъэлъащхъэ дэхъеуэ лажъэу щІидзэжащ (КІ.А., 140). «Открыв столовую и решив, что теперь ему воздастся за все трудности, он [Нургали] снова начал работать, засучив рукава». Хамэхъэ къыхъэри унэхъэр **урихуищ**. (Пс.). «Чужая собака пришла и хозяйскую прогнала».

В обычной разговорной речи аорист употребляется редко. Он чаще встречается в старинных песнях, сказаниях. Достаточно много таких примеров можно встретить в фольклорных текстах, где аористная форма употребляется для выражения зримости,

реальности действия в прошедшем, что, несомненно, придает речи яркость и красочность.

3.2. Повелительное наклонение

Повелительное наклонение – это грамматическая категория, используемая для констатации побудительной модальности. Она употребляется тогда, когда содержание речи воспринимается как изъявление воли говорящего лица, побуждающего собеседника к совершению какого-либо действия. В зависимости от контекста побуждение может иметь оттенок просьбы, приказа или призыва. Здесь есть смысл рассматривать их как разные оттенки побудительной модальности, составляющей общее содержание повелительного наклонения, т.к. эти различия в системе императивной семантики не выделяются из состава данного наклонения специальными морфологическими показателями.

Выражая побуждение в форме повелительного наклонения, говорящий имеет в виду такое действие, которое относится к действительности как возможное. Императив не располагает темпоральными формами, так как имеет дело лишь с предстоящим действием.

В кабардино-черкесском языке глаголы повелительного наклонения по своему образованию и структуре являются инфинитивными, поскольку они не завершённые и не могут брать на себя функции сказуемого. Кроме того, как и во всех инфинитивных глаголах, отрицание в повелительных формах образуется посредством суффикса *-мы*: *умыкIуэ* «не ходи», *умыджэ* «не зови», *умытхэ* «не пиши».

Известно, что статические глаголы не могут выступать в форме повелительного наклонения. На наш взгляд, такое явление связано с тем, что форма повелительного наклонения образована от основы аориста. Встречающаяся в кабардино-черкесском языке повелительная форма *щыт* «стой» является формой не статического глагола настоящего времени, а представляет собой форму аориста динамического глагола, выступающего в качестве повелительного наклонения.

Императив в кабардино-черкесском языке подвергся исследованию в диссертационной работе Б.К. Утижева «Позволи-

тельно-повелительные формы в кабардино-черкесском языке» (1972). Автор подробно проанализировал принципы выделения форм повелительного наклонения кабардино-черкесского глагола другими исследователями и привел собственные наблюдения с описанием наиболее характерных особенностей этих форм.

Основной формой повелительного наклонения является чистая основа с личным показателем 2-го лица множественного числа в утвердительной форме, а в отрицательной форме – с личными показателями 2-го лица единственного и множественного чисел: *плъэ* «смотри», *умыплъэ* «не смотри»; *жэ* «беги», *умыжэ* «не беги». *Клуэи мафлэ ицлы. Шэ къэсшар гъэпцити шху тлэклу зэдз.* «Иди и разведи огонь. Вскипяти молоко и сделай айран» (Щ.И., 81).

В кабардино-черкесском языке показателем множественного числа повелительного наклонения является аффикс *фы-* (*ф-*, *в-*): *фыплъэ* «смотрите», *вгъэлъанлэ* «дорожите». *ФыцлэкI иджыпсту! ФыцлэкI псори. Фыклуи фэр-фэру фызэгурьлуэж, – жиIэри судыр абдеж щихуащ.* (К.А., 418). «Выходите сейчас же! Выходите все. Идите и разберитесь сами», – сказал судья и закончил на этом. *Фыкъыцыхъэ, фытлыс, тлысынлэ вгъуэт закъуэмэ, – жиIэурэ Яков Борисович бжэр иригуллыжри игъэбыдэжащ* (К.А., 195). «Заходите, садитесь, если только найдете где сесть, – закрывая дверь, сказал Яков Борисович». *Фыишхэ, на, фыдедзакъэ. Гунэцлу зыгуэр къывицлэниц, фи щхъэм еуэниц фадэ гуащIэр* (М.С., 39). «Кушайте, закусывайте. На голодный желудок в голову ударит крепкое спиртное».

В кабардино-черкесском языке отрицательная форма глагола повелительного наклонения единственного числа выражается с помощью аффикса *мы-*: *у-мы-клуэ* «не ходи», *у-мы-плъэ* «не смотри»: *Зумыгъэгусэ абы щхъэкIэ. Сэ сызыхуэгузавэр фэращ* (К.А., 193). «Не обижайся из-за этого. Я переживаю из-за вас».

Глагольная основа императива лишь только предполагает наличие второго лица субъекта: *жэ* «беги», *клуэ* «иди»: *Клуэ, зегъэхъ! – жиIэри Къылышбий и къуэр къыцлэкIиящ [Астемыр]* (К.А., 66). «Иди, иди! – вскричал сын Килишбия».

Надо отметить, что непреходные глаголы повелительного наклонения могут включать некоторые префиксы, такие, как локальный префикс *щы-*, суффикс повторности *-ж*: *щы-лъ* «лежи», *клуэ-ж* «иди обратно»: [*Дэфэрэдж Тамарэ жриIэу*] *Щыс уздэщысым*

деж. Сэ жысІэми *къедаІуэ* (КІ.А., 319). «Сиди, где сидишь. Послушай, что я тебе скажу».

Также имеются глагольные формы, основным содержанием которых является призыв к совместному действию, где говорящий тоже принимает участие в происходящем: *дыгъатхэ* (*дыгъэтх*) «напишем с тобой», *дыгъаишхэ* (*дыгъэишх*) «поедим с тобой». *Зэгъусэу дыгъакІуэ, Быбэ. Сэри Мэзкуу сыраджэ.* (КІ.А., 521). «Давай поедем вместе, Биба. Меня тоже вызывают в Москву».

В данном случае следует согласиться с мнением М.А. Кумахова, согласно которому «формы этого типа, в сущности, представляют собой каузативные глаголы с личными префиксами субъекта 2-го лица и прямого объекта 1-го лица множественного числа» [Кумахов, 1971: 239].

К глаголу в повелительном наклонении может присоединиться суффикс *-т*. В зависимости от контекста и интонации этот суффикс может придавать повелительному наклонению различные оттенки. В основном он ослабляет или усиливает экспрессивный фон предложений с такими формами. Этот суффикс, часто выступающий в конце повелительных форм выражает значение, аналогичное значению русской частицы *-ка*: *КІуэт, Іей, моуэ и закъуэу бгъэдэтІысхьи епсалъэт, щІалэм щІэнэщхъейр жегъыІэт.* (КІ.А., 168). «Иди-ка, поговори с ним наедине, узнай-ка у парня, почему он грустит».

Особый интерес представляет тот факт, что значение повелительного наклонения, обращенное к 3-му лицу, выражается формой желательного наклонения: *иреджэ* «пусть читает», *щырет* «пусть он там стоит».

ИрекІуэ, ирекІуэ. Ягъэ кІынкъым. Иренлъ къэбэрдей полъку сэ къадыуэ сыздагъакІуэм, – жиІэри нэшымкІэ къыщІэпсалъыкІыу Астемыр и макъыр къэІуащ (КІ.А., 69). «Пусть идет! Ничего страшного. Пусть посмотрит на кабардинский полк, куда меня отправляют в качестве эфенди», – донесся из комнаты голос Астемира».

Как уже было сказано, мы не можем безоговорочно отнести такие формы к повелительному наклонению, хотя существует мнение, что они относятся к особой форме императива и характеризуются как «позволительно-повелительные формы повелительного наклонения», выражающие действия, которые разрешается, позволяется совершить субъекту, выступающему в любом лице и числе. [Утижев, 1972: 4]. Как видно из вышеприве-

денных примеров, в позволиительно-повелительном наклонении значение позволения выражает префикс *-ре*. В русском языке, в отличие от адыгских языков, отсутствуют специальные префиксы, выражающие позволение или призыв. Однако это значение передается с помощью частиц «пускай», «пусть», «да».

В абхазско-адыгских языках в позволиительно-повелительных формах глагола субъект действия может выступать во всех трех лицах, но по частоте функционирования повелительные формы с субъектом в 1-м или во 2-м лице уступают формам с субъектом в 3-м лице. В кабардино-черкесском языке повелительные формы, где субъект выступает в 1-м или во 2-м лице, встречаются исключительно редко.

*Псы уэру лъагъуэ пхызыхыным
Къарур жэхункIэ имых,
Си гъащIэ ябгэр щызухыным
Шы жэр сытесу сыреух.*
(КI.A., 101)

«Сила реки, прорывающей скалы,
Лишь в неустанно бегущей волне.
Где бы в пути меня смерть не застала,
Встречу ее на летящем коне (пусть)».

Некоторые адыговеды считают, что форма с *-ре* – форма особого наклонения, т.к. не находят в этих формах побудительного значения. По мнению У.Х. Зекоха, такие формы, как *еджэ* «читай», *тхэ* «пиши», четко выражают побудительную модальность речи. Это, по его мнению, императив. Такие образования, как *уэрэтхэ* «пусть он пишет», У.Х. Зекох считает формальными и выражающими позволение или разрешение совершить какое-либо действие. В таких формах «выявляется совершенно другой тип модальности, другое наклонение, и, мы, исходя из особенностей его семантики, присваиваем ему наименование дозволительное наклонение» [Зекох, 1966: 165].

Другие исследователи включают данные формы в состав повелительного наклонения как его особый вид, однако, дают ему иное название. Ж.А. Шаов выделяет в адыгейском языке два подвида повелительного наклонения: побудительно-утвердительный и побудительно-желательный. При побудительно-утвердительном императиве говорящий в большей степени обращается

к субъекту. Поэтому этот подвид выражается глаголом 2-го лица единственного и множественного числа и употребляется данный глагол обычно без личных показателей субъекта: *кIo* «иди». При побудительно-желательном подвиде говорящий выражает желание, обращенное к 3-му лицу, но через 2-е лицо. Это желание может быть с утвердительным или сомнительным оттенком, которое передается особой интонацией. Данный подвид образуется с помощью аффикса *-pэ*: *o-pэ-гъу-кIэ* «пусть кует» [Шаов, 1966: 12].

По мнению Б.К. Утижева, основное отличие чисто повелительного наклонения от позволительно-повелительного заключается в том, что «чисто повелительный вид повелительного наклонения имеет только форму 2-го лица субъекта, а в позволительно-повелительном виде могут быть представлены все три лица» [Утижев, 1972: 276].

Как отмечено, позволительная форма глагола – разновидность оптатива, поскольку налицо все-таки выражение желания, а не повеления.

В адыгских языках встречаются глагольные формы, которые образуют особый вид повелительного наклонения – повелительно-желательный. В кабардино-черкесском языке этот вид имеет морфологический показатель – префикс *y(y)-*, который стоит обычно перед основой глагола и имеет все личные формы:

сэ ар сыуышх «да съем я то!»
дэ ар дыуышх «да съедим мы то!».

В повелительно-желательных формах в первом или во втором лице показатель желательности *y-* не является обязательным морфологическим элементом: *сыукIуэ//сыкIуэ* «да пойду я». Повелительно-желательные формы, выступающие без морфологического показателя желательности, совпадают с основной формой повелительного наклонения от двухличного непереходного глагола, где прямой объект выступает в 1-м лице единственного и множественного чисел: *уэ сэ сых* «ты запиши меня»; *уэ дэ дых* «ты запиши нас».

Существуют и другие повелительные формы с оттенком желательности, которые входят в состав устойчивых фразеологических словосочетаний и идиом: [*Жангулэз жиIэу*] *Сыту IэлъэщI дахэ дыдэ, цыуэ хэлъым хуэдиз насыт тхъэм къуит*, *бын*

уиІәу къыщІәкІынищ, уи бынри тхъэм гъуэгъу тэмэм тришэ, насып защІэ ииІ. ...ДэнэкІэ уищІәми уи Іуэху тхъэм иуэщІІ, уи мурадри тхъэм къуигъэхъулІэ... (КІ.А., 13). «Какой красивый платок, пусть тебе будет счастья столько, сколько нитей в этом платке, пусть твои дети будут счастливы. Где бы ты ни был, пусть все задуманное тебе удастся»; *Жъыищхъэ махуэ тхъэм уищІІ*, – жиІащ Іэдэбу Дэбэч (М.С., 20). «Да будет твоя старость счастливой, – доброжелательно сказал Дабач»; *Унсэу, уитхъэж*, Елджырыкъуэ. Дэнэ иищІэ ЩэкІуурэ МамытІэрэ? (М.С., 36). «Живи, здравствуй, Елджаруко. Где Шаку и Мамита?»; *Унсэу*, Мадинэ, уэлэхыи, хъункІэ иджы ар. *НасытыфІэ ухъу!* – жиІащ макъ текъузакІэ Аслъэн (А.М., 17). «Будь здорова, Мадина, оллахи, хватит на этом. Будь счастлива! – сказал твердым голосом Аслан».

3.3. Условное наклонение

В кабардино-черкесском языке условное наклонение выражает условие, при котором возможно или невозможно осуществить то или иное действие. Общее значение условных образований – выражение действия или состояния, являющегося условием для совершения другого действия или состояния. В специальной литературе признан тот факт, что основная форма образуется с помощью общеадыгского суффикса *-мэ*. При наличии суффиксов времени и числа, суффикс *-мэ* занимает место после них: *кІу-а-мэ* «если он пошел», *кІуэ-гъа-хэ-мэ* «если бы они пошли (тогда)».

Условное наклонение имеет две формы: собственно-условную и уступительную.

Собственно-условная форма образуется при помощи суффикса *-мэ* в реальном значении и выражает условие, при котором возможно или невозможно, могло бы или не могло осуществиться действие, выраженное сказуемым главного предложения: *Бийм уицысхъмэ, уІэгъэ ухъунищ* (посл.). «Если врага пожалеешь, сам ранен будешь»; *Нобэ хуит сащІатэмэ, махуэ пІалъэ езмыту къэсшэнт Быцэ*. (КІ.А., 525) «Если бы мне разрешили, сразу же женился бы на Бице».

Уступительная форма условного наклонения образуется с помощью суффиксов *-ми* (в реальном значении). В большинстве случаев уступительная форма может выражать условие, даже

при наличии которого действие вряд ли осуществится, хотя его осуществление было вполне реально: *УкъэкӀуатэмӀ Мурат урихъэллатэкъым*. «Если бы даже ты и пришел, то не застал бы Мурата».

В кабардино-черкесском языке гласный элемент суффикса -мэ в основном носит факультативный характер:

Къызбрун дэкӀыгъуэм ицхъэдэхатэм, автобусыр нэхъ ысынциӀа хъунт. «Если бы автобус проехал подъем на Кызбрун, то поехал бы быстрее».

Рассматриваемый как суффикс условного наклонения -тэмэ в формах типа *уеджатэмэ* «если бы ты учился», *уеплъатэмэ* «если бы ты смотрел» и членение данного суффикса на -тэ и -мэ вызывает некоторые возражения. На наш взгляд, в данном случае -тэмэ представляет собой сочетание суффикса времени и суффикса наклонения. Здесь -т(э) – суффикс времени, а -мэ – суффикс условного наклонения. Аналогичную трактовку мы встречаем и у М.А. Кумахова: форма *уеджатэмэ* образована не с помощью -тэмэ от основы перфекта I *уеджа*, а с помощью -мэ от перфекта II *уеджат* «ты учился тогда» [Кумахов, 1971: 228]. Подобные случаи можно найти в имперфекте и плюсквамперфекте: *уеджатэ-мэ* «если бы учился», *уеджэгъатэ-мэ* «если бы ты тогда учился».

Условное наклонение, образованное при помощи суффикса -мэ, преимущественно употребляется для выражения предположительного действия в будущем. Соотносительный глагол в подобных случаях, если он статический, стоит в настоящем времени изъявительного наклонения: *сыкӀуэмэ сыщытц* «если я иду, то стою (там)»; если же глагол динамический, то он имеет форму настоящего времени в значении будущего: *сыкӀуэмэ слӕгъуниц* «если я пойду, то увижу его»; в будущем: *сыкӀуэмэ слъӕгъуунуц* «если я пойду, то (тогда) увижу его».

Кроме этого, соотносительный глагол может иметь форму различных наклонений: *укӀуэмэ лъагъу* «если пойдешь, то повайдай его» (повелительное наклонение); *сыкӀуэмэ слъӕгъуащэрэт* «если пойду, то хотя бы увижу его» (желательное наклонение); *сыкӀуэмэ слъӕгъунут* «если бы пошел, то увидел бы» (сослагательное наклонение).

Как видим, суффикс -мэ в основном выражает условие. Однако встречаются случаи, когда значение глагола с суффиксом -мэ

может иметь двойное значение: и как обстоятельство времени и как обстоятельство условия: *Улэмэ дэнэ уйыщлалъхъэнур*. «Когда ты умрешь, где тебя похоронят?». Данное предложение можно перевести и по-другому: «Если ты умрешь, где тебя похоронят?».

Формы условного наклонения, в отличие от других косвенных наклонений, богаты вариантными значениями. Помимо основных функций, где четко выражена семантика условия, условные формы обладают рядом значений: вероятность, предположение, подтверждение и т.д., при этом значение условия часто завуалировано. Например, условная форма может приобретать уступительный оттенок в том случае, когда соотнесенное действие совершается вопреки условию: *Сауклми, си анэм къызжилар згъэззэцлэни*. «Даже если меня убьют, я выполню то, что сказала мне мать»; *Фыуэ слъагъуу Нэфыцлэ!... Япэрейуэ гухэлъ письмо ныпхузотхыр, хым сиклэми си гум уилъыни* (С.Х., 68). «Любимая Нафица! Пишу тебе сердечное письмо; даже если перейду океан, ты останешься в моем сердце». В некоторых случаях условная форма может обосновать, утвердить действие соотнесенного глагола: *Апхуэдэу цытмэ, сэ къалэм сыклуэни*. «Раз это так (есть), то я поеду в город». В данном случае форма *апхуэдэу цытмэ* «раз это так» может быть заменена на *апхуэдэу цыщытклэ* с той же семантикой.

Условные формы могут употребляться в предложениях с вневременной функцией. Подобное значение обычно проявляется в пословицах: *Делэм уйытхъумэ, зыкъыфлюцлэж*. «Если похвалишь дурака, то он возгордится»; *Тхъамыцклэр махъшэм тесми, хъэ къодзакъэ*. «Бедняка, даже если он сидит на верблюде, укусит собака».

В предложениях, выражающих желание, намерение, мысль говорящего, условные формы могут потерять свое основное назначение и перестать быть условием для какого-либо действия или состояния: *Хъэгъуэлъыгъуэм укъыщыфэну къолъэлумэ, си нанэр тепхынклэ сошынэ*. «Когда тебя попросят станцевать на свадьбе, я боюсь, что ты меня опозоришь»; *Ди унагъуэм фадэбжъэ къыщылэтамэ, сым цыгъуи жалэу зы уэрэд цылэт* (Къ.Хъ., 3). «Когда в нашей семье устраивали застолье, была одна песня, исполнявшаяся при этом». Условные формы в подобных случаях выступают в относительном употреблении.

Очень часто перед формой условного наклонения стоит наречие *дапцэрэ* «сколько бы». В таких случаях условная форма те-

ряет значение условия и выступает с изъявительной семантикой с уступительным значением: *Данищэрэ сымыкIуами, Аслээн дэсу згъуэтакъым*. «Сколько бы я ни ходил, я не застал Аслана дома». В таких предложениях соотнесенный глагол может стоять в любом времени и наклонении.

Нужно отметить, что некоторые условные формы в предложении стали функционировать в виде вводных слов или же вводных словосочетаний с относящимися к ним словами: *KIэцIу жыпIэмэ, гъэ еджэгъуэр иухащ*. «Короче говоря, учебный год закончился»; *KIэцIу жыпIэмэ, иджыри дгъэхъэзырын хуейщ (силосу) тонн минихым нэс* (А.М., 57). «Короче говоря, нам еще нужно приготовить шесть тысяч тонн (силоса)». Подобное выражение указывает на причину, следствие или конкретизирует высказывание.

Почти аналогичную функцию выполняет выражение *хъунумэ* или *хъуну цытмэ* «если это возможно» и в буквальном переводе *пэжыр жыпIэмэ* «если сказать правду»: *Хъуну цытмэ, сызэролъэIу тIэкIур къысхуэцIэ*. «Если это возможно, выполни мою просьбу»; *Пэжыр жыпIэмэ, тынштэкъым абы* (Ольга) *и дежкIэ щIыпIэр, къалэдэс псэукIэр хыфидзэныр* (Гъу.н., 110). «Если сказать правду, для нее (Ольги) было нелегко отказаться от города и городской жизни».

Как известно, формы с суффиксами *-мэ/-м* относят к инфинитным образованиям глагола. Инфинитная форма глаголов выражает действие неопределенное, добавочное, зависимое по отношению к основному действию, выраженному финитной формой глагола. Такие глаголы не могут самостоятельно организовать предложение: *Зы мэл елъэмэ псори йолъэ* (погов.). «Если одна овца перепрыгнет – все остальные тоже перепрыгнут»; *ЩIалэр жэмэ, лыжьым и лъакъуэр мэуз* (погов.). «Если юноша бежит, у старика ноги болят».

В кабардино-черкесском языке на условное наклонение накладываются временные ограничения: оно невозможно в будущем I, имперфекте и аористе. Как правило, значение, выражаемое отдельной временной формой, зависит от статичности или динамичности глагола. Статические глаголы в меньшей степени обладают временными формами.

В кабардино-черкесском языке условные формы, образованные присоединением суффикса *-мэ/-ми*, могут быть и динамическими, и статическими.

В настоящем времени инфинитный динамический глагол образует условную форму посредством суффикса *-мэ*, который привносит значение условия, необходимого для осуществления соотнесенного действия. Условная форма на *-мэ*, являющаяся инфинитной, всегда требует после себя постановки соотнесенного глагола в определенной форме.

Предложения с финитной условной формой в настоящем времени могут выражать действия, которые неоднократно совершались в прошлом. В таком случае условная форма ориентируется на момент речи опосредованно, с помощью обусловленного глагола, который может стоять в настоящем времени динамического глагола: *Мухъэмэд зы щІыпІэ щыІауэ къэкІуэжмэ, бжэм деж увыныр и хабзэтэкъым, атІэ абы бжэр зэрыІуихыу «мамэ» жиІэрти и анэм гуфІэурэ еджэт...* (Гъу.н., 98). «Если Мухамед возвращался откуда-то, он обычно не останавливался возле двери: как только открывал ее, радостно звал маму». *Мэжид мэзым кІуэмэ, удз гъэгъа къричырт.* «Если Мажид ходил в лес, то он собирал цветы»; *Чачэ гъунэгъуу цІыху щыту илъагъумэ, къурІэныбзэ жиІэ хуэдэу зыгуэр къибжырт* (КІ.А., 9). «Если Чача видит кого-то рядом с собой, (она) делает вид, что читает молитву».

Условные формы, образованные от статического глагола, выражают предположительное значение глаголом в настоящем времени и находятся в тесной взаимосвязи со значением обусловленного действия: *Гуп хэсмэ Жыраслъэн нэщхъыфІэщ, хъыбар гъэщІэгъуэнхэр жеІэ, тхъэмадэ Іэнэм щысмэ, нэхъ тхъэмадэфІ уигъэлъыхъуэнищ* (КІ.А., 35). «Если Жираслан сидит в компании, (он) весел, рассказывает интересные истории; если сидит за столом в качестве тамады, лучшего тамады не найти».

В предложениях, имеющих в своем составе статический глагол в условной форме настоящего времени, обусловленная форма приобретает значение будущего времени: *Зыгуэрым дыкъылъагъумэ, ди напэр текІынущ.* «Если нас кто-нибудь увидит, мы опозоримся».

Условное наклонение в будущем II динамического глагола образуются посредством присоединения показателя условности *-мэ* к суффиксу будущего времени *-ну*: *седжэnumэ* «если я буду читать», *сеплъыnumэ* «если я буду смотреть», *сыщытыnumэ* «если я буду стоять». Основной функцией этих форм является выражение сомнения, неуверенности в совершении действия. Говорящий по каким-то субъективным причинам не уверен в том,

что действие может произойти, более того, он как бы спрашивает, ищет подтверждения, и в силу этого в таких предложениях можно обнаружить скрытый оттенок вопроса. В зависимости от общей ситуации, предложение, заключающее в себе подобное значение, проецируется на будущее время: *КъалэмкІэ дыкІуэнумэ, абы дыщызэхуээнщ.* «Если мы поедem в город, то встретимся там».

Статический инфинитный глагол будущего II в условной форме выражает то же значение, что и динамический: сомнение, предположение говорящего в том, что состояние имело место в действительности: *ХьэщІэхэр щысынумэ, зыгуэр егъэщх хьунукъэ.* «Если гости будут сидеть, нельзя ли их чем-то накормить?»; *Тхылъыр Іэнэм телъынумэ, сэ езым къэсщтэжыныщ.* «Если книга будет лежать на столе, я сам ее заберу». Финитный глагол в таких предложениях, как правило, не принимает форму настоящего времени.

Динамический глагол в перфекте I образует условную форму с помощью суффикса времени *-а + мэ* (формант условного наклонения): *сыкІу-а-мэ* «если бы я пошел», *сыщыт-а-мэ* «если бы я стоял». Предложения с такими формами выражают реальное условное действие, которое обосновывает, утверждает действие соотнесенного финитного глагола: *Куэбжэм кулътармеец къыІухьамэ, хьэ ирауштырт, е псывэ къытракІэрт* (КІ.А., 437). «Если к воротам подходил кулътармеец, (на него) натравливали собак или ошпаривали кипятком»; *Махуэ къэс зэхуэзэт, зэхуэмызэмэ, зэхуэзэшу, зыр шхэну тІысамэ, адрейр къриджэрт, Инал урысыбзэм щыгъуазэ дэнэ къэна, хьэрфхэри ищІэ хьуат* (КІ.А., 139). «Каждый день встречались; если не встречались, сучали друг о друге; если (один) сел есть, звал другого; Инал не только был осведомлен в русском языке, (он) хорошо знал буквы». Соотнесенный финитный глагол в таких случаях, как правило, бывает динамическим прошедшего времени.

Условная форма в перфекте I может иметь оттенок настоящего времени, когда в инфинитной части предложения имеется наречие *заныщІэу* «сразу, тотчас»: *Мурат ныэдджыжьым заныщІэу къэсамэ, къэмытэджу махуэ псом еджэрт.* «Если Мурат утром сразу приходил, (он) не вставая, занимался целый день». В таких предложениях глагол в условной форме преимущественно динамический.

Условная форма инфинитных динамических и статических глаголов в перфекте II образуется от основы перфекта I: *седжатэмэ* «если бы я читал», *сыкIуатэмэ* «если бы я пошел», *щытатэмэ* «если бы он стоял». Присутствующий в условной форме в перфекте II формант времени *-т(э)* указывает на то, что действие протекало в ограниченное время.

В конструкциях с условной формой в перфекте II в инфинитной части динамический глагол в прошедшем времени выражает условие, при исполнении которого действие в финитной части становится реальным, осуществимым. Соотнесенный глагол в таких случаях может выступать в любом времени (кроме настоящего), но чаще всего в будущем I или будущем II сослагательно-го наклонения: *Университетыр къэзухатэмэ, лэжьанIэ хъарзынэ згъуэтынут*. «Если бы я закончил университет, я бы нашел хорошую работу». В подобных случаях выражается модальный оттенок уверенности говорящего в том, что действие осуществится.

В предложениях с условной формой в перфекте II может присутствовать значение предпочтения говорящим субъектом действия или состояния, соотнесенного с условной формой: *Старшынэм къызэрилъытэмкIэ, Астемыр кIуатэмэ нэхъыфIт, сыту щытми а тIур зэныбжэгъуу жалэри нэхъ къедэIуэни* (КI.A., 168). «Как считал старшина, было (бы) лучше, если бы пошел Астемир, поскольку эти двое друзья, и он его (Астемира) скорее послушается». В данном случае выражается субъективное отношение говорящего к событию.

В некоторых случаях, перфектная форма условного наклонения может потерять основное значение – выражение условия: *Хъарзынэт фэ фиццгъуэрхэр кIуэрэ ехъуэхъуатэмэ... ФыкIуэрэ музык фахуеуатэмэ* (КI.A., 170). «Было бы хорошо, если кто-то из вас пошел и поздравил... Пошли (бы) и сыграли какую-нибудь музыку». Вне контекста данные формы сохраняют условную семантику. В первой части предложения в какой-то степени налична условная семантика, хотя она затушевана. Во второй части условная форма в приведенном контексте приобретает оттенок желательности, побудительности. Особый интерес представляет следующее: несмотря на то, что данные формы инфинитны, они не требуют после себя соотнесенного финитного глагола. С одной стороны, предложение как бы недосказано, с другой – оно имеет законченный смысл. Такие конструкции являются

специфической чертой кабардино-черкесского языка и встречаются довольно редко.

Форма условного наклонения в плюсквамперфекте I образуется с помощью показателя времени *-гъа + мэ*: *сыкIуэгъамэ* «если бы я пошел (тогда)», *сыщытыгъамэ* «если бы я стоял (тогда)». Предложения с такими формами передают семантику условия, которое имеет место в конкретной отдаленности от момента речи.

Плюсквамперфект II образуется с помощью *-гъат(э) + мэ*: *сыкIуэгъатэмэ* «если бы я пошел (тогда)», *сыщытыгъатэмэ* «если бы я стоял (тогда)». Условная форма, образованная с помощью *-гъат(э) + мэ* указывает на условное действие, происходившее в давнем прошлом. *Долэт джэгуакIуэу щытыгъатэмэ, и псалъэр а хъыбархэмкIэ къыщIидзэнт* (КI.А., 170). Как указано выше, формы плюсквамперфекта I и плюсквамперфекта II в современном кабардино-черкесском литературном языке встречаются очень редко. Конструкции с такими формами чаще всего можно обнаружить в фольклорных текстах, сказках и преданиях.

К инфинитным образованиям глагола грамматическая традиция относит также условные формы с суффиксом *-кIэ*: *Ар дэ къыщыдэдджэкIэ дитIысхъэнци дыкIуэниц*. «Раз он нас зовет, мы сядем и поедем». Однако не всегда глагольные формы с данным суффиксом можно отнести к условному наклонению. Формы, включающие формант *-кIэ*, выступают в совершенно разных функциях. Так, формант *-кIэ* может выступать и в функции падежного окончания: *Уежбу уищыскIэ абы къыгъээжынукуьым*. «От того, что ты сидишь и ждешь, он не вернется»; *Абы уеплъакIэ езыр къэкIуэнукуьым, кIуауэ къэшэн хуейищ*. «От того, что ты посмотрел на него, он не придет, надо пойти и привести».

В кабардино-черкесском языке встречаются случаи, когда формант *-кIэ* может выражать не условие, а причину. В этих случаях этот формант вносит значения «так как», «раз, поскольку» и связан с обстоятельственным префиксом времени *-ищ*: *Тхылъ сыщеджэкIэ си псэм зегъэпсэху*. «Когда я читаю книгу, моя душа отдыхает». Здесь суффикс *-кIэ* вполне можно заменить на суффикс *-м*: *Тхылъым сыщеджэм си псэм зегъэпсэху*. «Когда я читаю книгу, моя душа отдыхает».

Нужно отметить функциональную и словоизменительную неоднозначность форм типа *сыщеджэкIэ*, *сыщыкIуэкIэ*. Ср.: *СыщыкIуэкIэ ар солъагъу* «Когда я иду, вижу его», но *СыщыкIуэкIэ*

ар *слъагъуниѣ* «Так как (поскольку) я иду, увижу его». Здесь, действительно, эти формы различаются и в словоизменительном, и в функциональном отношении. В первом случае выражение (*сыщыкІуэкІэ* «когда я иду») не имеет временного разграничения, тогда как во втором случае выражение *сыщыкІуэкІэ* («так как я иду») изменяется по временам.

Следует заметить, что в глаголах условного наклонения довольно-таки часто встречается суффикс *-къуэ*. Чаще всего, данный суффикс присоединяется к основам, где присутствует суффикс *-ж*. Суффикс *-къуэ* в таких случаях выступает со значением предостережения от каких-либо действий. Обычно в таких примерах суффикс *-къуэ* следует после суффикса *-ж*, выражающего обратное действие, и выражает значение «а вдруг обратно»: *бзэгу ихъыжыкъуэмэ* «а вдруг донесет на него», *дунейм къытехъэ-жыкъуэмэ* «а вдруг оживет?». Эти глаголы вполне могут употребляться и без суффикса *-къуэ* с суффиксом *-ж*, но редко встречаются с суффиксом *-къуэ* без суффикса *-ж*. В некоторых случаях суффикс *-къуэ* заменяется суффиксом *-Іуэ* или *-щэ*, но это не изменяет структуру глагольной основы: *джэгукъуэн* – *джэгуІуэн* «заиграться»; *псэлъэкъуэн* – *псэлъэІуэн*, *псэлъэщэн* «заговориться». В литературе мы встречаем мнение, согласно которому глаголы с суффиксом *-къуэ* выступают в форме условного наклонения и без суффикса *-ж*. [Дзутанова, 1998: 51].

Нужно обратить также внимание на формы типа *къақІуи* «приходи и...», *йырекІуи* «пусть идет и...», которые относятся к условному наклонению. Однако если не учитывать их окружения, безоговорочно относить их к условному наклонению неправомерно. В определенных конструкциях формы с суффиксом *-и* приобретают функцию условного наклонения. Но суффикс *-и* может восходить к соединительному форманту *-и*: *еджи улэжъэниѣ* «если выучишься, будешь работать», а вторичность условного значения суффикса *-и* можно проследить на следующих примерах: *къақІуи плъагъуниѣ* «если придешь, увидишь», но *къақІуи лъагъу* «приходи и повидайся с ним»; *къэхъи уэстыниѣ* «если принесешь, я отдам тебе»; *къэхъи къызэт* «принеси и отдай мне»; *тэджи улъэІасыниѣ* «если встанешь, дотянешься» и т.д. Хотя эти примеры говорят о том, что формы с суффиксом *-и* восходят к союзной форме повелительного наклонения и в них отсутствуют формы 1-го лица единственного числа, как это имеет ме-

сто в императиве, мы относим подобные формы к условному наклонению, поскольку очевидно присутствие условного значения.

3.4. Сослагательное наклонение

Изучение сослагательного наклонения (конъюнктива) связано с определенными трудностями. Они состоят в проблеме дифференциации сослагательного и условного наклонений. В терминологии Н.Ф. Яковлева данное наклонение называется нереально-условным и соответствует русскому условному, или сослагательному [Яковлев, 1948: 82].

Нереально-условное, или сослагательное наклонение выражает действие или состояние, не существующее в действительности, но желательное, предполагаемое или возможное при выполнении какого-либо условия. В этом наклонении все времена реального утвердительного наклонения (индикатива), имеющие суффикс *-и*, меняют его на *-т*, а времена, имеющие суффикс *-т*, остаются без изменения [Там же].

А.К. Шагиров выделяет, помимо условного и сослагательного наклонений, так называемое условно-сослагательное наклонение, которое по показателю и форме отрицания совпадает с условным. При таком тождестве встает вопрос о целесообразности выделения условно-сослагательного наклонения в отдельную категорию.

Безусловно, некоторое функциональное тождество и тесная взаимообусловленность, наблюдаемая между данными наклонениями, является следствием их генетической общности.

Сложность в определении границ сослагательного наклонения состоит еще в том, что данное наклонение тесно связано с категорией времени. Взаимосвязь между ними проявляется, в частности, в том, что форманты конъюнктива генетически тождественны формантам временных форм. В отличие от кабардино-черкесского языка, в русском языке, так же как и повелительное, сослагательное наклонение не имеет форм времени. В русском языке условно-сослагательный оборот глагола обычно относится к синтаксису, а в кабардино-черкесском языке понятие условности действия может выражаться в самом глаголе, поэтому сослагательный оборот передается без специальной условной частицы.

Особый интерес представляет то, что в русском языке формы сослагательного наклонения широко употребляются для выражения желания в разных его оттенках. При этом формы сослагательного наклонения часто объединяются с частицами и выступающими в роли частиц наречиями: пусть бы, только бы, лишь бы, хорошо бы и т.д. В кабардино-черкесском языке форма сослагательного наклонения также может употребляться со значением предположительности и желательности: *сыкIуагъэнут* «я, наверное, ходил (тогда)». В зависимости от синтаксических условий в контексте значение предположительности может варьироваться и выступать как значение желания: *схузэфIэкIамэ сыкIуэнт* «если бы я мог, я бы пошел». От желательного наклонения конъюнктив отличается тем, что обозначает волю, нередко требование говорящего, тогда как желательное выражает только его желание: *Уи къуэ нэхъыщIэр школым умыгъэкIуатэмэ, бжэ-ныхъуэу згъэувынут* (КI.A., 484). «Если бы ты не отправил младшего сына в школу, я бы назначил его чабаном»; *Чачи кIэбгъу зищIауэ мэкIуэж, си джэду шыр къомыр псэууэ сынэсыжащэрэт* (КI.A., 448). «Чача тоже уходит, думая, хоть бы я дошла домой и застала своих котят живыми».

Эти два предложения четко различаются по своей семантической направленности: в первом предложении очевидно выражение непререкаемого намерения говорящего, тогда как во втором присутствует лишь желание, которое не зависит от воли говорящего.

В кабардино-черкесском языке сослагательное и желательное наклонения выступают как две совершенно разные формы с различными грамматическими показателями, хотя отрицать факт присутствия желательной модальности в формах конъюктива нельзя.

Следует отметить, что сослагательному наклонению в специальной литературе уделено недостаточное внимание. Например, в «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка» [1970] данное наклонение практически не рассматривается. В то же время у М.А. Кумахова сослагательное наклонение разработано более подробно [Кумахов, 1971]. К сожалению, это единственное исследование, которое мы можем найти по сослагательному наклонению именно в кабардино-черкесском языке.

Как и индикатив, сослагательное наклонение относится к классу финитных глаголов. Действие данного наклонения

реально может осуществиться при наличии определенных условий. Именно этот факт способствует тому, что глаголы сослагательного наклонения включаются в класс финитных глаголов с реальной модальностью. Поскольку действие глаголов сослагательного наклонения могло реально осуществиться при наличии определенных условий, данное наклонение характеризуется как реальное и, как правило, выражается финитным глаголом: *Бажэ тхъэмыцкIэр дыгъужьым ичатхъэт*. «Бедную лису волк мог разорвать в клочья».

Весьма употребительно сослагательное наклонение с суффиксом *-н-т, -ну-т*: *А уэс къеса къомым машинэм куэд иригъэкIунт!* «Этот выпавший снег дал бы машине проехать».

В кабардино-черкесском языке сослагательное наклонение образуется с помощью суффикса *-т* от основы будущего I и II и выражает действие, которое в действительности не совершается, но могло бы совершиться при известных условиях, возможных и невозможных в действительности.

Как уже отмечено, глаголы сослагательного наклонения выступают в роли сказуемого обычно в предложениях с условными оборотами, но они могут, хотя и реже, выступать в роли сказуемого в предложениях, не содержащих условных оборотов: *Саримэ къыцIэкIрэ Елдар зэрызыкъырихыр илъэгъуатэмэ, заныцIэу кIуэнунт* (КI.А., 69). «Если бы Сарима увидела, как Эльдар нарядно одет, она бы сразу пошла»; *Мурат и гъусэу къалэм сыхIуэнунт*. «Я поехал бы в город вместе с Муратом».

У сослагательного наклонения как динамических, так и статических глаголов нет форм настоящего времени, поскольку, как уже было указано, оно имеет дело лишь с предстоящим или уже с прошедшим действием или состоянием.

Сослагательное наклонение в будущем I динамических и статических глаголов образуется с помощью суффиксов *-н+т*, где *-н* является показателем как времени, так и наклонения: *Хъыджэбз сырыху цIыкIур зыгуэрэм сIыху хуит сицIыжатэмэ, заныцIэу Саримэ и деж сыдыхъэнт*, *жиIэу Елдар и ныбжьэгъу цIалэхэм яхэплъэрт* (КI.А., 55). «Если бы у меня забрали светловолосую девочку и освободили, сразу пошел бы к Сариме, думал Эльдар, оглядывая своих друзей».

Глагол с суффиксом *-нт* может утратить временное значение, сохранив при этом лишь оттенок желания: *Старшинэм*

лъэкIатэмэ, Жыраслъэн *игъэпсэлъэнт* (КI.А., 38). «Если бы старшина был волен, он бы дал слово Жираслану». В таких случаях весьма важную роль играют контекст и интонация, поскольку возможно двойное восприятие содержания подобных форм. Так, при воспроизведении с вопросительной интонацией в целом меняется семантический фон предложения, т.е. становится возможным употребление глагола в негативной (отрицательной) форме, хотя значение желания не утрачивается. См.: *Старшинэм лъэкIатэмэ, Жыраслъэн игъэпсэлъэнтэкъым*. «Если бы старшина был волен, он не дал бы слова Жираслану».

Если в зависимой (инфинитной) части предложения глагол в динамической и в статической форме включает в себя показатель отрицания -мы, в последующей финитной части глагол теряет значение сослагательного наклонения: *емыджамэ кIуэнт* «если бы не учился, разве пошел бы», *щымытамэ ииIэнт* «если бы не стоял, разве знал бы». Такие предложения произносятся с четкой вопросительной интонацией: *Мэзкуу абы [Къызджэрий] игу ирихъ гуэр щымыIатэмэ, КъэбэрдейкIэ къимыгъазэу, МэзкуукIэ заныIэу иунэтIынт?* (КI.А., 455). «Если бы в Москве не было кого-то, кто ему нравится, разве он не вернулся бы в Кабарду, не направившись сразу в Москву?»; *Пхуэфайцэ къыныщыIац [Рахъим]. Умыделэтэмэ, абы зыныщыIэнт?* (КI.А., 82). «Так тебе и надо. Если бы ты не был глупцом, разве связался бы с ним?»

В большинстве случаев, глаголы с суффиксом -нт, выражают значение сослагательного наклонения, когда зависимый (инфинитный) глагол представлен в форме условного наклонения: *Мэзхъумэу увмэ [Астемыр], къилэжъыр унэм иригъэхъынт, щыгъын, гъавэ сым къыцэхуурэ КъэбэрдейкIэ кIуэ хуэзэмэ, иригъэшэнт* (КI.А., 101). «Если бы устроился лесником, все, что зарабатывал, отсылал бы домой, покупал бы одежду и еду и отправлял бы вместе с теми, кто направлялся в Кабарду».

Как уже указано, бывают случаи, когда конъюнктив функционирует в предложении, где отсутствует условная форма, хотя значение сослагательного наклонения в них затушевано: *Деплынунт, игъащIэм тлъэгъуакъым [къамэ]* (КI.А., 120). «Мы бы посмотрели – никогда не видели [саблю]».

Будущее II сослагательного наклонения образуется с помощью суффикса -нут и выражает будущее действие по отношению к определенному моменту в прошлом: *Астемыр жиIэр уи*

фIэц пцIымэ, гъэщIэгъуэн гуэрхэр **къэхъунут** (КIА., 146). «Если верить Астемиру, много интересного может случиться». Данный суффикс выполняет одинаковую функцию как в составе динамических, так и в составе статических глаголов.

Саримэ уэрамым къыщыхуэзэмэ, Елдар укIытэрти зыхуимыгъэзэн щхъэкIэ лъэныкъуэ зригъэзырт, хъыджэбзым зыкърымыгъэлъагъуу, нобэ ар абы хуэзатэмэ, дуней насыпу **къылъытэнут** (КIА., 74). «Если встречал Сариму на улице, Эльдар смущался и отходил в сторону; если б встретил ее сегодня, то это было бы для него великим счастьем».

Если в сказуемом придаточного предложения имеется временной префикс *-щы*, то сложный суффикс *-нут* в сказуемом главного предложения выражает значение будущего времени по отношению к определенному моменту в прошлом: *И къуэшыр къыщыкIуэжам, щIалэр лъэтэнут*. «Когда (его) брат вернулся, парень готов (было) летать».

Так же, как и глагол с *-нт*, глагол с суффиксом *-нут* выражает значение сослагательного наклонения, когда инфинитный глагол представлен в форме условного наклонения: *ТэкIу ялэщIэкIатэмэ, дадэм зыгъэпщIкIунIэ къыгъуэтынут, щIынIэр тынышу ецIыху* (КIА., 377). «Если бы чуть оторвался, дед нашел (бы) убежище, (он) хорошо знает местность»; «Казбекыр» ямыIамэ, взводыр гугъу **ехъынут**. «Если бы не было «Казбека», взводу было бы тяжело» (КIА., 29).

Хотя отдельные ученые, например, М. Кумахов и К. Вамлинг считают, что конъюнктив образуется только от основы футурума и другие формы времен для него не характерны, по нашему мнению, значение конъюктива могут передавать и формы прошедших времен на *-т*: *ар бгъэзэщIам, еджанIэ нэхъыщхъэм уцеджэт* «если бы ты исполнил это, ты учился бы в университете» (имперфект); *нэхъ пасэу къыджефIам, дынэкIуат* «если бы вы сказали пораньше, мы бы приехали (тогда)» (перфект II); *дохутырым сыкIуам уIэгъэр хъужыгъат* «если бы я пошел к врачу, рана бы затянулась» (плюсquamперфект II). В данном случае может возникнуть проблема дифференциации форм индикатива и сослагательного наклонения, поскольку, как уже было указано, положительная форма изъявительного наклонения может не иметь свойственного ему суффикса *-щ* во всех временах. Это касается, прежде всего, формы изъявительного наклонения в перфекте II, который образуется от перфекта I посредством суф-

фикса *-т*, указывающего на то, что действие протекало в ограниченное время. Ср.: *сыкIуащ* «я ходил», *сыкIуат* «я ходил (тогда)». Конкретизация форм сослагательного наклонения происходит в контексте предложения, где, как видно из приведенных примеров, присутствует условная семантика.

Характеристикой основы будущего I считается формант *-н*, который также входит в состав форманта сослагательного наклонения. Интересным представляется тот факт, что до сих пор нет аргументированного объяснения происхождения данного суффикса в морфологии кабардино-черкесского языка.

Представляется, что наиболее обоснованным является предположение, согласно которому форма на *-н* является финитной, причем со значением намерения, цели или долженствования. Практически во всех адыгских языках данная форма употребляется именно в этой функции.

3.5. Желательное наклонение

Желательное наклонение (оптатив) представляет особый интерес, так как в специальной литературе существуют разногласия по вопросу о том, какие формы должны быть отнесены к данному наклонению. В то же время все адыговеды признают существование собственно желательного наклонения, т.к. эта грамматическая категория вполне отчетливо выделяется как в морфологическом, так и в семантическом плане.

Действительно, формы оптатива в адыгских языках весьма разнообразны. Так, в адыгейском языке в пределах желательного наклонения встречаются малопродуктивные формы, которые группируются по грамматическим признакам, хотя все эти группы лексически ограничены.

В кабардино-черкесском языке, как было отмечено, вопрос дифференциации форм повелительного и желательного наклонений стоит остро. Еще Т. Борукаев выделял повелительно-желательное наклонение [Борукаев, 1932: 54]. Б.К. Утижев, считает, что повелительно-желательный вид – это особая форма повелительного наклонения [Утижев, 1972: 5]. В научной литературе встречается определение «позволительная форма глагола», которое относят к желательному наклонению [Меретуков, 1985: 68].

Среди адыгovedов нет единодушия по вопросу о том, к какому наклонению отнести повелительную форму глагола. Некоторые исследователи относят ее к самостоятельным грамматическим категориям глагола (Г. Турчанинов, М. Цагов, У. Зекох), другие включают в состав повелительного наклонения (Н. Яковлев, Д. Ашхамаф, Г. Рогава, З. Керашева, Б. Утижев). На наш взгляд, повелительная форма глагола – разновидность опатива.

Основное значение желательного наклонения – выражение желания, которое чаще всего обращено на действие или состояние говорящего, который в опативном высказывании выражает свои потребности, надежды или мечты. Временной диапазон желательного наклонения ограничен. Действие или состояние, на которое проецируется желательная форма невозможно в настоящем времени. М.А. Кумахов считает, что «данные как внешней, так и внутренней реконструкции не позволяют постулировать наличие форм настоящего и будущего времен для истории опатива» [Кумахов, 1971: 235]. Временной план желательной формы определяется, в первую очередь, временной основой глагола, его статичностью и динамичностью, финитностью и инфинитностью.

В кабардино-черкесском языке глаголы желательного наклонения являются инфинитными. Хотя глаголы желательного наклонения инфинитны, они по своей семантике не соотносятся с финитным глаголом. Такая картина наблюдается во всех абхазско-адыгских языках, но особенно ярко это проявляется в абхазском языке, где у желательных форм ориентация на момент речи непосредственная и единственная. Как в абхазском языке, так и в кабардино-черкесском в словосочетании желательная форма глагола принимает независимое, не подчиненное другому глаголу положение. В подобных предложениях инфинитная желательная форма не нуждается в присутствии финитного глагола, поскольку они интонационно завершены и носят целостный характер. В подтверждение этого З.И. Керашева пишет: «Инфинитные глаголы выражают неопределенное, незавершенное, зависимое от финитного глагола действие. В силу своей незавершенности инфинитные глаголы самостоятельно не могут образовать предложение. Только глаголы повелительного и желательного наклонения в силу своей особой семантики и ирреальной модальности при наличии усиленной завершенной интонации могут выступать в функции сказуемого [Керашева, 1995: 113].

Наличие в кабардино-черкесском языке разных типов оптатива можно объяснить функциональным разнообразием некоторых форм, выражающих значение желательного наклонения. Поэтому считаем нужным их разграничить.

Основная форма желательного наклонения (оптатива I) образуется посредством суффикса *-рэт, -щэрэт*. Обычно этот суффикс выражает неосуществимое желание говорящего: *Диктантыр зэрыт тетрадыр кбыдатыжащэрэт, жалэрт псоми* (КІ.А., 541); «Хоть бы нам вернули тетради с диктантами», – говорили все»; *А псом ищІыІужкІэ, ФуІэд и нэкІэ уепІащэрэт абы* (Гьу.н., 17). «Кроме того, хоть бы ты посмотрел на нее глазами Фуада»; *Сэ кьалэм сыкІуарэт* «Хоть бы я в город поехал». Как отмечает М.А. Кумахов, вариант *-щэрэт* в кабардино-черкесском языке представляет собой слияние частицы *-гуцэ*, используемой в оптативных конструкциях, с суффиксом *-рэт*: *кьэкІуа гуцэрэт – кьэкІуащэрэт* «хотя бы он пришел». Такие доводы представляются весьма убедительными. В настоящее время формы типа *гуцэрэт* встречаются довольно редко, в основном в речи женщин старшего возраста.

В кабардино-черкесском языке желательное наклонение динамических и статических глаголов возможно только в перфекте I. В специальной литературе существует мнение, что для желательного наклонения «обычна форма лишь одного времени – прошедшего совершенного в значении всех времен, но возможна и форма настоящего времени: *ицІащэрэт* «хоть бы ты сделал»; *ицІыщэрэт* «хоть бы ты сделал (сейчас)» [Яковлев, 1948: 83]. В том же труде мы читаем: «Не изменяются по временам наклонения желательное, вероятности и повелительное» [Там же]. Как видим, автор противоречит сам себе, тем более, что приведенная форма желательного наклонения в настоящем времени *ицІыщэрэт* «хоть бы ты сделал (сейчас)» не употребляется в современном кабардино-черкесском языке.

Исходное значение временного суффикса *-а* не сохраняется в оптативе. Основным значением предложений с желательной формой, образованной от динамического глагола в перфекте I, является выражение желания, которое исполнилось бы в будущем: *Лу зыщІэхъуэпсыр арат сытми, си щхьэр хъужащэрэт аицІондэху, жиІэрт* (КІ.А., 492). «Разве об этом мечтал Лу, хоть бы у меня перестала болеть голова, думал он». *Сэ шы сышэсыркъым,*

гум *ситысхэфацэрэт* (К.А., 37). «Я не сажусь на лошадь, хоть бы смогла сесть в повозку». Статический глагол в желательной форме в перфекте I выражает состояние, которое желательно для говорящего: *Си цхьэгъубжацхьэм удз гъэгъа Iэрамэ тетацэрэт*. «Хоть бы на моем подоконнике стоял букет цветов». *Бостей дахэ сиIацэрэт*, *жиIэу цIэхъуэпсырт пиццэр*. «Хоть бы у меня было красивое платье, – мечтала девушка».

В кабардино-черкесском языке часто употребляется форма наклонения, образованная с помощью префикса *re-*, который выражает желательность, позволение. Именно потому форма с префиксом *re-* именуется позволительной формой. В зависимости от контекстных условий данная форма может иметь оттенки значения желания или повеления. Именно поэтому в специальной литературе нет определенного мнения о том, к какому именно наклонению отнести форму с префиксом *-re*. Мы относим позволительную форму с *re-* к желательному наклонению (оптатив II), хотя данная форма относится некоторыми специалистами к повелительному наклонению, что не лишено оснований с функциональной точки зрения.

На наш взгляд, формы с префиксом *re-* отграничиваются от собственно повелительного наклонения, хотя и не вполне отчетливо. Например, в формах 2-го лица единственного числа в повелительном и желательном наклонениях: *тхэ* «пиши», *у-re-тхэ* «пусть ты напишешь». Отнесение форм *урежэ* «пусть ты победишь», *уреджэ* «пусть ты прочитаешь» к желательному наклонению и объединение оптатива I и оптатива II под одним названием «желательное наклонение» не вызывают у нас возражений, поскольку представляется более целесообразным с функциональной точки зрения отнести оптатив II к желательному наклонению, а не к повелительному.

Как было отмечено, в кабардино-черкесском языке, положительная форма повелительного наклонения в единственном числе выступает без показателей лица *жэ* «беги», *плъэ* «смотри», а во множественном числе глагол в такой форме сопровождается показателем 2-го лица множественного числа *фы-жэ* «вы бегите» *фы-плъэ* «вы смотрите».

В отличие от императива позволительная форма желательного наклонения выступает во всех трех лицах:

1. *сы-ре-джэ* «пусть я буду читать»
2. *у-ре-джэ* «пусть ты будешь читать»
3. *и-ре-джэ* «пусть он читает»

1. *ды-ре-джэ* «пусть мы будем читать»
2. *фы-ре-джэ* «пусть вы будете читать»
3. *и-ре-джэ-хэ* «пусть они читают».

В кабардино-черкесском языке оптатив II осложняется префиксом *е-*. Некоторые специалисты считают, что данный префикс «генетически представляет собой показатель косвенного объекта» [Кумахов, 1971: 236]. Нельзя не согласиться с М.А. Кумаховым в том, что осложнение непереходных глаголов префиксом *е-* является инновацией, т.к. присутствие косвенного объекта в одноличных непереходных глаголах не мотивировано с функциональной точки зрения, и его появление может быть объяснено стремлением к выравниванию парадигматических рядов [Кумахов, 1971: 236].

Как правило, *ре-* выражает действие, которое разрешается, позволяется совершить субъекту, выступающему в любом лице и числе:

Ирегъ сэ си анэ, сэр нэмышцІ
Зым и ани и гур хремышцІ.
 «Лучше пусть одна рыдает мать,
 Чтоб другим не довелось рыдать».
 (КІ.А., 31)

И Іэ къэтакъым, и лъэ къэтакъым, ирелажьэ, адрейхэм хуэдэу. Быныр зейри псэущ – Сыбыр кІуауэ жалэ, кърекІуэжи иренІыж (КІ.А., 133). «Она не без рук и ног, пусть работает, как другие. Отец детей тоже жив, говорят, что уехал в Сибирь, пусть возвращается, пусть воспитывает (детей)».

В кабардино-черкесском языке форма выражения субъекта в глаголах типа *и-ре-плъэ* «пусть он смотрит», *и-ре-джэ* «пусть он читает» дифференцирована, т.е. значение 3-го лица единственного числа передается с помощью префикса *и-*, а второе – префиксом *уы-*, которые стоят перед *-ре-*:

<i>и-ре-жэ</i>	«пусть он бежит»
<i>и-ре-псалъэ</i>	«пусть он разговаривает»
<i>и-ре-плъэ</i>	«пусть он смотрит»;
<i>уы-кIуэ</i>	« пусть ты пойдешь»
<i>уы-плъэ</i>	«пусть ты посмотришь»
<i>уы-жэ</i>	«пусть ты побежишь».

УтIыиц, мыр, ХъэпаицIэ! КъыздимыкIыжыным ирекIуэ! ИрекIуэ мэзым! ХъэкIэкхъуэкIэхэм ицIреихыхъ (Щ.І., 126). «Отпусти ее, Хапача! Пусть идет! Пусть идет в лес! Пусть звери ее там съедят!»

Показатель *и-* реализуется в формах переходных глаголов в 3-м лице единственного числа в начальной позиции:

абы ар и-ре-шэ «пусть он поведет его»,
абы ар и-ре-джэ «пусть он почитает то».

Показатель субъекта 3-го лица единственного числа может быть выражен префиксом *-ры-*:

ды-ры-ре-хъ «пусть он понесет нас»,
сы-ры-ре-хъ «пусть он понесет меня».

Что касается выражения множественного числа 3-го лица переходного субъекта, префикс *-а* сливается с префиксом этого лица *-и(-йы)* и *-е(-йэ)* и образует с ними префикс *-я*:

абыхэм ар я-ре-шэ «пусть они поведут их»,
абыхэм ар я-ре-хъ «пусть они понесут их».

Как видно, префикс *я-* выступает в начальной позиции повелительной формы двухличного переходного глагола в качестве показателя субъекта 3-го лица множественного числа. Кроме того, в двухличных переходных глаголах, где конкретными показателями выражаются прямой объект и субъект, показатель 3-го лица множественного числа может переходить в *-а*: *сы-ра-ре-т* «пусть они меня отдадут».

При анализе языкового материала можно проследить некоторые особенности в оформлении личных префиксов в оптативе II: префиксы субъекта в кабардино-черкесском языке

выступают с огласовкой *-ы-*. Огласовка личных аффиксов 1-го и 2-го лица оптатива III в кабардино-черкесском языке тождественна формам прошедшего и будущего времен:

<i>сыкIуэмэ</i>	«если я иду»;
<i>уыкIуэмэ</i>	«если ты идешь».

В глаголах типа *урекIуэ* «пусть ты пойдешь», *уреплъ* «пусть ты посмотришь» показатель субъекта указывает на 2-е лицо единственного числа.

В парадигме глаголов оптатива II наблюдаются различия в формах выражения показателей субъекта 3-го лица единственного и множественного чисел. В кабардино-черкесском языке в повелительной форме двухличного переходного глагола в 3-м лице единственного числа в начальной позиции выступает показатель *и-*,

<i>абы ар ирешэ</i>	«пусть он поведет его»;
<i>абы ар ирехъ</i>	«пусть он понесет то»;

Интерес представляет то, что в кабардино-черкесском языке в парадигме глагола префикс повелительности *ре-* не имеет устойчивой позиции, чего нельзя сказать о префиксе *рэ-* в адыгейском языке. Например, в формах типа *фэ сэ сывырешэ* «пусть вы меня поведете» префикс *ре-* занимает позицию между показателями прямого объекта и субъекта, тогда как в адыгейском языке в примере *шъо сэ сэшъорэхъ* «пусть вы понесете меня» префикс *рэ-* не может выступать в другой позиции, нежели в препозиции к основе глагола. Точно так же в двухличных переходных глаголах в начальной позиции может выступать префикс *ре-*, за которым следуют показатели объекта и субъекта: *сэ ар и-ры-з-е-хъ* «пусть я понесу то», в адыгейском языке *-рэ* не может занимать подобной позиции.

3.6. Предположительное наклонение

Предположительное наклонение является одним из основных средств выражения субъективной модальности.

В кабардино-черкесском языке основным показателем предположительного наклонения является суффикс *-гъэн*. Данный суффикс осложняется формантом *-иц*, который, как известно, является и показателем индикатива. Основное отличие предположительного наклонения от индикатива состоит в том, что глаголы изъявительного наклонения обозначают действие, состояние или процесс, мыслится говорящим как действие, которое происходит, происходило или будет происходить, в то время как предположительное наклонение выражает неуверенность в осуществлении действия, сомнение, предположение говорящего. Подразумевается недостаточность сведений для утверждения того, что данное действие имело место в действительности. Говорящий по своим субъективным данным не располагает достаточными сведениями относительно того, свершилось действие или не свершилось, т.е. с помощью данного наклонения субъект выражает сомнение в осуществлении действий. Говорящий предполагает, но не утверждает, что действие произошло или может произойти: *кӀуагъэниц* «(он) вероятно, пошел»: *Тхъэм ещӀэ, врачу къыицӀэкӀыниц, мастэ къыитхиӀуну къэкӀуагъэниц* (Щ.І., 22). «Бог знает, пришла врач (наверное) сделать нам укол»; *Ари и зы псалъыхъу гуэрӀым къритагъэниц* [Шурэ] (КІ.А., 68). «Это кто-нибудь из поклонников подарил (наверное)».

В специальной литературе существует мнение, согласно которому «предположительное наклонение, образуемое с помощью суффикса *-гъэн(у)*, восходящего к суффиксу плюсквамперфекта *-гъа* и суффиксу футурума *-н(у)*, может быть финитным: *у-жеи-гъэну-иц* «ты, наверное, спал»; и инфинитным: *у-з-мы-ицӀэ-гъэн* «я, наверное, тебя не знал» [Кумахов, Вамлинг, 1998: 46]. Это положение может вызвать некоторые возражения, поскольку предположительное наклонение выражает отношение говорящего к событию. Это субъективная модальность. По этому поводу З.И. Керашева пишет следующее: «Почти всем временам индикатива противопоставляются гипотетические времена. Глаголы предположительного наклонения – финитные, и они образуются на основе индикатива при помощи морфологических формантов предположительности» [Керашева, 1984: 110]. Таким образом, субъективная модальность, выражаемая глаголами предположительного наклонения, дополняет общую реальную модальность предложения: *Налшык къикӀыжа нэужь, Аслъэн и Іуэху*

иужь ихъэжагъэнищ «После того, как Аслан вернулся из Нальчика, (он) наверное, занялся своими делами». *А шууитыр абазэ адыгэщи абазэмкIэ ягъэзэжагъэнищ* (КI.А., 109). «Эти два всадника абазинские адыги, (они) наверное, направились к абазинам».

Повторяя слова З.И. Керашевой, «внешнесинтаксическая реальная объективная модальность выражается индикативом, внешнесинтаксическая субъективная модальность может быть выражена финитными глаголами предположительного наклонения. Отсутствие положительной сигнализации субъективной модальности является указанием уверенности субъекта в достоверности действия» [Керашева, 1984: 111].

Понятно, что возможность, вероятность или неуверенность говорящего как разновидности субъективной модальности могут быть выражены также по-разному. Тем не менее наиболее систематически неуверенность в осуществлении действия выражается при помощи постановки финитного глагола в предположительном наклонении: *Мэкъу къашэжар зэтрilhъэну хуежъагъэнищ* «Вероятно, (он) начал складывать сено, которое привезли».

Временные формы предположительного наклонения характеризуются большим разнообразием в адыгейском языке. В кабардино-черкесском языке предположительное наклонение реализуется только в прошедшем времени.

Любопытно, что в предположительном наклонении суффикс *-гъэн* выражает предположение действия или состояния, имевшего место в прошлом. Суффикс *-гъэн* (у) восходит к суффиксу плюсквамперфекта и суффиксу будущего времени *-н(у)*: *Пищэщэм игъэзэжыным пэмыплъэу лэжъэгъум вэн щIидзагъэнущ* (Щ.И., 47). «Не дожидаясь возвращения девушки, он, (наверное), начал пахать».

Глагол в предположительном наклонении может быть как динамическим, так и статическим. Динамический глагол в предположительном наклонении образуется посредством присоединения форманта предположительности *-гъэн* к суффиксу прошедшего времени *-а*: *сытхагъэнищ* «я писал, наверное», *сеплъагъэнищ* «я смотрел, наверное». *Саримэ и нэкIур хуиту илъагъуртэкъым* [Елдар], *ауэ хъыджэбз цIыкIур шу парадым щеплъкIэ, дунейм тетыр щыгъунищэжагъэнт, апхуэдизкIэ фIэтелъыджащэт илъагъури* (КI.А., 73). «Элдар не видел лица Саримы, но когда девочка смотрела на конный парад, все на свете забыла (наверное), настолько

ей было интересно то, что (она) видела». *ЕрагъпсэрагъкІэ комендантым къыІэщІэкІащ*, «*Туземнэ дивизэм*» *укъыхэкІуэсыкІагъэнищ*, *жалэри гурыщхъуэ къыхуащІат* (КІ.А., 119). «Еле-эле он ушел от коменданта, (его) заподозрили в том, что он сбежал (наверное) из «Туземной дивизии». Статическая форма образуется с помощью этих же формантов и выражает неуверенность, сомнение в том, что действие или состояние имело место в действительности: *Тхъэм ещІэ, нэхъыжьхэр унэм щІэсагъэнищ* (КІ.А., 475). «Бог знает, старшие дома сидели (наверное)».

Вопрос о предположительном наклонении в адыгских языках до сих пор не был предметом специального исследования. Как в адыгейском, так и в кабардино-черкесском языке существуют некоторые различия по формулировке названия данного наклонения. В специальной литературе нередко встречается термин «Наклонение вероятности» [Ж.А. Шаов, З.И. Керашева, А.Х. Налоев].

В «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка» [1970] отмечается, что наклонение вероятности образуется при помощи суффикса *-гъэн* и выражает предположение или сомнение в возможности существования действия, выраженного глаголом: *укІуагъэнищ* «ты, наверно, ходил», *укІуагъэнт* «ты, наверно, ходил когда-то» [143].

Независимо от термина, трудно отрицать присутствие наклонения вероятности (предположения) в кабардино-черкесском языке. Его наличие не должно вызывать сомнений.

3.7. *Вопросительное наклонение*

Как известно, основное значение вопросительного наклонения – выражение вопроса. С помощью вопросительных форм говорящий стремится удостовериться в действительности и реальности какого-либо события, действия или состояния.

Адыгские языки во многом расходятся в плане выражения вопроса в глаголе. Это можно объяснить спецификой вопросительного наклонения, т.е. присутствием вопросительного значения, которое сопровождается вопросительной интонацией, обилием способов образования и широким применением в разговорной и литературной речи.

Не все исследователи адыгских языков включают данное наклонение в систему наклонений, так как считают, что вопрос не может выражать модальность. Однако, по справедливому замечанию Ж.А. Шаова, нужно признать за вопросом модальное значение, так как предложение и модальность неотделимы друг от друга. Автор пишет: «Непризнание за вопросом модального значения равносильно утверждению, что существуют предложения с модальным значением и без модального значения» [Шаов, 1965: 109].

По нашему мнению, нецелесообразно рассматривать вопросительное наклонение в рамках изъявительного. Такой подход объясняется скорее тем, что многие исследователи отождествляют формы вопросительного наклонения в адыгских языках с функционально соответствующими формами индоевропейских языков, в особенности, русского языка. Однако в русском языке вопросительные формы предложения выражаются лишь семантико-синтаксическими и интонационными способами. В то же время в адыгских языках, в частности, в кабардино-черкесском языке вопросительное наклонение характеризуется не только семантико-синтаксическими и интонационными признаками, но и морфологическими.

Именно эта особенность вопросительных форм в адыгских языках – оформляться специальными аффиксами – отличает их от таких же форм в русском языке. Поэтому, на наш взгляд, есть объективное основание исследовать вопросительное наклонение в перечне косвенных наклонений.

Морфологическими оформителями вопросительной формы глагола в кабардино-черкесском языке служат, во-первых, интонация, во-вторых, суффиксация и специальные частицы. В адыгских языках для более яркой иллюстрации оттенков и способов выражения вопроса выделяют несколько подвидов вопросительного наклонения.

В кабардино-черкесском языке к инфинитным образованиям, обладающими наиболее ярко выраженными признаками полной предикативности, относятся, кроме форм повелительного, условного и желательного наклонения, все вопросительные образования. Они в состоянии навязать всему предложению свою модальную характеристику, временной план и интонацию. Основное назначение вопросительных форм глагола – это побудить собеседника ответить на обращенный к нему вопрос, по-

этому высказывание, в котором налицо вопросительная форма глагола, преимущественно является вопросительным. Кроме значения вопроса, в семантике вопросительных форм глагола содержится указание на характер отношения говорящего к содержанию высказывания в плане соответствия его с действительностью. Характер отношения может быть в виде утверждения о наличии или отсутствии определенных связей между предметами и явлениями действительности в виде предположения, условия, возможности и т.д.

В предложении *Аслъэн къэкIуа?* «Аслан пришел?» Аслан известен и говорящему, и собеседнику как определенное и реальное лицо, которое должно было прийти, но пришел или нет Аслан, говорящему неизвестно. Говорящий предполагает, что это известно собеседнику, а потому и обращается к нему с вопросом, надеясь получить неизвестную ему информацию. В предложении *Аслъэн къэкIуаи* «Аслан пришел» утверждение выражено полностью, Аслан здесь представляет данное, известное и говорящему и собеседнику. Вопросительное наклонение соотносится с моментом речи непосредственно, для него характерен абсолютный временной план.

М.А. Кумахов не включает вопросительное наклонение в перечень косвенных наклонений. Вопросительным формам глагола он посвящает отдельную главу в своей монографии: «Вопросительные и отрицательные формы». Согласно теории М.А. Кумахова, для образования вопросительной формы глагола используется интонация, аффиксация и специальные частицы [Кумахов, 1971: 242].

Мы считаем, что в кабардино-черкесском языке имеет место вопросительное наклонение; оно выражает вопрос с различными семантическими оттенками и имеет 4 формы:

- 1) вопросительное с суффиксом *-рэ*,
- 2) вопросительное с частицей *пIэрэ*,
- 3) вопросительное с суффиксом *-уи*,
- 4) вопросительное с суффиксом *-къэ*.

Форма вопросительного наклонения с суффиксом *-рэ* образуется от динамических глаголов настоящего времени: *Модэ, плъагъурэ мо къалэр?* (КI.A., 603) «Вон там видишь город?». *Мо*

исы ежэхыр *плъагъурэ?* (КІ.А., 497). «Видишь вон ту реку?». Данная форма характерна только для настоящего времени динамических глаголов. Статические глаголы не обладают вопросительной формой на *-рэ*, поскольку этот суффикс в настоящем времени соотносится только с действием: *лажьэрэ* «он работает?», *джэгурэ* «он играет?». *УкІуэрэ*, *Аслъэн?* – *жиІэри Ахъмэд и шынахъыщІэм къеуищІаиц*, *ар Мадинэ зэрыбгъэдэтыр а уищІэмкІэ зытрилъэщІыкІыурэ* (А.М., 41). «Идешь, Аслан? – спросил Ахмед младшего брата, сглаживая этим вопросом то обстоятельство, что он (Ахмед) стоит с Мадиной».

Нужно отметить, что статические вопросительные формы в настоящем времени могут иметь отрицательную форму. Однако они образованы по типу глаголов действия: с помощью префикса отрицания *-мы* и форманта *-рэ*: *Уэ, комиссарыр, уи нІэ щхъэ уимысрэ*, *комиссархэм нэхърэ уэ унэхъ хахуэ, щхъэ япэ укъищрэ?* (КІ.А., 191). «Ты, комиссар, что не сидишь на месте, ты, думаешь, лучше других, что вперед лезешь?».

Вопросительные формы глаголов прошедшего времени типа *умыкІуарэ?* «почему не пошел?», *умытхарэ?* «почему не написал?» могут быть только вопросительно-отрицательными формами глагола, причем в дистрибутивном плане они связаны с вопросительным словом *щхъэ* «почему»: *Письмо щхъэ умытхарэ?* «Почему не написал письмо?».

Отдельно нужно сказать о формах типа *сыкІуэнрэ* «идти ли мне?», *седжэнрэ* «прочитать ли мне?». Для их образования используется формант будущего времени *-н*, хотя такие формы вне контекста не употребляются. Такие формы используются только в сочетании с сопряженным словом в отрицательной форме и союзом *хъэмэ* «или»: *седжэнрэ хъэмэ семыджэнрэ?* «прочитать мне или не прочитать?», *сытхэнрэ хъэмэ сымытхэнрэ?* «писать мне или не писать?».

Часто встречаются вопросительные формы на *-рэ* в сочетании с частицей *тІэ* (*атІэ*): *семыджэнрэ тІэ* «не читать, что ли?», *сымыкІуэнрэ тІэ* «не идти, что ли?». Как видим, в таких образованиях суффикс *-рэ* связан также с отрицательной формой на *-мы*.

Форма вопросительного наклонения с частицей *-нІэрэ* образуется с помощью суффикса деепричастия *у-/-уэ* и частицей *нІэрэ*. Данная форма выражает сомнение в осуществлении или отсутствии действия в динамических и состояния – в статических

глаголах. Они имеют форму настоящего, будущего I, II, перфекта I и плюсквамперфекта I.

В настоящем времени как динамический, так и статический глагол в вопросительной форме с *нIэрэ* показывает наличие у говорящего сомнения в существовании действия или состояния. Действие, о котором спрашивает говорящий, происходит в момент речи: Ар Астемыр и гум кьэкIри унэмкIэ плъащ, Думэсарэ гьунэгьуу **щыту нIэрэ**, жиIэри (КI.A., 498). «Это пришло в голову Астемира, и (он) посмотрел в сторону дома: не стоит ли рядом Думасара»; [Мадина]: Мы нартыхур хэзысэжар дауи Аслъэнищ, икIи абы шэч хэлъкъым, ауэ куэд щIауэ нIэрэ зэрыхисэжрэ? Езыри дэнэ щыIэу нIэрэ? Псынащхьэм **Iусу нIэрэ**? – жиIэурэ Мэшыкьуэ псымкIэ кIуэну ежьащ (А.М., 40). «Эту кукурузу посадил, конечно, Аслан, и это без всякого сомнения, но давно ли он ее посадил? А где он сам? Не сидит ли он на берегу реки? – думая так, Машуко направился в сторону реки».

Будущее I совпадает с будущим II динамических глаголов вопросительного наклонения. Такое совпадение происходит потому, что суффикс -у сливается с присутствующим в составе будущего II суффиксом будущего времени -у. Говорящий сомневается в том, произойдет ли действие, о котором идет речь, в будущем: Мы сэ кьысхуэнищIар **пхуэсщIэжыфыну нIэрэ**, Ельдар? – жиIэрт Астемыр. (КI.A., 210). «Смогу ли я расплатиться с тобой, Эльдар? – говорит Астемир». Догуэ, Нурхьэлий, уэ гьукIэ Бот деж куэдрэ укIуэу слъэгьуащ. IункIыбзэ быдэ **пхуэмыщIыну нIэрэ**? (КI.A., 187). «Подожди, Нургали, ты часто ходил к кузнецу Боту. Не сможешь ли сделать ключи?».

Вопросительная форма с -*нIэрэ* в перфекте I имеет и динамическую и статическую форму и образуется посредством присоединения к показателю перфекта I -а суффикса -у/-уэ нIэрэ: кьэкIуауэ нIэрэ «пришел ли он?», итхауэ нIэрэ «написал ли он?», щытауэ нIэрэ «стоял ли он?»: Дауэ хьуауэ нIэрэ Елдар, дэнэ нэса, зыхуэмызэн **хуэмызауэ нIэрэ**? (КI.A., 166). «Как там Эльдар, куда доехал, не встретился ли с кем не нужно?». СтIолым тхылъыр **телъауэ нIэрэ**? «Лежала ли книга на столе?».

В плюсквамперфекте I вопросительная форма с -*нIэрэ* образуется так же, как и в префекте I: к основе с показателем времени -гьа присоединяется суффикс -у/уэ нIэрэ: ишэгьауэ нIэрэ «повез ли (тогда)?», сыщытыгьауэ нIэрэ «стоял ли (тогда)?», сиIэгьауэ

пІэрэ «было ли у меня?». *Дохутырыр сымаджэм еІэзэгъауэ пІэрэ?* «Лечил ли (тогда) доктор больного?»; *А махуэм тхылъыр стІолым телъыгъауэ пІэрэ?* «В тот день лежала ли (тогда) книга на столе». Как видно из приведенных примеров, вопросительные формы в плюсквамперфекте могут быть выражены как динамическими, так и статическими глаголами.

Форма вопросительного наклонения с суффиксом *-уи* выражает простой вопрос с удивлением, вызванный у говорящего какой-либо неожиданностью: *седжэуи* «читаю, что ли?», *сытхэуи* «пишу, что ли?», *сиІэуи* «у меня есть, что ли?». В предложениях с такими формами мы можем заметить, что спрашивающий не столько желает получить ответ, сколько удивляется данному факту действительности: *Уэ нацдивизэм умыкІуауи?* (КІ.А., 289) «Ты не вошел, что ли, в нацдивизию?». Подобные вопросительные формы могут быть выражены как динамическими, так и статическими глаголами в настоящем, будущем II, перфекте I и плюсквамперфекте I.

Вопросительные формы динамических и статических глаголов с суффиксом *-уи* в настоящем времени образуются присоединением данного суффикса к основе глагола: *сиІыуи* «делаю что ли?», *дыщытуи* «стоим, что ли?». [Елдар] *Аралпыр букІыу абрэджым уахыхъэжуи?* (КІ.А., 465). «Убив Аралпа, сбежишь, что ли к абрекам». *Шэшэн правльствэ Тифлис дэсуи?* – *къэгубжь нэ-тащ Гиви.* (КІ.А., 41) «Чеченское правительство находится, что ли в Тифлисе? – чуть не рассердился Гиви».

Будущее II вопросительной формы с *-уи* динамических глаголов образуется путем прибавления к основе будущего I показателя будущего II *-у*, который трансформируется в *-уи*: *Ебгъэдженуи?* *Адыгэр бэлшэвыч тхылъ ебгъэдженуи?* (КІ.А., 123). «Будешь учить? Будешь учить адыгов книге большевиков?». *Мэтхъэныр хэкум тет щащІынуи?* – *жиІэу щІэупщІэрт Инал, къыжралар и фІэщ мыхъуу* (КІ.А., 461). «Матхана назначат главным? – спрашивал Инал, не веря тому, что ему говорят».

Вопросительная форма с *-уи* в перфекте I динамических и статических глаголов образуется посредством присоединения указанного суффикса к суффиксу прошедшего времени *-а*: *сеплъауи* «посмотрел, что ли?», *ишауи?* «повел, что ли?», *щылъауи* «лежал, что ли?». *НэкІуэсауи?* *Алыхъ лъэмбытІ незмыгъэчын!* – *жиІэри Хъабибэ и пхъум и Іэр иубыдащ.* (КІ.А., 230) «Тайком по-

шла, что ли? «На один шаг не отпущу! – сказав, Хабиба взяла дочь за руку». [Матрена] Пацтыхъыр уэ *бгъэшынауи*? (КІ.А., 487). «Короля ты напугала, что ли?». Сэ сыщыцІыкІум гуащэ *сиІауи*? «В детстве у меня была, что ли, кукла?»

В плюсквамперфекте I вопросительная форма с *-уи* динамических и статических глаголов образуется с помощью присоединения к форманту времени *-гъа* вопросительной формы *-уи*: *щылъыгъауи* «лежал (тогда), что ли», *сыщытыгъауи* «я стоял (тогда), что ли». *Тхылъ гъэщІэгъуэн седжэгъауи*? «Я читал, что ли, интересную книгу?». *Псы Іуфэм сыІутыгъауи*? «Я стоял, что ли, на берегу реки?». В речи современного кабардинца вопросительные формы в плюсквамперфекте встречаются очень редко.

Во всех вопросительных предложениях с суффиксом *-уи* очевидно выражение удивления. Кроме того, выражение удивления сопровождается усилительной интонацией. Вопрос выражается в виде удивления, недоумения. Такие высказывания с глаголом в вопросительной форме частично утрачивают вопросительное значение. Говорящий в этих случаях не требует ответа от собеседника ввиду того, что в самом содержании высказывания имеется ответ.

В кабардино-черкесском языке встречаются также формы вопросительного наклонения с суффиксом *-къэ*, выражающие вопрос, на который спрашивающий желает получить утвердительный ответ. Поскольку способ образования этих вопросительных форм такой же, как и у форм с *-уи*, мы не считаем нужным останавливаться на анализе этого вопроса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В морфологии адыгских языков категория наклонения, выражающая модальное значение, является самой противоречивой и сложной категорией глагола. В грамматических описаниях и научных прениях по данной теме видим, что разные лингвистические школы и отдельные ученые сформировали целый спектр мнений о категории наклонения и ее месте в кругу других грамматических категорий. Исследователи во многом расходились в научном определении и толковании сути этого языкового явления, вплоть до того, что нет единства в понимании самого содержания термина «наклонение».

В кабардино-черкесском языке решение вопроса о категории наклонения связано с большими трудностями, что объясняется недостаточной разработанностью рассматриваемой проблемы и отсутствием четкого определения отдельных форм наклонения и времени, а также синкретическим характером самих форм наклонения. Особенно много разных мнений по вопросу о критериях выделения и о количестве самих форм наклонения. Практически не разработан вопрос о способах передачи грамматических значений глагольными формами в пределах того или иного наклонения.

На наш взгляд, важна сама история изучения категории наклонения в адыгских языках, поскольку подобный подход дает возможность проследить процесс ее изучения в адыговедении. С этой целью в работе проанализированы труды таких известных ученых-языковедов, как Ш.Б. Ногмов, Г. Турчанинов и М. Цагов, Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф, Г.В. Рогава и З.И. Керашева, М.А. Кумахов и Ж.А. Шаов, У.С. Зекох и Н.К. Губжокова. В работах названных ученых важное место отводится наклонению.

Начало обсуждению проблемы наклонения адыгского глагола положено в изданных в середине XIX в. «Начальных правилах грамматики адыгейского языка» Ш.Б. Ногмова (1843). В середине XX в. проблема наклонения адыгского глагола активно обсуждается в советской лингвистике (Г. Турчанинов, М. Цагов, Н.Ф. Яковлев, Д.А. Ашхамаф, Г.В. Ро-

гава, З.И. Керашева). Ученые не смогли выработать единого мнения по указанной проблеме, что можно объяснить сложнейшим характером адыгского глагола.

Во второй половине XX в. были предложены различные классификации типов наклонения в адыгских языках: от 8 до 10 наклонений; в их число, кроме традиционно выделяемых в языках мира изъявительного, условного, сослагательного, повелительного, также были включены предположительное, целевое (супин), долженствования, возможное, возможно-противительное, вопросительное, повозлительное, желательное, а также наклонение вероятности.

В языкознании последней трети XX и в начале XXI в., т.е. в современном языкознании, заслуживают внимания концепции таких ученых, как М.А. Кумахов, Ж.А. Шаов, У.С. Зекох, Н.К. Губжокова. Однако и они не смогли прийти к единому мнению относительно классификации и сущностных характеристик наклонения в адыгских языках. Концепция каждого ученого представляет собой оригинальный взгляд на проблему.

Категория наклонения неотделима от категории модальности, и она, модальность, определяется как глобальная языковая категория, проявляющаяся на разных уровнях системы языка. Категория модальности является одним из основных средств осуществления отнесенности содержания предложения к действительности. С морфологической точки зрения модальность – это категория наклонения глагола, или, при смене ракурса, наклонение – это морфологическое выражение модальности.

Категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом. Основная роль в выражении модальных значений принадлежит глаголу.

Выделяется 3 типа отношений внутри категории модальности: объективная модальность, субъективная модальность и отношение между субъектом – носителем признака и предикативным признаком.

Предикация передается категориями времени и наклонения. Средствами выражения предикации являются модальность, темпоральность, интонация. В адыгских языках обязательным элементом предикативности является категория финитности.

Финитная форма глагола является выразителем основного, независимого от другого глагола действия, а инфинитная форма не имеет возможности самостоятельно организовать предложение. Инфинитные глаголы зависимы, подчинены, они лишь сопровождают и дополняют финитный глагол. Безусловно, финитная форма является основ-

ным средством выражения законченности предложения. В отличие от финитных глаголов, инфинитивные глаголы не соотносят содержание предложения с действительностью. Таким образом, финитность и инфинитивность выступают выразителями модальной и темпоральной (временной) семантики предложения.

Времена финитного и инфинитивного глаголов, как правило, взаимозависимы, они согласуются друг с другом. В адыгских языках время инфинитивного глагола не абсолютное, а относительное, так как оно соотносится со временем финитного глагола. В этих языках все отношения к действительности – реальности или ирреальности – передаются или органически, посредством специальных форм глагола, или описательно, посредством составного глагольного сказуемого. Это парадигмы одной общей категории – категории наклонения.

Классификация форм модально-временной системы кабардино-черкесского языка производится по принципу морфологической оформленности, или по формальным признакам.

В адыгских языках категория наклонения и времени тесно связаны между собой. Иногда условием существования одной категории является наличие другой. Однако эта связь не носит характера взаимообусловленности, двусторонности. Тем не менее некоторые формы наклонения образуются и функционируют только в сфере определенных временных форм глагола. Тесная взаимообусловленность темпоральных и модальных образований является следствием их «близкородственного» происхождения, так как в праязыке наблюдалась некоторая общность временных и модальных форм.

В адыгских языках система форм наклонения представлена различными формальными показателями, свойственными определенному виду наклонения.

В кабардино-черкесском языке имеется 7 наклонений глагола:

изъявительное, повелительное, условное, сослагательное, желательное, предположительное и вопросительное.

Особенностью кабардино-черкесских глаголов в изъявительном наклонении (индикатив) является суффикс утвердительности *-щ*. Проблема разграничения самих форм изъявительного наклонения связана с тем, что положительная форма данного наклонения может не иметь суффикса *-щ*. Например, динамический глагол выражает совершающееся действие или длительное состояние предмета по отношению к определенному моменту в прошлом и образуется от формы настоящего времени при помощи суффикса *-т* (*-р+т*): *дыхъэшхырт* «смеется», *еджэрт* «читает».

Морфологически динамические и статические глаголы в изъявительном наклонении различаются по форме настоящего времени. Ди-

намические глаголы в настоящем времени имеют -о(-уэ) в составе префикса: сэ с-о-кІуэр «я иду», сэ с-о-тхэр «я пишу». Статические же глаголы характеризуются отсутствием -о(-уэ) и наличием суффикса -иц: сэ сыщыиц «я стою»; сэ ар сиІэщ «я имею это».

Формы изъявительного наклонения могут употребляться для выражения значений, которые свойственны повелительному наклонению. Очень важную роль при этом играют контекст и интонация, а также вся речевая ситуация. Например, употребление изъявительного наклонения в ситуации побуждения характерно для форм 2-го лица единственного и множественного чисел динамических глаголов будущего I: укІуэниц «ты пойдешь (сейчас)», фыкІуэниц «вы пойдете (сейчас)». В некоторых случаях, когда контекст указывает на реальность действия, формы финитных динамических глаголов прошедшего времени изъявительного наклонения могут быть употреблены в значении, близком к значению сослагательного наклонения: мэзым дыкІуат «мы ходили в лес» – кыдыджефІатэмэ дыкІуат «если бы сказали, мы бы пошли (тогда)». Однако к изъявительному наклонению относятся все формы глагола, которые объединены изъявительной модальностью, несмотря на различие способов передачи грамматических значений.

Основной формой повелительного наклонения (императив) в кабардино-черкесском языке является чистая основа с личным показателем 2-го лица единственного и множественного чисел в утвердительной форме: кІуэ «иди», фыкІуэ «идите», а в отрицательной форме – с личным показателем 2-го лица единственного и множественного чисел: плъэ «смотри», умыплъэ «не смотри», фымыплъэ «не смотрите».

В адыгских языках встречаются глагольные формы с особой повелительно-желательной семантикой. В кабардино-черкесском языке они имеют морфологический показатель – префикс -у(ы)-, который стоит обычно перед основой глагола и имеет все личные формы. Как правило, подобные формы по своей семантической направленности выражают проклятие или, наоборот, благопожелание: хъэдрыхэ укІуэ «пусть ты пойдешь (окажешься) на тот свет», насыфыІэ ухъу «будь счастлив».

Формы условного наклонения, в отличие от других косвенных наклонений, богаты вариантными значениями. Помимо основных функций, где четко выражена семантика условия, условные формы обладают рядом значений – вероятности, предположения, подтверждения и т.д., где значение условия часто завуалировано.

В предложениях, выражающих желание, намерение, условные формы могут потерять свое основное назначение и перестать обозначать условие для совершения какого-либо действия или состояния: ХъэгуэлІыгыуэм укъыщыфэну къольэІумэ, си напэр теппхынкІэ сошынэ. «Когда тебя попросят станцевать на свадьбе, я боюсь, что ты меня опо-

зоришь». Однако традиционно подобные формы относятся к условному наклонению.

Некоторые кабардино-черкесские глаголы условного наклонения функционируют как вводные слова или словосочетания: *КъэщӀу жыпӀэмэ, гъэ еджэгъуэр иухащ*. «Короче говоря, учебный год закончился». Они указывают на причину, следствие или конкретизируют высказывание.

Формы типа *къагъуи плъагъунищ* «если придешь, увидишь», *еджи улэжъэнищ* «если выучишься, будешь работать» вызывают некоторые противоречия при определении принадлежности этих форм к условному наклонению. Хотя эти примеры говорят о том, что формы с суффиксом *-и* восходят к союзной форме повелительного наклонения, в этих примерах отсутствуют формы 1-го лица единственного числа, как это имеет место в императиве, они относятся к условному наклонению, поскольку очевидно присутствие условного значения.

В кабардино-черкесском языке сослагательное наклонение (конъюнктив) выражает действие, которое не совершается, но могло бы совершиться при определенных условиях, возможных и невозможных в действительности. Оно тесно связано с категорией времени, поскольку форманты конъюнктива генетически тождественны формантам временных форм. Формы конъюнктива образуются с помощью суффиксов *-т*, *-нут* от основы глаголов будущего I и II времен: *сыкӀуэнт* «я бы пошел (сейчас)», *сыкӀуэнут* «я бы пошел», *седжэнт* «я бы прочитал (сейчас)», *седжэнут* «я бы прочитал».

Кабардино-черкесские глаголы сослагательного наклонения могут употребляться со значениями предположительности или желательности в зависимости от синтаксических условий и контекста: *сыкӀуагъэнут* «я, наверное, пошел бы (тогда)»: *схуээфӀэкӀамэ сыкӀуэнт* «если бы я мог, я бы пошел». От желательного наклонения конъюнктив отличается тем, что обозначает волю, нередко требование говорящего, тогда как желательное наклонение выражает только желание.

Значение конъюнктива могут передавать формы прошедших времен на *-т*: *ар бгъэзэщӀам ущеджэт* «если бы ты исполнил это, ты там учился бы» (имперфект); *нэхъ пасэу къыджефӀам дынэкӀуат* «если бы вы сказали пораньше, мы бы приехали (тогда)» (перфект II); *дохутырым сыкӀуам улэгъэр хъужыгъат* «если бы пошел к врачу, рана затянулась бы» (плюсquamперфект II). Положительная форма изъявительного наклонения может не иметь свойственного ему суффикса *-ищ* во всех временах перфекта II, который образуется от перфекта I посредством суффикса *-т*, указывающего на то, что действие протекало в ограниченное время. Ср.: *сыкӀуащ* «я ходил», *сыкӀуат* «я ходил (тогда)». Дифференциация форм сослагательного и изъявительного наклонений и соответствующих им значений глаголов происходит в контексте предложения.

Основное значение желательного наклонения (оптатив) в кабардино-черкесском языке – выражение желания, потребностей, надежды или мечты. Временной диапазон желательного наклонения ограничен. Действие или состояние, на которое проецируется желательная форма, невозможно в настоящем времени. Исходное значение временного суффикса *-а* в оптативе не сохраняется. Основным значением предложений с желательной формой, образованной от динамического глагола в перфекте I, является выражение желания, которое исполнилось бы в будущем: *седжащэрэт* «хоть бы я учился», *зызгъэпсэхуащэрэт* «хоть бы я отдохнул».

Формы с аффиксом *ре-* являются позвоительной формой желательного наклонения: *иреджэ* «пусть он читает», *щырет* «пусть он там стоит». Глаголы, образуемые с помощью аффикса *ре-* и выражающие желательность и позволение, часто относят к повелительному наклонению. Однако данная форма отличается от повелительного наклонения не только в грамматическом плане, но и в функциональном: *тхэ* «пиши», *и-ре-тхэ* «пусть напишет». Эти формы достаточно четко отграничены друг от друга как по морфологическим свойствам, так и по модальному значению.

В кабардино-черкесском языке основным показателем предположительного наклонения является суффикс *-гъэн*. Данный суффикс осложняется формантом *-ищ*, который, как известно, является и показателем индикатива: *сыкIуагъэнищ* «я, наверное, ходил», *сеплъагъэнищ* «я, наверное, смотрел». Предположительное наклонение выражает неуверенность в осуществлении действия, сомнение, предположение. Предположительное наклонение является одним из основных средств выражения субъективной модальности.

Вопросительное наклонение занимает важное место в парадигме наклонений глагола: оно может навязать всему предложению свою модальную характеристику, временной план и интонацию.

Вопросительное наклонение выражает вопрос с различными смысловыми оттенками и имеет 4 формы: с суффиксом *-рэ*: *укIуэрэ?* «ты идешь, что ли?»; с частицей *-иIэрэ*: *щытауэ иIэрэ?* «стоял ли он?»; с суффиксом *-уи*: *сытхэуи?* «пишу ли я?»; с суффиксом *-къэ*: *лажъэкъэ?* «работает ли он?».

Кроме значения вопроса, в семантике вопросительных форм кабардино-черкесского глагола содержится указание на характер отношения говорящего к содержанию высказывания в плане соответствия его с действительностью в виде предположения, условия, возможности и т.д.

Использованные источники и принятые сокращения

1. **А.М.** – Адэмокъуэ Мухъэrbий. Аслъэнрэ Мадинэрэ. Черкесск, 1959.
2. **Гъу.н.** – Гъуэгу нэху. Черкесиём и тхакъуэхэм я тхыгъэ зэхуэхъэса. Черкесск, 1956.
3. **КІ.А.** – Къыщокъуэ Алим. Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык, 1984. Т. 1.
4. **КІ.А.** – Къыщокъуэ Алим. Эмирым и сэшхуэ. Налшык, 1984. Т. 2.
5. **КІ.А.** – Къыщокъуэ Алим. Мазэ ныкъуэ щхъуантІэ. Налшык, 1984. Т. 3.
6. **КІ.А.** – Къыщокъуэ Алим. Щынэхужыкъуэ. Налшык, 1985. Т. 3.
7. **КІ.А.** – Къыщокъуэ Алим. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык, 1986. Т. 4.
8. **Къ.М.** – Къэрмокъуэ Мухъэмэд. Азэмэт. Налшык, 1984.
9. **Къ.Хъ.** – Къашыргъэ ХъэпащІэ. ГъащІэр матэщІэдзакъым. Налшык, 1988.
10. **М.С.** – МафІэдз Сэрэбий. Тхыгъэхэр. Налшык, 1995.
11. **Н.** – Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык, 1995.
12. **С.Х.** – Сайдин Хатуов. Нэхулгэр къыщыхъум. Черкесск, 1959.
13. **Ш.А.** – Шортэн Аскэрбий. Бгырысхэр. Япэ тхылъ. Налшык, 1978.
14. **Щ.І.** – ЩоджэнцЫкІу Іэдэм. Уи цІэр фІэсщынщ. Налшык, 1964.
15. **Щ.А.** – ЩоджэнцЫкІу Алий. Тхыгъэ нэхьыфІхэр. Налшык, 1948.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдоков А.И. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 81 с.
2. Абдоков А.И. Введение в сравнительно-историческую морфологию абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1981. 96 с.
3. Абазова М.М. Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 136 с.
4. Авидзба З.Х. Модальные аффиксы в глаголе абхазского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1968. 16 с.
5. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 240 с.
6. Актуальные вопросы адыгских языков / Под ред. П.М. Багова и А.С. Кишева. Нальчик: Б.и., 1981. 113 с.
7. Алиева Э.Н. Функционально-семантическая категория модальности и ее реализация в разноструктурных языках (русском, английском и лезгинском): автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2010. 40 с.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
9. Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка / Под редакцией Г.В. Рогава. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1968. 154 с.
10. Багов П.М. Структурные и функциональные особенности некоторых глаголов в адыгских языках // Вестник КБНИИ. Нальчик: КБНИИ, 1970. Вып. 2. С. 3–7.
11. Багов П.М. Наклонение и время в адыгских языках // Проблемы грамматики и лексики адыгских языков. Нальчик: Б.и., 1983. С. 5–14.
12. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955. 416 с.
13. Баскаков В.А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969. 383 с.
14. Бижоев Б.Ч. Причастие в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик: Нарт, 1991. 152 с.
15. Бижоев Б.Ч. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.

16. Бижоев Б.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т. Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2013. 848 с.
17. Бикбаева Л.М. Система средств выражения побудительной модальности в татарском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2008. 25 с.
18. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 605 с.
19. Бондарко А.В. Об относительном и абсолютном употреблении времен в русском языке (в связи с вопросом «темпоральности»). ВЯ, № 6. М.: Наука, 1965. С. 44–55.
20. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). Ленинград: Просвещение, 1971. 239 с.
21. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Ленинград: Наука, 1971. 112 с.
22. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Ленинград: Наука, 1976. 255 с.
23. Борукаев Т.М. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик: Каб.-Балк. Облнэиздат., 1932. 142 с.
24. Бочкова О.С. Категории модальности, времени и пространства в жанре НФ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 25 с.
25. Брудный А.А. Семантика языка и психология человека. О соотношении языка, сознания и действительности. Фрунзе: Илим, 1972. 232 с.
26. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М.: Учпедгиз, 1965. 436 с.
27. Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал. М.: Наука, 1985. 269 с.
28. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л.: Учпедгиз, 1947. 783 с.
29. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследование по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 558 с.
30. Гатина Р.Г. Модальность возможности и невозможности и средства ее выражения: на материале башкирского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 22 с.
31. Гаджиева Н.З. Категория долженствовательного наклонения в азербайджанском языке // Вопросы составления описательных грамматик. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 201–210.
32. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: МГУ, 1958. 332 с.
33. Гвоздев Н.А. Современный русский литературный язык. М.: Просвещение, 1958. 432 с.
34. Гишев Н.Г. Глагол адыгейского языка. М.: Прометей, 1989. 210 с.
35. Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 202 с.
36. Головин Б.Н. О типах, структуре и системе грамматических категорий. М.: Наука, 1968. 278 с.
37. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1973. 308 с.

38. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 240 с.

39. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Наука, 1970. 213 с.

40. Губжогова Н.К. Морфологические и семантико-синтаксические способы выражения модальности в адыгских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006. 21 с.

41. Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследование по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 117–175.

42. Девришбекова Э.Н. Модальность и наклонение в лезгинском языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003. 24 с.

43. Дешериева Т.И. Исследования видо-временной системы в нахских языках. М.: Наука, 1979. 271 с.

44. Думанишева Ж.Б. Языковые средства репрезентации субъективной модальности в романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2011. 22 с.

45. Дзасежев Х.Э. Современный кабардино-черкесский язык (на каб. яз.). Черкесск, 1964. 227 с.

46. Дзуганова Р.Х. Способы суффиксального образования глагола в кабардино-черкесском языке. Нальчик: ИГИ Прав-ва КБР и КБНЦ РАН, 1998. 115 с.

47. Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М. Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1542–1545.

48. Зекорев Н.Н. К проблеме сочетаемости инфинитных глагольных форм в адыгских языках // Материалы региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп: АНИИЭЯЛИ, 1980. С. 222–228.

49. Зекох У.С. К вопросу о категории наклонения в адыгейском языке // УЗ АНИИ. Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, 1966. С. 158–174.

50. Зекох У.С. Об оппозиции «динамичность-статичность», ее сущности и специфика в адыгских языках // Материалы региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп: АНИИЭЯЛИ, 1980. С. 238–244.

51. Зекох У.С. Очерки по морфологии адыгейского языка. Майкоп: АНИИ, 1991. 192 с.

52. Зекох У.С. Адыгейская грамматика. Майкоп: Адыгея, 2002. 511 с.

53. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.

54. Золотова Г.А. К понятию предикативности. Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л.: Наука, 1976. С. 147–154.

55. *Иванова И.П.* Вид и время в современном английском языке / Под ред. Ю.С. Маслова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-в., 1961. 200 с.
56. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1960. 473 с.
57. Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. 293 с.
58. История лингвистических учений. Древний мир / Отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1980. 255 с.
59. Кабардино-черкесский язык. Создание письменности. Фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. I. 547 с.
60. Кабардино-черкесский язык. Лексика, фразеология, устно-поэтический язык, ономастика. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. II. 519 с.
61. *Камбачоков А.М.* Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 236 с.
62. *Карданов Б.М.* Глагольное сказуемое в кабардинском языке. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1957. 138 с.
63. *Касевич В.Б.* Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. 183 с.
64. *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 311 с.
65. Категории глагола и структура предложения. Л.: Наука, 1983. 245 с.
66. *Керашева З.И.* Повелительное наклонение в адыгейском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1960. Т. XIII. С. 299–303.
67. *Керашева З.И.* Предикативная функция глагола и зависимость структуры предложения от предиката-глагола // Адыгейская филология. Краснодар: Краснодарский гос. пед. инст., 1965. С. 53–93.
68. *Керашева З.И.* Финитные и инфинитные глаголы в функции сложного сказуемого в адыгских языках // Адыгейская филология. Краснодар: Краснодар. Гос. пед. инст., 1967. С. 3–162.
69. *Керашева З.И.* Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 302 с.
70. *Керашева З.И.* Лингвистическое наследие III. Ногма и адыгское языкознание // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2004. Вып. 4. С. 27–42.
71. *Кибардина Т.М.* Средства выражения модальности в удмуртском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2003. 20 с.
72. *Климов Г.А., Шагиров А.К.* К сравнительно-историческому изучению адыгских языков // УЗ КБНИИ. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. Т. 16. С. 261–269.
73. *Климов Г.А.* Кавказские языки. М.: Наука, 1965. 112 с.
74. *Климов Г.А.* Типология кавказских языков. М.: Наука, 1980. 304 с.
75. *Кржижкова Е.* Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке. ВЯ. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. № 3. С. 17–27.

76. Куашева Т.К. Морфологические особенности терских говоров // УЗ КБНИИ, Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. Т. XVI. С. 223–237.
77. Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Нальчик: Каб.-Балк. книжн. изд-во, 1964. 271 с.
78. Кумахов М.А. Адыгейский язык // Языки народов СССР – Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967. Т. 4. С. 145–165.
79. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 341 с.
80. Кумахов М.А. Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик: Эльбрус, 1984. 323 с.
81. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.
82. Кумыкова Д.М. О грамматическом статусе и семантике кратких форм страдательных причастий // Известия КБНЦ РАН. 2012. № 6. С. 159–166.
83. Кумыкова Д.М. К вопросу субстантивации прилагательных в кабардино-черкесском языке // Известия КБНЦ РАН. 2011. № 4. С. 136–140.
84. Кумахов М., Вамлинг К. Дополнительные конструкции в кабардинском языке. Швеция–Москва, 1998. 346 с.
85. Курашинов К.Х. Имя, местоимение и глагол в адыгских языках // Особенности грамматических категорий и их применение в адыгейской речи. Майкоп: АНИИЭЯЛИ, 1978. С. 3–24.
86. Курилович Е.В. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 456 с.
87. Лайонз Джон. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 542 с.
88. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976. 143 с.
89. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
90. Ломтатидзе К.В. Абазинский язык. Языки народов СССР. М.: Наука, 1967. Т. 4. С. 123–145.
91. Ломтатидзе К.В. Абхазский язык. Языки народов СССР. М.: Наука, 1967. Т. 4. С. 101–123.
92. Лопатинский Л.Г. Краткая кабардинская грамматика. СМОМПК. Фотокопии. Тифлис, 1891. Вып. 12. 46 с.
93. Люлье Л. Словарь русско-черкесский или адыгский, с краткою грамматикою сего последнего языка, одобренного императором Санкт-Петербурга, АН. Фотокопии, переплет. В 4 книги. Одесса, 1846. 27 с.
94. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1977. 205 с.
95. Маллаева З. Видо-временная система аварского языка. Махачкала: Барри, 1998. 156 с.

96. Мамрешев К.Т. Особенности баксанского диалекта кабардинского языка. Нальчик: КБНИИ, 1959. 84 с.

97. Мамрешев К.Т. О критериях выделения глагольных категорий в кабардино-черкесском языке // Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана. Нальчик: Каб.- Балк. кн. из-во, 1963. С. 71–76.

98. Марр Н.Я. Избранные работы. Л., 1973. Т. 4. 132 с.

99. Меликишвили Д.Н. О взаимоотношении будущего времени и сослагательного наклонения (на материале древнегрузинского языка) // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси: Мецниереба, 1980. С. 74–75.

100. Меретуков К.Х. Структура основы глагола повелительной формы желательного наклонения в адыгских языках // Сб. статей по адыгейскому языку. Майкоп: АНИИЭЯЛИ, 1976. С. 3–33.

101. Меретуков К.Х. Вопросы строения глагола в адыгских языках. Майкоп: Мецниереба, 1985. 160 с.

102. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.: Наука, 1978. 387 с.

103. Мещанинов И.И. Глагол. Л.: Наука, 1982. 270 с.

104. Муратова Ф.А. Лексико-грамматические средства выражения модальности в кумыкском языке: в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1998. 22 с.

105. Мухамеджанов Ю.А. Будущие времена в адыгейском языке // УЗ АНИИ. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1963. Т. 2. С. 124–131.

106. Мухамеджанов Ю.А. Прошедшие времена и аорист в адыгейском языке // УЗ АНИИ. Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966. Т. 5. С. 66–95.

107. Мухамеджанов Ю.А. Времена глагола в адыгских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1967. 15 с.

108. Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. М.: Наука, 1971. 297 с.

109. Налоев А.Х. Категория времени кабардинского глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1956. 16 с.

110. Налоев А.Х. К вопросу о категории времени в кабардинском языке // УЗ КБГПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. 361 с.

111. Налоев А.Х. Аорист (в кабардинском языке) // УЗ КБИГИ. Нальчик, 1958. Вып. 2. С. 115–118.

112. Никитович В.М. Грамматические категории в современном русском языке. М.: Наука, 1963. 246 с.

113. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.

114. Ногма Ш.Б. Филологические труды. Нальчик: Каб.-Балк. книжн. изд-во, 1956. Т. 1. 308 с.

115. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Нальчик: Каб.-Балк. книжн. изд-во, 1959. Т. 2. 197 с.

116. *Орехова Е.И.* Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 22 с.

117. *Орлова О.Е.* Модальное значение нежелательности действия в структуре безличного предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.

118. Очерки кабардино-черкесской диалектологии / Под ред. доктора филологических наук М.А. Кумахова. Нальчик: КБНИИ, 1969. 328 с.

119. *Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. 275 с.

120. *Панфилов В.З.* Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971. 232 с.

121. *Парамонов Д.А.* Феномен грамматического выражения модальных значений в современном русском языке в свете экспрессивности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 24 с.

122. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М.: Учпедгиз, 1956. 515 с.

123. *Поспелов Н.С.* Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке // Сб. исследований по грамматике русского литературного языка. М.: Наука, 1955. С. 183–190.

124. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1967. 542 с.

125. *Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. 262 с.

126. *Розава Г.В., Керашиева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Майкоп: Красн. кн. изд-во, 1966. 463 с.

127. *Розава Г., Кумахов М.* Словоизменение адыгских языков. Вопросы языкознания. М.: Наука, 1974. 135 с.

128. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. 783 с.

129. Русская грамматика. М.: Наука, 1982. Т. 1. 783 с.

130. *Сильницкая Г.В.* Система значений модальных глаголов в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 24 с.

131. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 852 с.

132. Современный русский язык. М.: Наука, 2001. 516 с.

133. *Суриун А.Е.* Части речи в русском языке. М.: Просвещение, 1971. 135 с.

134. *Табулова Н.Т.* Грамматика абазинского языка. Черкесск: Карач.-Черк. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1976. 351 с.

135. *Таов Х.Т.* Проблемы кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, КБГУ, 1997. 131 с.

136. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990. 262 с.

137. *Тов Н.А.* Вопросительные и утвердительные формы в адыгейском языке. Майкоп: Адыгея, 2005. 144 с.

138. *Турчанинов Г., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. М.: АН СССР, 1940. 160 с.

139. *Турчанинов Г.Ф.* Материалы по диалекту моздокских кабардинцев // УЗ КНИИ. Нальчик: Кабгосиздат, 1946. С. 203–241.

140. *Урусов Х.Ш., Захохов Л.Г.* Орфографический словарь кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 1982. 1136 с.

141. *Урыс Хь.Ш.* Адыгэбзэм и тхыдэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 360 с.

142. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887. 102 с.

143. *Утижев Б.К.* Позвоительно-повелительные формы в кабардино-черкесском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1972. 17 с.

144. *Утижев Б.К.* Позвоительно-повелительные формы повелительного наклонения в кабардино-черкесском языке // Вестник КБНИИ. Нальчик: КБНИИ, 1972. Вып. 5. С. 275–301.

145. *Утижев Б.К.* Повелительно-желательные формы в кабардино-черкесском языке // Вестник КБНИИ. Нальчик: Эльбрус, 1973. Вып. 7. С. 255–262.

146. *Федосеева А.В.* Имплицитная модальность высказывания в коммуникативно-прагматическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. 22 с.

147. *Храковский В.С.* Семантика и типология императива. Русский императив. Ленинград: Наука, 1986. 270 с.

148. *Хежева З.Р.* Проблема дифференциации категории наклонения и времени в адыгских языках // IV конференция молодых ученых к 10-летию КБНЦ РАН. Нальчик: КБНЦ РАН, 2003. С. 78–80.

149. *Хежева З.Р.* Проблема выделения глагольных категорий в кабардино-черкесском языке // Международная научная конференция «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии». Майкоп: АГУ, 2005. С. 195–196.

150. *Хежева З.Р.* О позволительной форме желательного наклонения в адыгских языках // Вестник КБИГИ. Нальчик: Эль-Фа, 2005. № 12. С. 226–235.

151. *Хежева З.Р.* К вопросу о разграничении модально-временной системы в абхазско-адыгских языках // V Международный конгресс «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Симпозиум VIII. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. С. 104–106.

152. *Хежева З.Р.* Темпоральность и модальность как основные средства выражения предикативности в адыгских языках // Вестник Костромского государственного университета им. А.Н. Некрасова. Кострома: КГУ, 2007. Т. 13. № 4. С. 157–160.

153. *Хежева З.Р.* Временные ориентации финитных форм изъявительного наклонения // Вестник КБИГИ. Нальчик: Эль-Фа, 2007. № 14. С. 237–243.

154. *Хежева З.Р.* Роль форм наклонений в структуре инфинитных конструкций адыгских языков // *Лингвистическое Кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Материалы IV Международной научной конференции.* Карачаевск: КЧГУ, 2007. С. 311–314.

155. *Хежева З.Р.* Роль финитных и инфинитных глаголов в конструировании предложения в адыгских языках // *Материалы международной научной конференции «Кавказские языки: генетические, типологические и ареальные связи».* Махачкала, 2008. С. 416–417.

156. *Хежева З.Р.* Категория финитности и инфинитности в связи с другими категориями глагола // *Вестник Российского университета дружбы народов (Серия Лингвистика).* М.: РУДН, 2008. № 4. С. 24–28.

157. *Хежева З.Р.* Наклонение как прямое отражение логической категории модальности // *Международная научно-практическая конференция «Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия».* Махачкала, 2009. С. 453–455.

158. *Хежева З.Р.* К генезису формантов конъюнктива в адыгских языках // *Вестник КБИГИ.* Нальчик: КБИГИ, 2009. № 16. С. 205–211.

159. *Хежева З.Р.* Императивные конструкции в произведениях А.П. Кешокова // *Материалы региональной научной конференции «А. Кешоков и развитие северокавказских литератур».* Нальчик: КБИГИ, 2010. С. 178–183.

160. *Хежева З.Р.* Проблема разграничения императива и оптатива в кабардино-черкесском языке // *Вестник Шэныгыгъэгуаз Адыгейского государственного университета.* Майкоп: Издательство АГУ, 2010. Вып. 2 (58). С. 185–190.

161. *Хежева З.Р.* Особенности выражения индикатива в кабардино-черкесском языке» (на материале прозы А.П. Кешокова) // *Известия КБНЦ РАН.* Нальчик, 2012. С. 180–185.

162. *Хежева З.Р.* Модальность как важнейшая категория глагола кабардино-черкесского языка // *Известия КБНЦ РАН.* Нальчик: КБНЦ РАН, 2014. С. 245–250.

163. *Хежева З.Р.* Вопросительное наклонение как средство репрезентации вопросительной модальности в адыгских языках // *Известия КБНЦ РАН.* Нальчик: КБНЦ РАН, 2014. С. 241–246.

164. *Чикобава А.С.* Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1952. 243 с.

165. *Чкадуа Л.П.* Образование условного наклонения в абхазском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1959. 16 с.

166. *Чкадуа Л.П.* Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 310 с.

167. *Чкадуа Л.П.* Финитные и инфинитные глагольные образования абхазского языка в функции выражения предикативности // *Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков.* Нальчик, 1977. С. 148–157.

168. *Шагиров А.К.* Кабардинский язык // *Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки.* М.: Наука, 1967. Т. 4. С. 165–184.

169. *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 222 с.

170. *Шакрыл К.С.* Аффиксация в абхазском языке. Сухуми: Абгиз, 1961. 172 с.

171. *Шакрыл К.С.* Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми: Алашара, 1971. 292 с.

172. *Шаов Ж.А.* Категория наклонения в адыгейском языке // Адыгейская филология. Краснодар: Краснодарский Гос. пед. институт, 1965. Вып. 1. С. 93–114.

173. *Шаов Ж.А.* Категория наклонения в адыгейском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 1966. 15 с.

174. *Шаов Ж.А.* О месте категории наклонения в адыгейском языке и формах желательного наклонения // Адыгейская филология. Краснодар: Краснодарский Гос. пед. институт, 1967. Вып. 2. С. 162–172.

175. *Шапиро А.Б.* Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М.: Наука, 1958. С. 72–80.

176. *Шарданов А.Х.* Проблемы кабардино-черкесской грамматики. Нальчик: КБГУ, 1999. 236 с.

177. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка / Ред. и комментарии проф. Е.С. Истриной. Л.: Учпедгиз, 1941. Изд. 2. 620 с.

178. *Шериева Н.Г.* Выражение отрицания в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 94 с.

179. *Экба Н.Б.* Опыт сопоставительной грамматики русского, кабардинского и кабардино-черкесского языков. Фонетика и морфология. Черкесск: Карач.-Черк. книжн. изд-во, 1963. 179 с.

180. *Эльбердов Х.У.* Грамматика кабардинского языка. Фонетика и морфология. Нальчик: Кабгосиздат., 1948. 176 с.

181. *Эльбердов Х.У.* Некоторые спорные вопросы грамматики кабардинского языка (на каб. яз.). Нальчик: КБНИИ, 1959. 138 с.

182. *Эльбердов Х.У.* О частях речи в кабардино-черкесском языке // Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. С. 58–63.

183. *Эльбердов Х.У., Тажев Ш.* Грамматика кабардинского языка. Фонетика и морфология (на каб. яз.). Нальчик: Кабгос. издат., 1951. 184 с.

184. *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 462 с.

185. *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 371 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. История изучения категории наклонения в адыгских языках	8
1.1. Ш.Б. Ногмов о грамматической категории наклонения ...	9
1.2. Изучение категории наклонения в середине XX века	12
1.3. Изучение категории наклонения в адыгских языках в современном языкознании	21
Глава 2. Модальность как важнейшая категория глагола	33
2.1. Выражение модальности в категориях наклонения	38
2.2. Предикативность и модальность	40
2.3. Модальная семантика в категориях финитности и инфинитности	49
2.4. Особенности выражения категории времени в адыгских языках	60
Глава 3. Система наклонений в кабардино-черкесском языке	72
3.1. Изъявительное наклонение	72
3.2. Повелительное наклонение	82
3.3. Условное наклонение	87
3.4. Сослагательное наклонение	96
3.5. Желательное наклонение	101
3.6. Предположительное наклонение	107
3.7. Вопросительное наклонение	110

Заключение	117
Использованные источники и принятые сокращения ...	123
Библиография	124

Научное издание

Хежева Залина Рашидовна

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ
В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Макет и техническое редактирование

И.Х. Кушховой

Корректор

З.В. Черкесова

Художественное оформление

И.Х. Кушховой

Подписано в печать 06.11.15 г. Формат 60х84¹/₁₆. Гарнитура Palatino Linotype
Усл. печ. л. 7,9. Тираж 500 экз. (1-й завод – 150). Заказ № 141

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru

The federal state budgetary science establishment
The Kabardian-Balkarian institute of humanitarian research
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street
E-mail: kbigi@mail.ru